

В. В. ГУРА

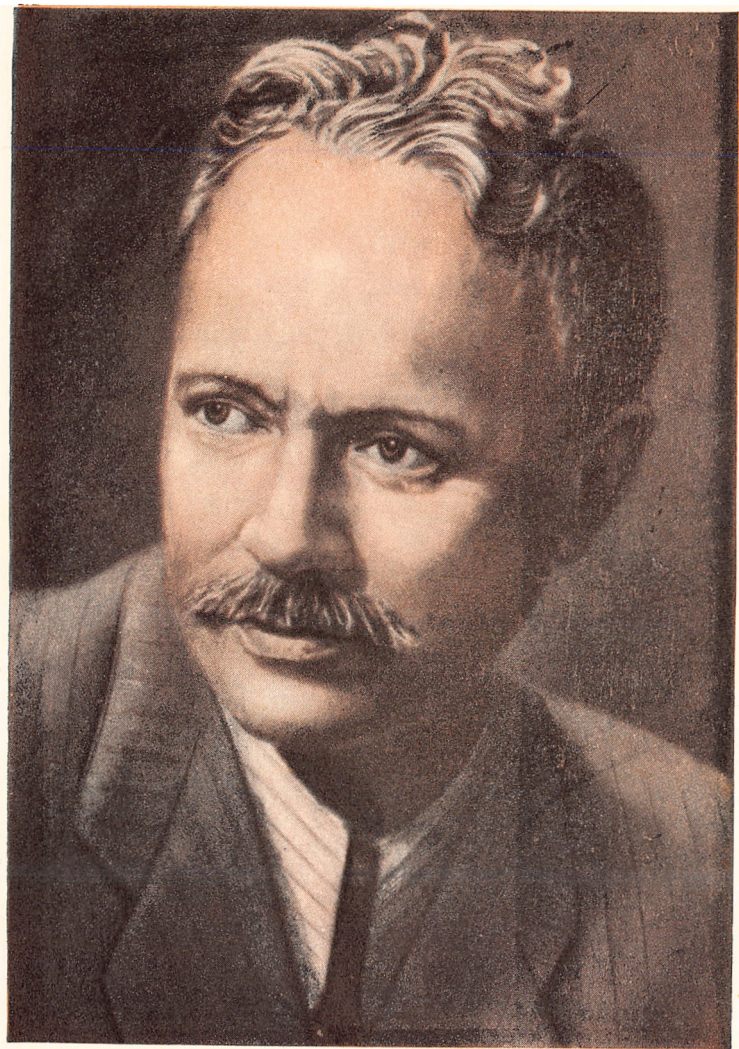

ЖИЗНЬ
И
ТВОРЧЕСТВО
М. А. ШОЛОХОВА

Учпедгиз. 1960

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
М. А. ШОЛОХОВА

В. В. Тура

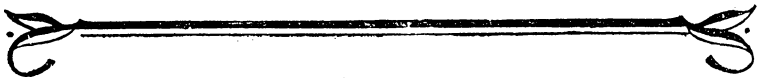
ЖИЗНЬ
и
ТВОРЧЕСТВО
М. А. ШОЛОХОВА

ИЗДАНИЕ
ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1960

ВВЕДЕНИЕ

1

В один из первых осенних дней 1923 года молодые читатели «Юношеской правды», поутру развернув свежий, пахнувший типографской краской номер своей газеты, прочли небольшой фельетон тогда никому не известного восемнадцатилетнего писателя, а теперь — всемирно признанного классика литературы социалистического реализма, создателя ярких образцов советского эпоса — романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

Как и всякий большой художник, Шолохов не просто входил в литературу. Он «вламывался» в нее, вторгался в жизнь читателей, завладевал их мыслями и чувствами и властно вел за собой.

Имя Шолохова неразрывно связано с историей советской литературы. Его книги — живое свидетельство ее идейно-художественной зрелости, торжества эстетических принципов искусства социалистического реализма.

Произведения Шолохова объединены глубоким внутренним смыслом. Это, собственно, одна книга о судьбах нашего народа на разных этапах его революционного пути; книга, отразившая в художественных образах большие исторические события, узловые моменты нашей эпохи. Историзм, масштабность изображения современной жизни — существенная особенность творчества Шолохова.

Шолохов, по словам Алексея Толстого, «быть может, начинает новую народную прозу», скрепляя своим та-

лантом советскую литературу со «старшими богатырями», с реалистическими традициями русской классики.

2

Неиссякаемый источник книг Шолохова — жизнь, и писатель черпает из нее факты родниковой свежести, знает их не хуже любого краеведа, диалектолога, этнографа, фольклориста, историографа.

Глубокое знание жизненного материала, совершенное владение им придают романам Шолохова удивительную конкретность, помогают создать жизненную атмосферу, в которую читатель погружается с головой, забывая о том, что листает страницы книги. Завидное знание Шолоховым жизни рождает взволнованное отношение к тому, о чем пишет автор, эмоционально окрашивает его полотно. Романы этого могучего художника волнуют, потому что они — сама жизнь, размышления, раздумья автора над судьбами своей Родины и народа. Не боясь упреков за преувеличение, можно назвать их философскими романами. Именно с философской глубиной Шолохов воплощает в художественных образах конкретные исторические события, определяющие судьбы народных масс в революции, их победное шествие. Всеобъемлющей художественной мыслью оплодотворено поступательное движение истории, изображенное в «Тихом Доне» и «Поднятой целине», ею пронизаны жизненные противоречия, раскрытые с шолоховской психологической и драматической глубиной. Всего лишь на нескольких страницах разворачивается характер Кондрата Майданникова, но они «томов премногих тяжелей». Ломка психологии крестьянина-единоличника, рождение социалистических начал в его характере — это сложный жизненный процесс, наполненный как раз поистине всечеловеческой мыслью.

Нарисовав трагическую фигуру Григория Мелехова, Шолохов раскрыл сложную философскую проблему взаимоотношения личности и народа, проблему места личности в революционной борьбе.

Писатель далек от назойливой, лобовой подачи своих взглядов. В его народных по духу и форме творениях идейность и философская глубина сплавлены с высоким мастерством, с огромной силой эстетического воздействия на читателя.

Имя Шолохова связано с утверждением метода социалистического реализма, с творческими поисками в этом основном русле советской литературы. Пожалуй, никто из современных писателей не оказывает такого сильного влияния на литературу, как Шолохов. Может быть, потому, что в его творчестве метод социалистического реализма получил самое зрелое художественное воплощение. Творчество Шолохова утверждает главное реалистическое направление, обогащенное его художественным опытом. «В том и величие его как художника,— писала о Шолохове «Правда», — что он явился одним из талантливейших выразителей общих устремлений всей передовой советской литературы, сохраняя неповторимое обаяние своего художественного облика, глубокую самобытность творческой личности».

Многие из писателей, как у нас, так и за рубежом, признают, что Шолохов своими книгами заставлял и заставляет их вглядываться в жизнь, помогает увидеть новое там, где они могли бы его и не увидеть без знакомства с его романами, будил и продолжает будить писательскую мысль.

3

Книги Шолохова в яркой художественной форме несут миру коммунистические идеи, раскрывают историческое значение великих подвигов нашего народа, побед социализма, воспитывают у зарубежных читателей веру в победу дела революции. Будучи глубоко национальным писателем, Шолохов во весь рост рисует русские характеры, раскрывает особенности советских людей, их благородные идеалы, человечность и самоотверженность в достижении своих великих целей.

Вместе с другими писателями Шолохов своими романами завоевывал советской литературе всемирную славу и признание.

Огромные шолоховские полотна, по словам Серафимовича, «нашли широкий доступ в сердца зарубежных читателей»¹. Возвращаясь из зарубежных поездок и отмечая большой интерес к советской литературе за границей,

¹ А. Серафимович, Собрание сочинений, т. X, Гослитиздат, М., 1948, стр. 368.

А. Толстой подчеркивал, что особенно хорошо там знают Шолохова¹. «Первым писателем, который оказал сильное влияние на английскую культурную жизнь, — рассказывает прогрессивный английский писатель Джек Линдсей, — был Шолохов, чьи романы, по общему признанию, обладают такой широтой и таким богатством красок и образов, что можно говорить о близости его романов к классическим произведениям XIX века»².

Романы Шолохова весьма оживленно обсуждались зарубежной прессой, высокую оценку его творчеству давали крупнейшие писатели мира — английский романист Г. Уэллс, французский писатель Р. Роллан, немецкий писатель Л. Фейхтвангер и другие. Отмечая популярность советской литературы в Европе, Л. Фейхтвангер писал: «В особенности огромную познавательную роль сыграли романы Михаила Шолохова, писателя большой художественной силы. Эти романы показали зарубежному читателю, что советский писатель объективно умеет видеть и своих врагов и свои недостатки. «Тихий Дон» — это художественное полотно большого мастера. В Европе это признают даже враги Советской власти»³.

Известный голландский писатель Тойн де Фрис, отмечая правдивость и человечность Шолохова, увидел то главное, чем определяется сила воздействия этого писателя на людей зарубежных стран: «Никогда не забывал я, да и не мог забыть весомое, сильное и драматическое впечатление, которое произвели на мою юную, полную исканий душу романы Шолохова... Особенно часто я возвращался к ним в то время, когда враги моей страны летом 1941 года предательски напали на Советский Союз... Мне, как и многим другим людям в оккупированных странах, романы советских писателей придавали мужество, а перечитывая Шолохова, я преисполнялся убеждением, что народ, проложивший путь к социализму в октябре 1917 года, не может быть побежден бесславной армией фашистов. Я не бывал в Советском Союзе, но я знал его

¹ А. Толстой, Зарубежные впечатления, «Литературный Ленинград» от 23 ноября 1936, № 54, стр. 2.

² Д. Линдсей, Советская литература в Англии, «Советская культура» от 25 декабря 1954 г., № 154, стр. 4.

³ Л. Фейхтвангер. Мои впечатления, мои планы, «Книга и пролетарская революция», 1937, № 2, стр. 16.

народ, и не плохо знал, по романам Михаила Шолохова»¹.

Шолохов оказывает непосредственное и плодотворное воздействие на развитие прогрессивной литературы за рубежом. Многие зарубежные писатели признают большое влияние Шолохова на их творчество, на формирование их мировоззрения, большую эстетическую силу воздействия его книг, непреходящее значение его как творческой личности. Шолохова единодушно называют самым крупным из всех ныне живущих писателей, «великим писателем России и одним из величайших эпических писателей мира». «Если какой-нибудь писатель сегодня заслуживает Нобелевской премии, то это Шолохов, — говорит датский писатель Ганс Кирк и с сожалением заканчивает, — но он ее не получит, так же как ее не получили Горький и Нексе»².

Идейно-художественный опыт советской литературы, обогащенной успехами социалистического строительства в нашей стране, имеет громадное практическое значение для стран народной демократии и их молодой социалистической литературы. Историческим опытом нашего народа, опытом строительства социализма вооружают трудящихся этих стран и романы Шолохова.

Китайские писатели сообщают, что «Поднятая целина» в их стране рекомендуется в качестве дополнительного пособия для изучения генеральной линии «Истории КПСС»³. «На романе Шолохова «Поднятая целина», — пишет профессор Пекинского университета Цао Цзин-хуа, — наши сельские руководящие работники учатся бдительности, умению распознавать врага, который не смиряется со своим поражением и начинает заниматься вредительством»⁴. «Ценный опыт борьбы» дал китайскому народу и «Тихий Дон».

Книги Шолохова участвовали в борьбе героического вьетнамского народа за свою независимость. Когда юно-

¹ Тойн де Фрис, Заметки о творчестве Михаила Шолохова, «Иностранная литература», 1956, № 11, стр. 183.

² «Советская литература за рубежом», «Новый мир», 1954, № 12, стр. 236.

³ Письмо Союза писателей Китая. В кн.: «Михаил Шолохов». Сборник статей, изд. ЛГУ, Л., 1956, стр. 250.

⁴ Цао Цзин-хуа, Советская литература в Китае, «Правда» от 22 ноября 1951 г., № 326, стр. 3.

ша-вьетнамец привез из Европы «Поднятую целину», на нее установилась очередь. Книга случайно оказалась у переплетчика, оставшегося на временно оккупированной территории. Тогда один из писателей прошел через фронт, разыскал переплетчика и вернулся с «Поднятой целиной». Но один экземпляр романа не мог удовлетворить всех желавших прочитать его. Пришлось разброшюровать книгу, и вскоре, переписанная от руки, она распространилась во многих экземплярах¹.

Творческий опыт Шолохова, запечатлевшего в «Поднятой целине» великий перелом в жизни советской деревни, помогает писателям стран народной демократии показать борьбу крестьянства за освобождение от кулацкой кабалы, переход к коллективным формам труда. Роман китайского писателя Чжоу Ли-бо «Ураган», повесть румынского писателя Петру Димитриу «Охота на волков», роман корейского писателя Ли Ги Ен «Земля», посвященные показу становления деревни на путь коллективного труда, находятся в русле шолоховских традиций. Романы Шолохова помогают писателям стран народной демократии глубже изображать жизнь, полнее овладевать методом социалистического реализма.

4

Светлым августовским утром 1959 года в станицу Вешенскую по приглашению Шолохова прибыл Первый секретарь ЦК нашей партии Никита Сергеевич Хрущев.

Это было перед самой его поездкой в Америку. Вся станица, жители окрестных хуторов и соседних районов пришли встретить дорогого гостя. Днем на старой станичной площади собрался многотысячный митинг. Общее чувство глубокой радости по поводу приезда Н. С. Хрущева выразил Шолохов. Обращаясь к Никите Сергеевичу, он говорил: «Вы полетите за океан. Но вот эта небольшая частица советского народа, весь советский народ, и не только советский народ, мыслями будут с Вами. И от имени вешенцев и наших дорогих гостей, сталинградцев и воронежцев, хочу Вас заверить, что мы тоже будем с Вами там, в Америке».

¹ И. Базаров, История двух книг, «Литературная газета» от 18 октября 1951 г., № 122, стр. 3.

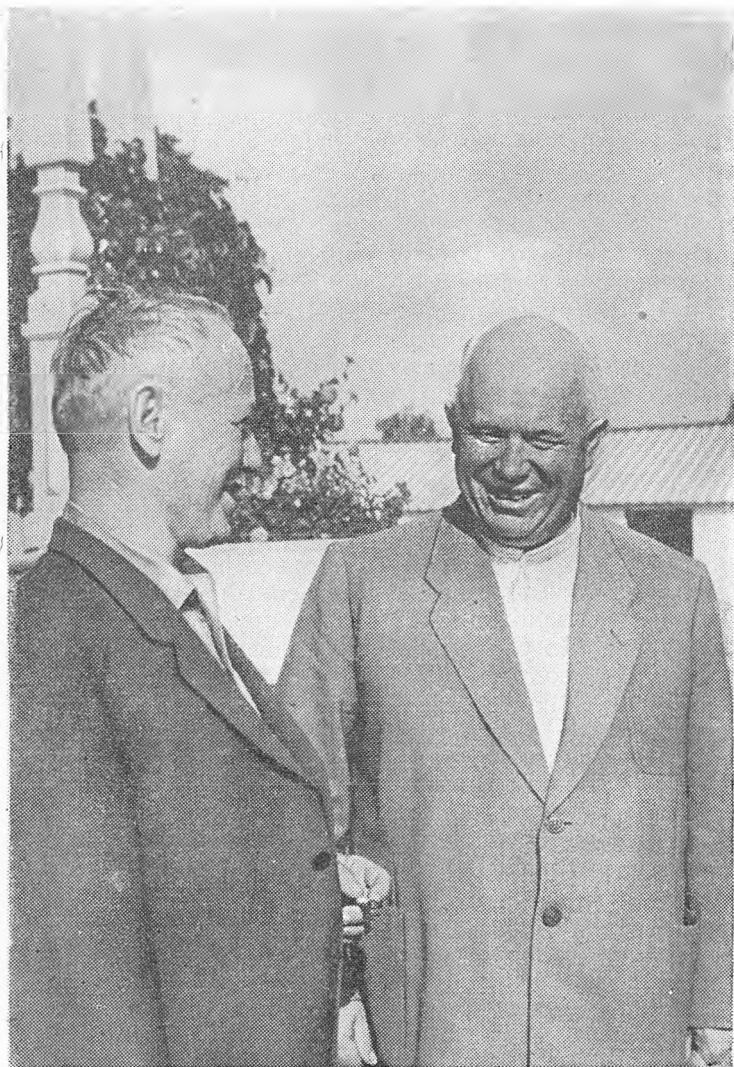
Митинг в станице Вешенской стал праздником для всей советской литературы, демонстрацией ее единства с жизнью народа. Приезд руководителя партии и государства к крупнейшему советскому писателю — выражение сердечного внимания партии к художнику, кровно связанному со своим народом. Н. С. Хрущев на примере творчества Шолохова показал, каким должен быть настоящий советский писатель, подлинный летописец советской эпохи.

Называя Шолохова великим советским писателем, талантливым и правдивым летописцем нашей великой эпохи, Н. С. Хрущев подчеркнул, что партия и весь народ ценят его как «выдающегося художника слова, посвятившего свой могучий талант служению великому делу построения коммунизма»¹. Н. С. Хрущев раскрыл основные особенности творческого облика Шолохова: партийность и народность, гуманизм творчества писателя, помогающего людям правильно понять историческое значение титанических подвигов, совершенных нашим народом под руководством партии. Талантливо и правдиво рассказывая о том, в какой героической борьбе родился и утвердился самый человечный общественный строй — строй социализма, Шолохов несет всему миру правду о Советской стране. По словам Н. С. Хрущева, «органическая партийность творчества Шолохова и постоянная связь с жизнью своего народа определяют великую силу его произведений».

Будучи верным гражданским традициям великой русской литературы, Шолохов подает советским писателям пример большой взыскательности к своей работе и высокой ответственности за свой труд. Великое значение творчества Шолохова Н. С. Хрущев видит в том, что «он с большой силой, яркостью и душевной проникновенностью создал образы людей труда, показал сложный и богатый духовный мир простого человека».

«Шолохов, как никто другой, — говорит Н. С. Хрущев, — умеет показать роль Коммунистической партии, поднявшей народ на борьбу за построение новой жизни и воспитание нового человека. Он глубоко раскрывает процесс формирования, роста человека, преодолевающе-

¹ Н. С. Хрущев, Воля народов всех стран — обеспечить мир во всем мире, Госполитиздат, М., 1959, стр. 9.

Н. С. Хрушев в гостях у М. А. Шолохова в станции Вешенской.

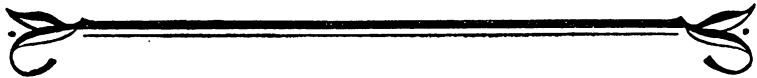
го собственнические пережитки. Творчество Шолохова глубоко гуманно, проникнуто сердечной любовью к человеку-труженику. Это гуманизм революционный, социалистический, который исходит из того, что счастье народа завоевывается в борьбе с его врагами...

Все творчество Шолохова выражает интересы трудящихся, создающих материальные и духовные блага и ценности на земле. С огромным уважением и искренней любовью к человеку-труженику написаны его замечательные книги. Они направлены против тех, кто хочет помешать мирному созидательному труду и ввергнуть народы в пучину новых бедствий»¹.

Приезд Н. С. Хрущева к Шолохову, митинг в станице Вешенской — яркая страница в истории советской литературы, признание ее большой и важной роли в общенародной борьбе за коммунизм.

¹ Н. С. Хрущев, Воля народов всех стран — обеспечить мир во всем мире, Госполитиздат, М., 1959, стр. 9—10.

Глава I

НА ПОДСТУПАХ К «ТИХОМУ ДОНУ»

1. Годы детства и юности

Михаил Александрович Шолохов родился 24 мая 1905 года в хуторе Кружилином Вешенской станицы Донецкого округа, б. Области Войска Донского (теперь Ростовская область).

Кружилин — большой степной хутор, раскинувшийся между Чиром и Доном. На церковной площади, в самом центре хутора, еще совсем недавно стоял небольшой, крытый чаканом курень, где родился и провел раннее детство Михаил Шолохов.

Недалеко от хутора — помещичье имение Ясеновка. Там с двенадцати лет до самого замужества жила в услужении мать писателя, Анастасия Даниловна Черникова, дочь крепостного крестьянина из Черниговщины. Ее отец и после реформы 1861 года работал на помещика, был обременен большой семьей и никогда не выходил из нужды. Мать Шолохова выучилась грамоте в те годы, когда ее сын был в гимназии. Она тяжело переживала разлуку с ним и сама, без помощи мужа и соседей, начала писать сыну и читать приходившие от него письма. Эта малограмотная женщина была наделена острым природным умом, обладала живой образной речью, драгоценным даром творчества. Она и передала сыну самое богатое, по словам А. С. Серафимовича, наследство — «наследство быть крупнейшим художником».

Отец писателя, Александр Михайлович Шолохов, — выходец из Рязанской губернии. С молодых лет ему

Домик, в котором родился М. А. Шолохов.

пришлось работать по найму, разделяя участь всех «иногородних» на Дону. По суровым казачьим законам он не имел права на собственный надел земли, поэтому сеял хлеб на арендованной казачьей земле, часто менял профессии и кочевал с семьей по донским хуторам и станицам.

Впечатления детства и юности оказали большое влияние на формирование Шолохова как писателя. «Я родился на Дону, — говорил он, — рос там, учился, формировался как человек и писатель, воспитывался как член нашей Коммунистической партии...»

Безграничные просторы родных степей, зеленеющие берега величавого Дона с детства запечатлелись в сознании Шолохова. Он впитывал в себя родной донской говор, задушевные казачьи песни. Своими глазами он видел жизнь донских станиц и хуторов, своеобразный быт казаков с их безрадостным изнурительным трудом и тяжелой военной службой.

Озорные игры на пыльных улицах родного хутора с ровесниками-казачатами, дни, проведенные в степи и на рыбалке под палящим южным солнцем, покосы в займище, пахота, сев, уборка пшеницы — все это, по сло-

вам А. Серафимовича, «клало черту за чертой на облик мальчика, а потом и юноши»¹.

Значительная часть детства писателя прошла на хуторе Каргинском, куда семья Шолоховых переехала в 1910 году в связи с поступлением отца на службу к купцу Озерову, а потом в торговый дом Левочкина и Лиховидова. И сейчас сохранился дом, где жили Шолоховы, на площади — школа, в которой учился писатель.

В семье Шолоховых не жалели средств для того, чтобы дать сыну хорошее образование. Александр Михайлович был человеком развитым, хотя получил лишь низшее образование, любил книгу и много читал. Ему даже удалось собрать дома небольшую библиотеку. Рано приобщился к книге, жадно потянулся к знаниям и Михаил. Уступая его настойчивым просьбам, родители начали учить сына еще в дошкольном возрасте. В 1911 году он берет уроки у сельского учителя Тимофея Тимофеевича Мрыхина и за несколько месяцев овладевает письмом и счетом в пределах первого года обучения. «Мише тогда было около семи лет, — вспоминает об этих днях Т. Т. Мрыхин. — Родители его пригласили меня поработать с ним на дому — обучить грамоте, на что я охотно согласился. Он был хрупким, но очень живым и любознательным мальчиком... Работа с Мишей доставляла мне полное удовлетворение, так как я видел, что мой труд щедро вознаграждается прекрасными успехами моего прилежного ученика. За шесть-семь месяцев Миша прочно усвоил курс первого класса»².

В 1912 году Шолохов поступает в Каргинское начальное училище, но вскоре тяжело заболевает, и летом 1914 года отец отвозит сына лечиться в Москву.

«Не окончив Каргинского училища, — рассказывал мне Шолохов, — поступил в подготовительный класс Московской гимназии Шелапутина. Была в свое время такая гимназия. Учился в Москве года два-три, а затем продолжал учение в Богучарской гимназии. Несколько месяцев учился в 1918 году здесь, у себя в Вешенской. Всего довелось окончить четыре класса гимназии». В эти годы Шолохов с увлечением читает книги русских и зару-

¹ А. Серафимович, Собрание сочинений, т. X, Гослитиздат, М., 1948, стр. 363.

² Т. Мрыхин, Из моих воспоминаний, «Донская правда», стан. Вешенская, от 24 мая 1955 г., № 41, стр. 2.

Михаил Шолохов (справа) — ученик первого класса мужской гимназии (1914 г.).

бежных писателей-классиков. Среди наук, преподававшихся в гимназии, наибольший интерес вызывают у него история и литература. Отдавая предпочтение занятиям по литературе, он и сам начинает пробовать свои силы, сочиняет эпиграммы, водевили, инсценирует повести Н. В. Гоголя.

Перед самой революцией Шолоховы поселились на хуторе Плешакове Еланской станицы, где отец служил управляющим на паровой мельнице. Семья жила прямо в завозчицкой, в небольшом каменном доме. Михаил приезжал на каникулы и проводил здесь все лето.

Наступила Великая Октябрьская социалистическая революция, а за нею и гражданская война, особенно ожесточенная на юге России. «Я в это время, — пишет Шолохов, — учился в мужской гимназии в одном из уездных городов Воронежской губернии. В 1918 году, когда оккупационные немецкие войска подходили к этому городу, я прервал занятия и уехал домой. После этого продолжать учение не мог, так как Донская область стала ареной ожесточенной гражданской войны»¹.

Юный Шолохов с оружием в руках защищал Советскую власть на Дону. В его груди, по словам А. Серафимовича, «вспыхнула жажда битвы за счастье трудящихся, замученных. Вот почему он еще юношей... бился с кулаками в продотрядах. Вот почему он участвовал в борьбе с бандами. Вот почему в своих произведениях стал на сторону революционной бедноты»².

Смело и энергично отдается Шолохов новой жизни. Не зная усталости, он разъезжает по соседним верхне-чирским хуторам, участвуя в переписи населения, работает на хуторе Латышеве учителем по ликвидации неграмотности среди взрослых, служащим в станичном ревкоме, делопроизводителем заготовительной конторы Дон-продкома, которой заведовал его отец. В станице Каргинской стоял в это время продовольственный отряд. Шолохов добровольцем вступил в него и повел борьбу с кулаками, прятавшими хлеб от голодавших рабочих. Целыми днями ударные подгруппы колесили по хуторам, добывая хлеб. Ходил по дворам, составлял списки, проводил собрания, агитировал и Шолохов. Одновременно он принимал самое живое участие в общественной и культурной жизни станицы: ежедневно выпускали рукописную газету «Новый мир», для населения читали доклады о советском строительстве, на хуторах ставились спектакли. Ни один из них так же не проходил без Шолохова. очевидцы вспоминают: желающих попасть на спектакль, в котором он участвовал, было так много, что клуб не мог вместить всех. Казаки, проникшие в зал, громко аплодировали, неоднократно вызывали его на сцену. «Еще в тяжелые дни 20-го года, — рассказывает одностаничник

¹ М. Шолохов, Автобиография, 10 марта 1934 г., стан. Вешенская, архив ИМЛИ, фонд М. А. Шолохова.

² А. Серафимович, Собрание сочинений, т. X, Гослитиздат, М., 1948, стр. 364.

Шолохова, — появление «Мишки Шолохова» на каргинской сцене вызывало бурю аплодисментов и хохот станичной аудитории. Недаром перед тем, как ставить спектакли, публика спрашивала: «А Мишка Шолохов будет играть? Без Мишки дело не пойдет, не так интересно будет»¹.

Драматический кружок, руководимый Т. Т. Мрыхиным, давал спектакли не только в каргинском клубе, но и в соседних хуторах и станицах — в Боковской, Грушевском, Лиховидовском, Вислогузовском, Латышах. Ставили А. Островского («Бедность не порок», «Не в свои сани не садись», «Свои люди — сочтемся»), А. Чехова («Медведь», «Предложение», «Юбилей»). Почти ежедневная постановка пьес требовала напряженной работы всего коллектива. Шолохов был активен и неутомим, полон юношеского задора, желая развеселить людей, заставить радоваться жизни вместе с ним. Лучше всего ему удавались комические роли. Руководитель постановок Т. Т. Мрыхин волновался за кулисами всякий раз, когда Шолохов выходил на сцену. Неистощимый в своих мальчишеских выходках, он нередко обострял комическую ситуацию, присочинял от себя, но делал это всегда остроумно и вызывал всеобщее одобрение и громкий смех зрителей.

Постепенно репертуар иссякал, пьес не хватало, к тому же хотелось приблизить содержание постановок к современности, ответить на те вопросы, которые остро волновали зрителей-казаков. И у Шолохова родилось желание поделиться своими впечатлениями о жизни, бурлившей вокруг него.

Однажды, рассказывает Т. Т. Мрыхин, Шолохов принес ему рукопись пьесы из современной жизни. Собрались вечером в горнице одного из кружковцев, с интересом прочитали и тут же начали репетировать. С тех пор Шолохов нередко приносил новые пьесы, аккуратно переписанные его рукой, но авторство свое скрывал. Одна из них — «Генерал Победоносцев» — воспроизводила эпизод из гражданской войны на Дону — трусливое бегство белых отрядов и торжество красных воинов. Другая называлась «Необыкновенный день». В центре этой небольшой комедийной пьески стоял образ современ-

¹ «Молот», Ростов-на-Дону, от 14 октября 1928 г., № 2164, стр. 5.

ного Митрофанушки, роль которого, как вспоминают очевидцы, «уморительно» играл сам автор. М. М. Лимаревой запомнилась еще одна пьеса Шолохова, «отображающая жизнь казаков в дни гражданской войны»¹.

Участники постановок долгое время и не подозревали, что юный драматург черпает материал, берет героев «из станичной действительности»². Он охотно общался со старыми казаками, бывал на сходках, ко всему внимательно приглядывался, прислушивался, запоминал и «после мог с точностью передать виденное или слышанное»³.

Вместе с тем Шолохов много и жадно читал Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, и перед ним открывался иной мир. Созданные великими художниками образы не только волновали его, но и рождали мечту о творчестве. Хотелось с такой же силой правды рассказать о той новой жизни, свидетелем и участником которой был и он сам. Но у юноши не было еще ни достаточно прочных знаний, ни времени, чтобы отдаться литературной работе.

В те дни классовые враги, используя тяжелое хозяйственное положение, создавшееся в стране после окончания гражданской войны, разжигают недовольство крестьян продразверсткой, активизируют деятельность контрреволюционных элементов, организуют кулацкие мятежи. В 1921 году, когда на Дону появились банды Фомина, Мелихова, Маслакова, когда прорывались сюда из соседней Воронежской губернии банды Антонова и Кондратьева, Шолохов плечом к плечу с коммунистами и комсомольцами находился в походах, «служил и мыкался по Донской земле» вплоть до 1922 года, пока эти банды не были полностью разгромлены.

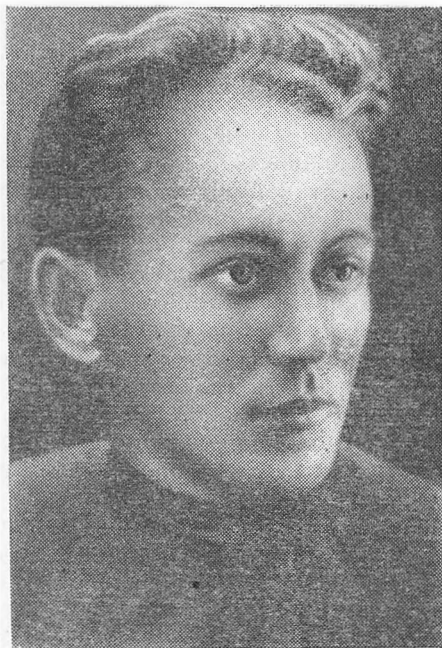
«Банды гонялись за нами, — скупое вспоминает писатель об этом времени. — Все шло как положено. Приходилось бывать в разных переплетках...»⁴. Во время боя под хутором Коньковым Шолохова захватили в плен. Допрашивал его сам Махно, пригрозив юноше в случае новой встречи виселицей.

³ «Молот», Ростов-на-Дону, от 25 января 1946 г., № 19, стр. 2.

² «Молот», Ростов-на-Дону, от 14 октября 1928 г., № 2164, стр. 5.

³ «Молот», Ростов-на-Дону, от 25 января 1946 г., № 19, стр. 2.

⁴ М. Шолохов, Автобиография. В его книге «Лазоревая степь». «Донские рассказы», 1923—1925, М., 1931, стр. 13.

М. А. Шолохов в юношеские годы.

Не раз приходилось Шолохову сталкиваться и с бандой Фомина во время службы в станице Букановской. Впоследствии эти «переплеты» Шолохов описал и в своих рассказах, и в «Тихом Доне». Казак Я. Лапченков вспоминает, как однажды в его хутор зашла банда Фомина: «Часть казаков успела убежать, часть Фомин задержал и начал перед ними «речь держать» — точно, как описано в «Тихом Доне». Михаил Александрович будто с натуры обрисовал банду, и слова все как будто тогда были им записаны»¹.

Борьба за Советскую власть обогащала будущего писателя: рождалось зрелое отношение к жизни, закалялся характер, накапливались важные для художника лич-

¹ Я. Лапченков, Будто с натуры, «Большевистский Дон», стан. Вешенская, 1941, № 38, стр. 2.

ные непосредственные впечатления, крепло желание самому взяться за перо и рассказать о виденном.

В 1922 году Шолохов назначен продовольственным инспектором в станицу Букановскую Царицынской губернии. Банды вскоре были полностью разбиты, у Шолохова появилась возможность осуществить свое призвание. Осенью он приезжает в Москву с намерением продолжить учебу, но поступить на рабфак не удастся. Тогда молодой человек, в солдатской шинели, в серой казацкой папахе, приходит на Малую Бронную на биржу труда и на вопрос о специальности гордо отвечает: «Продовольственный комиссар». Другой специальности у него не было. Пришлось работать грузчиком, мостить мостовые, служить счетоводом, жить «на скудные средства, добытые временным трудом чернорабочего»¹.

В то же время Шолохов усиленно занимался самообразованием. Жизненный опыт юноши, за плечами которого стояла уже суровая школа гражданской войны, значительно обогатился. Работа в столице помогла ему еще глубже познать жизнь трудового народа. В это время и появляется, как вспоминал позже Шолохов, «настоящая тяга к литературной работе».

2. Путь в литературу

Трудно, кажется, было разобраться в сложной литературной обстановке тех лет, когда Шолохов начинал свой путь в литературу, легко было и заблудиться в пестроте многочисленных группировок. Как и раньше, Шолохова тянуло к молодежи, к тем, кто славил новую жизнь и смело вступал в нее. Поэтому приход его в литературную группу «Молодая гвардия» не был случаен.

Почти все писатели этой группы (А. Веселый, М. Светлов, Ю. Лебединский, В. Герасимова, М. Голодный) жили на Покровке в одном общежитии. Сюда же часто навещался из Ростова А. Фадеев; приходила с заводов, приезжала из провинции прочитать свои первые стихи и рассказы молодежь, тянувшаяся к литературе. До поздней ночи затягивались горячие литератур-

¹ М. Шолохов, Автобиография, 10 марта 1934 г., стан. Вешенская, архив ИМЛИ, фонд М. А. Шолохова.

ные споры, а нередко переносились они и в рабочие аудитории.

Однажды на Покровке появился застенчивый, мало чем внешне приметный молодой человек. Это был Михаил Шолохов. В отличие от многих других новичков, он вел себя очень робко. Позже выяснилось, что прибыл он с Дона, поселился на Старо-Конюшенном у друга Василия Кудашева, заведовавшего тогда литературным отделом «Журнала крестьянской молодежи». Вступив в конце 1923 года в литературную группу «Молодая гвардия», а в начале следующего года — в Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП), Шолохов начал жить активной литературной жизнью столицы.

«Жизнь наша была бурной, стремительной,— вспоминает о тех днях Марк Колосов.— Дни проходили в работе, а вечерами здесь же на Покровке, у себя в комнатах, мы занимались литературной учебой. Вопросы литературного мастерства волновали всех нас. В качестве преподавателей решили пригласить В. Шкловского и О. Брика. В моей комнате занимались прозаики В. Герасимова, В. Кудашев, И. Рахилло, Г. Шубин и М. Шолохов.

Первое занятие проводил с нами О. Брик. После его беседы «О сюжете» каждый из нас должен был написать рассказ «на обратный эффект». Наиболее прилежно это задание выполнил Шолохов. Его рассказ произвел на нас особое впечатление.

Сюжет его я и сейчас помню: секретарь волостного комсомольского комитета просит старика кучера проверить приехавшего из губкома агитатора по дороге в станицу, где этот агитатор должен выступать. Слишком шегольский был вид у представителя губкома комсомола. Смысл проверки был показателен для строгих нравов комсомольцев того времени. Среди агитаторов встречались и такие, которые не столько думали о том, чтобы просветить деревенскую молодежь, сколько «себя показать», произвести впечатление на сельских девчат.

Старик кучер в дороге искушает агитатора, советует остановиться на хуторе, где у его кумы имеется самогон. Агитатор отмалчивается. Старик замечает, что на другом хуторе живет его сродственница, которая лишь недавно вышла замуж, мужа взяли в Красную Армию, там можно заночевать. Агитатор продолжает молчать. Тогда

кучер начинает ругать Советскую власть: что это за власть такая, не может дегтем и овсом обеспечить.

Тут и произошел «обратный эффект». Парень вскочил и, вытащив револьвер, заговорил: «Ах, ты, контрик! Покуда ты мне всякую стариковину городил, я не обращал внимания на твои пережитки, но раз ты нашу родную Советскую власть задел, будет тебе сейчас конец!»

Кучер, подняв руки, едва сумел растолковать парню, что это он его «проверял!»

По словам М. Колосова, это был не только остроюжетный, но и сочный по языку, с запоминающимися лицами благородный по замыслу рассказ.

«Тяга к литературной работе» привела Михаила Шолохова в редакцию комсомольской газеты «Юношеская правда», литературным отделом которой руководил поэт Александр Жаров. 19 сентября 1923 года эта газета поместила небольшой фельетон «Испытание». Под ним стояла ничего не говорившая подпись «М. Шолох». Это было первое выступление Шолохова в печати. За ним последовали еще два фельетона — «Три» и «Ревизор».

Первый фельетон — «Испытание» — очень сильно перекликается с рассказом Шолохова, прочитанным на литературных занятиях. Секретарь укома РКСМ просит довольно подозрительного человека, «в широком модном пальто, с заплывшими жиром самодовольными глазками», нэпмана Тютикова «проверить» политическую благонадежность секретаря волостной ячейки Покусаева, который направляется на сельскохозяйственную выставку. По дороге Тютиков нагло провоцирует Покусаева, за что он основательно избивает нэпмана.

Второй фельетон был связан с той обстановкой, которая окружала начинающего писателя в Москве. Военная разруха еще сильно давала себя знать, процветала спекуляция, на биржах труда скапливались тысячи безработных, а поднимавшая голову буржуазия прожигала жизнь. События этого времени и отразились в фельетоне «Три», посвященном рабфаку имени Покровского.

Фельетон аллегоричен, в нем рассказывается о судьбе трех пуговиц. Утерянные своими хозяевами, они встретились на подоконнике в дворницкой. Каждая из них рассказывает о своей былой жизни, рисует портрет своего хозяина.

«Большая, костяная, с аристократически-брюзглым лицом и едва уловимым запахом одеколона» принадлежала крупному фабриканту-нэпману. «Деньги у него были бешеные. Часто доставая белые шелестящие бумаги из портфеля, он шептал: «Попадусь в ГПУ... Эх, попадусь!..» И пальцы у него дрожали. Вечером на лихаче мы поехали к артистке (на нее он тратил большие средства). ...Долго катались по улицам. Около казино слезли. «Пойдем!» — шипела она и, ухватившись за меня, тащила его к двери. «Ты меня на преступление толкаешь!» — крикнул он и рванулся. Я осталась у нее в руках. Она плюнула ему вслед и швырнула меня на мостовую». Теперь, барски шепелявя, «аристократическая» пуговица вздыхает о прошлой жизни, помышляет о самоубийстве.

Другая пуговица — скромная «маленькая, деревянная, обшитая красным сукном», смущенно розовеет, повествуя о том, как и она оказалась не у дел. Когда-то она «краснелась на буденовке краскома», участвовала в боях с Врангелем и Махно, под Перекопом казачья шашка едва не разрубила ее надвое, но потом «все это минуло, как сладкий сон», мирное затишье засосало краскома, не устоял он перед мещанской жизнью, и «все пошло прахом».

И только последняя, самая простая, «металлическая синяя» пуговица с гордостью рассказывает о своем владельце, комсомольце-рабфаковце: «Мой владелец был вихрастый, с упрямым лбом и веселыми глазами. Учился он упорно. Между занятиями таскал на вокзале кули и распевал «Молодую гвардию». Урезывая себя в необходимом, купил новые брюки и меня с ними. Не скажу, что я принадлежала ему безраздельно. Наоборот, мною пользовались еще человек пять, таких же славных, крестьянских парней. Надевали штаны они по очереди, и от них, молодых и сильных, пахло не одеколоном, а молодостью и здоровьем. Вихрастый много читал. Частенько в райкоме говорил речи... Я насквозь пропиталась запахом коммунизма и, поверьте, чувствовала себя хорошо и уютно».

Именно этих простых «славных крестьянских парней», упрямых и веселых, славит Шолохов. Преодолевая трудности, они упорно изучают марксизм, готовятся быть стойкими бойцами-коммунистами, хозяевами своего молодого рабоче-крестьянского государства. Шолохов про-

тивопоставляет их не только тем, кто с презрением относится к новой жизни, но и тем, кого засосало мирное затишье, кто опустился и стал обывателем.

В третьем фельетоне — «Ревизор» — автор обращается к изображению родного Дона. «Истинное происшествие» происходит в станице Букановской. Комсомолец Кособугоров, рассеянность которого «достигла анекдотических размеров», командирован в Букановскую для работы среди батраков. Перетрусивший, позеленевший от страха кассир кредитного товарищества принимает Кособугорова за ревизора. В конце фельетона недоразумение выясняется. Оказывается, Кособугоров по рассеянности надел на постоялом дворе лохматое пальто, которое принадлежало остановившемуся там ревизору.

Фельетоны молодого Шолохова, полные комсомольского задора и оптимизма, перекликались с бодрими стихами печатавшихся на страницах «Юношеской правды» Д. Бедного и В. Маяковского и молодых комсомольских поэтов А. Жарова и А. Безыменского, со статьями и очерками о молодежи М. Колосова.

Шолохов начал путь в литературу изображением молодежи, рабфаковцев, комсомольцев, в среде которых он жил и на Дону, и по приезде в Москву.

Уже в первых литературных опытах Шолохова, что весьма примечательно, легко устанавливается связь с лучшими образцами русской классической литературы. Он учится у Чехова мастерству развертывания сюжета, логичности, цельности и лаконичности повествования.

Композиционная структура шолоховского «Ревизора» была подсказана знаменитой одноименной комедией Гоголя. Несмотря на сознательное подчеркивание этой параллели молодым автором, следование Гоголю носит пока подражательный характер. Почти полным повторением гоголевской ситуации Шолохов подчеркивает только комичность положения рассеянного человека, делая весьма смутный вывод, что нынешняя молодежь вовсе не так безнравственна, как это кажется представителям старшего поколения. В зрелом творчестве Шолохова связь с Гоголем проявится значительно глубже и в ином плане — в лиризме авторского повествования.

Авторская характеристика героев в фельетонах очень экономна и лаконична. Лишь в «Ревизоре» заостряется

анекдотическая рассеянность комсомольца Кособугорова («на антирелигиозном диспуте он вместо платка высморкался в рясу попа, сидевшего рядом. Плевал и бросал окурки в калоши, а пепельницу пытался надеть на ногу»). Основное внимание сосредоточено на конфликте. Отсюда эскизность, фрагментарность повествования. Иногда в авторскую характеристику вкрадываются натуралистические подробности («У предправления затряслись жирные ляжки, а на носу повисла мутно-зеленая капля волнения»; «У рыхлого председателя вывалился посиневший язык»; «Костяная выдавила из себя гнойную слезу и умолкла»). Но уже в фельетонах Шолохов стремится к индивидуализации персонажей и находит скупые, подчас метко характеризующие их штрихи. Раскрывая безразличное отношение комсомольца Покусаева к сопровождавшему его провокатору-нэпману Тютикову, Шолохов пишет: «Покусаев, свесив длинные ноги, **дремал под мирный скрип телеги**, и на скуластом, конопатом лице его **бродили заблудившиеся тени**». Глядя на звучно чавкающего Тютикова, он **«с тоской вспомнил**, что забыл на дорогу поесть». В отличие от не в меру разговорчивого Тютикова, Покусаев задумчив, молчалив. И даже избивает он Тютикова молча, сопя.

В речевой характеристике Тютикова проступает своя разговорная интонация, интонация неуверенности, увертливости («Да-а-а... видите ли я... э-э-э занялся торговлей, ну меня... одним словом, по собственному желанию выбыл из партии»). В речи Покусаева подчеркивается его пренебрежение к подозрительному собеседнику («Да»; «Дурацкие рассуждения»; «Не трепись. За подобные речи получишь по очкам»). Неизвестные из фельетона «Ревизор» предстают перед Кособугоровым во всей своей угодливости («Мы... к вам. Служащие просят... не откажите...»; «А вот... пожалте-с!»). Очень точно передано и барское презрение «пуговицы с аристократически-брюзглым лицом» («**Не понимаю, господа, как я еще живу! Запах портянок, пота, какой-то специфический «мужицкий дух», это же кошмар!**.. Два месяца назад я жила третьей сверху на **великолепнейшем пальто**»).

Фельетоны в «Юношеской правде», безусловно, обнаруживали некоторые особенности дарования молодого Шолохова. Но в них еще было много незрелого, несовершенного. Это — всего лишь проба пера.

Потребовались годы напряженной работы, прежде чем автор пришел к большому мастерству.

С 1923 года литература становится основной профессией Шолохова. Он настойчиво и терпеливо продолжал работать и в конце 1924 года на страницах «Молодого ленинца» напечатал первый рассказ «Родинка». Вскоре здесь увидела свет и повесть «Путь-дороженька».

Путь Шолохова в литературу был не легок: его рассказы с трудом пробивались на страницы газет и журналов. Кроме того, приходилось с большим упорством преодолевать тяжелые материальные лишения, днями зарабатывать на существование, ночами — писать. В этой обстановке Шолохов решил вернуться на Дон, в станицу Каргинскую.

Вернувшись на родину, молодой писатель много и напряженно работал над рассказами, оттачивал мастерство. Имя Шолохова все чаще появляется на страницах молодежных журналов «Смена», «Огонек», «Прожектор», «Комсомолия», в альманахе «Молодость». Особенно активно Шолохов сотрудничал в журнале «Комсомолия».

3. Донские рассказы

Отмечая небывало мощное развитие русской литературы XIX века, А. М. Горький указывал и на ее существенные упущения. Он считал, что русская литература «черпала материал свой главным образом в средней полосе России» и «оставила вне своего внимания целые области, не тронула донское, уральское, кубанское казачество, совершенно не касалась «инородцев» — наименьшинств»¹. «Прекрасной случайностью» в этом отношении, оговаривался Горький, были произведения Гоголя об Украине и «Казак» Л. Толстого. Донским казачеством русская литература заинтересовалась только в середине XIX века. Вначале это были всего-навсего этнографические зарисовки, не лишённые к тому же идеализации казачьей среды.

Впервые этот пробел в литературе начал восполнять А. П. Чехов. Еще в рассказе «Казак» (1887) он проводил

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 25, Гослитиздат, М., 1953, стр. 311.

мысль, что казаки такие же простые русские люди. Им, как и всему русскому народу, близка мечта о счастливой доле. Герои чеховского рассказа «Счастье» (1887) ищут свое счастье, верят в него, но так и умирают обездоленными.

Во многих рассказах («Счастье», «Печенег», «В родном углу», «Бабы», «Красавицы») и особенно в повести «Степь» (1888) Чехов воспевал донскую природу. Вслед за Гоголем писатель создает поэтический образ степи во всем многообразии ее звуков, запахов и красок, утверждает вечную молодость жизни, будничную красоту ее. Но Чехов не отразил особенности жизненного уклада казачьей среды.

Мрачную картину голодной жизни «иногородних» на Дону нарисовал К. А. Тренев. «Я начал свою литературную деятельность, — вспоминает писатель, — гораздо раньше Шолохова. Я начал ее с описания вот этих самых мест, с описания тихого Дона и его людей. Всю силу своей любви, восторга и печали я вложил в эти описания. На свете нет для меня более дорогого, близкого и любимого места, чем тихий Дон и его широкие грустящие и грезящие поля»¹.

По словам Тренева, лучшее, что ему удалось написать из беллетристики, написано о Доне. Безрадостный труд, нищету и забитость крестьян донских хуторов писатель запечатлел в рассказах «Затерянная криница» (1909), «На ярмарке» (1912), «Батраки» (1916), «Ганна» (1916), «Шесть недель» (1911), «В родном углу» (1916), «Вихри» (1917) и др. Особого внимания среди произведений Тренева, посвященных Дону, заслуживает рассказ «В станице» (1914), в котором обнажается косность, застойность станичного быта. Однако и здесь писатель показал станицу односторонне. Как и Чехов, Тренев ограничился зарисовками отдельных эпизодов, не стремился к созданию развернутого полотна о жизни и быте донского казачества.

Жизнь трудящихся Дона с ее противоречиями впервые начал изображать А. С. Серафимович. Большая любовь к родному краю, к «батюшке тихому Дону», хорошее знание донской природы, условий жизни донского

¹ К. Тренев, Дорогой земляк. В сб. «Михаил Шолохов», Ростов-облиздат, Ростов-на-Дону, 1940, стр. 14.

казачества наложили серьезный отпечаток на все творчество писателя. Уже в первых его газетных корреспонденциях («Станичные этюды», «Заметки обо всем») давались яркие бытовые картины непроходимого невежества, тьмы, дикости нравов казачьей станицы. Серафимович раскрывал социальную неоднородность казачьей среды, особенно подчеркивал невыносимое положение пасынков-иногородних, у которых давно не было «ни земли, ни хозяйства, а только мозолистые руки да котомки за плечами, да голодные ребятишки»; наносил серьезный удар по легендам о Донщине, как о вольном и богатом крае. «Кзаки, — писал он, — это — землеробы: скот, плуги, земли, базы, дождичек вовремя, сушь — вот чем они дышат, чем живут, в чем смысл их жизни. Отнимите у него залитую потом землю, и казак растерянно, детски-беспомощно будет озираться и гибнуть. Это — тот же мужик, обязанный иметь лошадь и военную справу, но мужик пока еще с землей, правда, быстро тающей»¹.

В рассказе «Ночной рассвет» Серафимович рисует службу казаков в армии. Ежедневная муштра, зазубривание бессмысленной «словесности», серая казарменная жизнь томит служилых казаков. Оторванные от земли, они только и мечтают о возвращении к ней и, вернувшись в родные хутора, жадно хватаются за хозяйство, живут одинокой, угрюмой и злой жизнью.

Жизнь и быт донской казачьей семьи воссоздает Серафимович в ряде рассказов («Колечко», «В станице», «Две ночи», «Грех», «Фетисов курень»). Но не только застойность, косность полупатриархального быта казачьей семьи, дикость нравов станичной среды показывал Серафимович. Почти во всех рассказах о донском казачестве он стремился разоблачить безраздельную власть собственности, страсть к наживе, губившую все лучшее в человеке. В рассказе «Пески» (1908) звериное стремление к личному благополучию трактуется Серафимовичем как результат влияния на человека капиталистического строя с его хищническими законами.

Глубоко волновало писателя положение женщины-казачки, обреченной на изнурительный рабский труд. Против деспотизма, укоренившихся предрассудков, средневе-

¹ А. Серафимович, Собрание сочинений, т. VI, Гослитиздат, М., 1948, стр. 234.

кового отношения к женщине Серафимович протестует в рассказах «Грех» (1911), «Чибис» (1911), «Две ночи» (1913). Со страниц этих произведений встают образы казачек, живущих мечтами о подлинно человеческих отношениях, о новой, им неведомой еще жизни.

Серафимович подметил и показал глубокие перемены, происшедшие в сознании казачества во время первой русской революции («Похоронный марш», «У обрыва», «Зарева» и др.). Он был первым до Шолохова писателем, который отразил в художественной литературе специфику жизни донского казачества, запечатлел основные черты его быта, показал расслоение казачьей среды и рост в ней революционных сил, указал на те глубокие перемены, которые несла казачеству революция.

Таким образом, обращаясь к теме «тихого Дона», Шолохов был литературно подготовлен к большой творческой работе по изображению донского казачества и его путей в революции.

Подготовив к печати первый сборник рассказов, Шолохов решил еще в рукописи ознакомить с ним земляка А. С. Серафимовича, признавая в нем не только писателя, родственного по теме, а прежде всего литератора-коммуниста, дорогой которого он хотел идти. «Серафимович, — говорил Шолохов, — принадлежит к тому поколению писателей, у которых мы, молодежь, учились. Лично я по-настоящему обязан Серафимовичу, ибо он первый поддержал меня в самом начале моей писательской деятельности, он первый сказал мне слово ободрения, слово признания»¹.

В 1925 году в Москве состоялась встреча Шолохова с Серафимовичем, положившая начало их дружбе. Серафимович долго беседовал с младшим товарищем, советовал писать не торопясь, совершенствуя свое мастерство.

В начале 1926 года в издательстве «Новая Москва» вышел в свет первый сборник Шолохова — «Донские рассказы». Серафимович написал к нему предисловие, в котором восторженно приветствовал приход в литературу молодого талантливого писателя: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Про-

¹ М. Шолохов, Писатель-большевик, «Известия» от 18 января 1938 г., № 16, стр. 8.

сто, ярко и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и это сжатость полна жизни, напряжения и правды... Все данные за то, что т. Шолохов развернется в ценного писателя»¹.

Победно завершив гражданскую войну, советский народ под руководством Коммунистической партии приступил к восстановлению разрушенного народного хозяйства. Переход на рельсы мирного социалистического строительства происходил в обстановке обостренной классовой борьбы, решающих схваток социалистической системы с капиталистической. Классовая борьба не прекращалась и на литературном фронте.

В эти годы наша литература складывалась в острой борьбе с буржуазными влияниями, с нарождавшейся бульварной литературой, с различного рода декадентско-эстетскими литературными группировками, доживавшими последние дни в условиях советской действительности.

В сложной экономической и политической обстановке этих лет одной из важнейших задач было укрепление пролетарской диктатуры в стране, борьба за руководящее положение на важнейших участках идеологического фронта. В решении XI съезда РКП(б) отмечалось: «Съезд признает чрезвычайно необходимым создание литературы для рабоче-крестьянской молодежи, которая могла бы быть противопоставлена влиянию на юношество со стороны нарождающейся бульварной литературы и содействовать коммунистическому воспитанию юношеских масс»².

Развивая под руководством партии лучшие традиции русского классического искусства, советская художественная литература в 1923 году уже «выросла в крупную общественную силу»³. После окончания гражданской войны в нее вступил большой отряд молодых писателей, воспитанных революцией. Многие из них, как и Шолохов, пришли в литературу прямо с фронтов гражданской войны. «Когда по окончании гражданской войны, — вспоминает А. Фадеев, — мы стали сходитья из разных концов нашей необъятной Родины — партийные, а еще боль-

¹ В книге: М. Шолохов, Донские рассказы, М., 1926, стр. 3.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, Госполитиздат, М., 1953, стр. 645.

³ Там же, стр. 736.

ше беспартийные молодые люди, — мы поражаемся тому, сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. Таков был путь Фурманова, автора книги «Чапаев»... Таков был путь более молодого и, может быть, более талантливом среди нас Шолохова. И великим подвигом был путь Николая Островского... Люди более старших поколений, к которым мы примкнули (разрядка моя. — В. Г.), в большинстве своем вышли из той же социальной среды; они только начали свой путь раньше нас. Первым среди них был Маяковский... Вместе с нашими молодыми книгами старик Серафимович, за плечами которого было уже целое собрание сочинений, написанных в старое время, выпустил свой «Железный поток» — эпопею гражданской войны. Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему»¹.

Серафимович, Маяковский, Фурманов, а за ними и молодые писатели выступили против изображения революции, гражданской войны как стихии, подчеркивали организующую роль партии в народном движении.

Шолохов обратился к теме гражданской войны вслед за Фурмановым и Серафимовичем. Со стороны именно этих писателей он получил высокую оценку и признание.

Можно полагать, произведения Шолохова о гражданской войне встретили одобрение Фурманова прежде всего потому, что они были близки его идейным позициям, потому что им была чужда идеализация стихийного начала в революционном движении. За жизненную правдивость ценил «Донские рассказы» и А. Серафимович. Он первый отметил особенности творческой манеры Шолохова: жизненную простоту, динамичность, образность языка рассказов, чувство меры в «острых моментах», «тонкий схватывающий глаз», «умение вырвать из многих признаков наихарактернейшее».

В ранних рассказах Шолохов реалистически зримо, с идейных позиций писателя нового мира объясняет социальный смысл событий, происходивших на Дону в первые годы становления Советской власти.

¹ А. Фадеев, О советской литературе, «Литературная газета» от 2 марта 1949 г., № 18, стр. 1.

Для первой же книги Шолохов черпает материал из жизни донского казачества, путь исканий которого в революции оказался более длительным и более сложным, чем путь остальной части русского крестьянства. По словам А. И. Микояна, хорошо знающего судьбы донского казачества, «казаки одной и той же станицы были в различных лагерях, встречаясь на фронте гражданской войны, в боях не как друзья-одностаничники, а в качестве врагов. Это показывало всю глубину происходящей борьбы, которая проникла в каждую станицу, даже во многие семейства, из которых, зачастую, сын попадал в лагерь красных, а отец — к белым»¹.

Первый сборник Шолохова «Донские рассказы» (1926) открывался рассказом «Родинка». Командир красного эскадрона Николай Кошевой ведет непримиримую борьбу с белыми бандами. Однажды его эскадрон сталкивается с одной из банд, во главе которой стоит отец Николая Кошевого. В бою отец убивает сына и случайно узнает его по родинке.

Открывая сборник этим рассказом, Шолохов тем самым обращал внимание на одну из центральных мыслей всего сборника — острая классовая борьба размежевала не только Дон, станицу, хутор, но и казачьи семьи. Одна сторона защищает собственнические, сословные интересы, другая — завоевания революции. Коммунисты, комсомольцы, молодежь деревни смело порывают со старым миром, героически отстаивают в суровых схватках с ним интересы и права народа.

Второй сборник «Лазоревая степь» (1926) начинается одноименным рассказом, вступление к которому, написанное в 1927 году, носит откровенно полемический характер. Автор иронизирует над писателями, очень трогательно сюсюкающими «о пахучем седом ковыле», о красноармейцах-«братишках», которые якобы умирали, «захлебываясь напыщенными словами». Шолохов утверждает, что красные бойцы гибли за революцию в степях донских и кубанских «безобразно просто». Решительно выступая против идеализации, ложной романтизации действительности, он изображает борьбу народа за Советскую власть как сложный социальный процесс, просле-

¹ Предисловие А. И. Микояна к книге: М. Донецкий, Донское казачество, Ростов-на-Дону, 1926, стр. 4.

живает рост революционных настроений в казачьей среде, преодоление трудностей и противоречий на путях к новой жизни.

Почти одновременно с Шолоховым такие писатели, как С. Подъячев, А. Неверов, Л. Сейфуллина и другие, раскрывали остроту жестокой классовой борьбы в деревне в годы гражданской войны, показывая то новое, что несла в деревню революция. Однако ряд писателей продолжал акцентировать внимание на «идиотизме» деревни, на якобы извечной косности «мужика», не замечая революционного обновления деревни и ее людей. Вс. Иванов в сборнике «Тайное тайных» искусственно изолировал крестьян от социальной борьбы, увлекся изображением их биологических инстинктов. К. Федин в повести «Трансвааль» и рассказах одноименного сборника не заметил торжества новых, социальных отношений в советской деревне. Преувеличивая роль кулака, он тем самым нарушал реальное соотношение сил, обращал преимущественное внимание на косность, застойность деревенской жизни.

В 1925 году вышел в свет роман Л. Леонова «Барсуки», в котором писатель, в отличие от ранних рассказов, утверждал победу организующего начала в революции над стихией старого мира. Однако автор еще не добился четкого показа расслоения деревни. Классовая борьба подменялась случайной тяжбой двух деревень за владение покосами. Этой тяжбой и определялось отношение крестьян к Советской власти. Рисуя двух братьев, Семёна и Павла Рахлеевых, участвующих в борьбе на стороне двух враждебных лагерей, Л. Леонов руководствуется не столько необходимостью показа классовой борьбы, размежевавшей даже семьи, сколько стремлением положить в основу произведения психологически напряженный конфликт.

Шолохова же интересовала классовая, социальная борьба, обусловившая идейное размежевание членов одной и той же семьи.

В рассказе «Червоточина» писатель изображает «разлом» богатой кулацкой семьи. Против отца и брата, враждебно настроенных к Советской власти, выступает младший сын, комсомолец Степан. Он не может молчать, зная, что они обманывают Советскую власть, скрывают излишки хлеба. Вражда в семье доходит до того, что

Яков Алексеевич и его старший сын Максим убивают ненавистного им Степана.

Шолохов видит острую борьбу не только внутри казачье-кулацкого хозяйства и даже не только в середняцкой среде, а и в семьях бедняков. Характерно: если в кулацкой семье против главы и членов ее восстает один человек, комсомолец Степан, то в рассказе «Коловерть» вся бедняцкая семья Крамсковых — и отец Пахомыч, и его сыновья Игнат и Григорий — стоит на стороне Советской власти, защищает ее в рядах красных отрядов, и только третий сын Пахомыча, подьесаул Михаил, ослепленный сословной спесью, подкупленный белогвардейцами, слепо служит им, расстреливает отца и братьев.

Еще в ранних рассказах Шолохов сумел показать, что казачество в целом не представляло собой реакционной массы. Писатель, на глазах которого совершались события гражданской войны и первых лет Советской власти на Дону, остался верным суровой жизненной правде. Он видел, как проникали в среду казачества и находили в ней живой отклик большевистские идеи. Об этом говорится в повести «Путь-дороженька», в рассказах «Смертный враг», «Бахчевник» и др.

Острота классовой борьбы раскрывается Шолоховым в рассказах не только на примере отдельных семей. Писатель повествует и о том, что бедняцкое казачество целыми семьями переходило на сторону Советской власти, было ее опорой в казачьем хуторе. «Через хутор, — пишет Шолохов в рассказе «Смертный враг», — словно кто борозду пропахал и разделил людей на две враждебных стороны. С одной — Ефим и хуторская беднота; с другой — Игнат с зятем-председателем, Влас, хозяин мельницы-водянки, человек пять богатеев и часть середняков»¹. Широкий показ борьбы бедняков казачьего хутора с кулаками давал более полное представление о классовой борьбе на Дону. Шолохов подчеркивает, что бедняцкой части казачества в целом незачем было колебаться в выборе путей. У нее был один путь — с революцией.

¹ М. Шолохов, Собрание сочинений, т. I, Гослитиздат, М., 1956, стр. 210.

В дальнейшем все ссылки на произведения Шолохова, за исключением особо оговоренных, даются в тексте книги по этому изданию; первая цифра — том, вторая — страница.

Герой рассказа «Смертный враг», казак Ефим Озеров, сражался за красный Царицын. Он же ведет непримиримую борьбу с кулаками, представляя Советскую власть на хуторе. Кулаки зверски убивают Озерова, но его дело непобедимо. «Попомни, Ефим, — вспоминает он перед смертью слова своего друга, — убиты тебя — двадцать новых Ефимов будет».

В рассказе «Пастух» Шолохов рисует уже представителей молодого поколения, детей бедняков — Григория и Дунятку. Они идут на смену Ефиму, так же как и он, разоблачают кулаков.

Трудно складывалась новая жизнь, гибли лучшие люди в борьбе с косными силами деревни, не желавшими поступиться своей собственностью. Шолохов показывает, как сложно и трудно приобщалось казачество к новой жизни, как медленно наступал перелом в сознании людей, находившихся в плену сословной и областной замкнутости. Становление нового сознания, новых отношений между людьми показано в рассказе «Чужая кровь» на примере деда Гаврилы. Трудность формирования нового сознания в казачьей среде в годы ломки старого мира раскрыта в рассказе «Кривая стежка».

Острота классовой борьбы на Дону, осложненной сословными предрассудками, напряженность схватки нового со старым передаются в рассказах одновременно с утверждением высокого гуманизма революционной борьбы. Шолохов раскрывает глубокую человечность, подлинно высокие и благородные качества своих героев, борющихся за Советскую власть («Продкомиссар», «Шибалково семья»).

Гуманистическую сущность революционной борьбы, обаяние, доброту, чуткость казаков, которые боролись за Советскую власть, Шолохов противопоставляет бешеной, звериной злобе врагов. Реакционная часть казачества — белогвардейцы, казачьи офицеры, кулаки, белобандиты, — отстаивая собственнические интересы, сословные привилегии, проявляют хищную жестокость, звериную дикость и невежество. В образах полковника Черноярва и есаула Крамскова («Коловерть»), пана Томилина («Лазоревая степь»), бандита Фомина («Председатель Реввоенсовета Республики»), кулака Игната («Смертный враг»), коменданта Анисима («Бахчевник») воплощены те классовые силы, против которых восстают и бо-

рются герои шолоховских рассказов, люди нового мира — коммунисты и комсомольцы.

Жестокая классовая борьба на Дону в годы гражданской войны, рост сознания трудового казачества на пути к новой жизни, рождение новых человеческих отношений в революционной борьбе — все эти вопросы были поставлены Шолоховым еще в рассказах и разрешены в полной мере зрелым художником в «Тихом Доне» и «Поднятой целине».

Донские рассказы сыграли большую роль в творческом развитии Шолохова. Они были подступами к его эпическим произведениям, школой, где оттачивалось художественное мастерство автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Сам писатель слишком сурово оценивал свое раннее творчество, много лет не переиздавал рассказы, считая что «очень уж много в них наивного и детски-беспомощного»¹.

Молодой Шолохов действительно злоупотреблял натуралистическими, нарочито изысканными описаниями, упрощенно схематически раскрывал отдельные характеры, заслонял их драматическими ситуациями. Однако уже в ранних рассказах обнаруживается умение отобразить существенную деталь, проникнуть в сложный внутренний мир героев, раскрыть характеры в действии, поступках. Большие революционные события вторгаются в жизнь, влияют на сознание и поведение людей, и начинающий писатель стремится психологически мотивировать эти процессы.

Юная Дунятка из рассказа «Пастух», еще не осознав всей сложности ломки жизни, радостно воспринимает окружающий мир, ей весело от того, что брат Григорий стал все-таки пастухом, что он рядом с ней: «Смеются у нее щеки загоревшие, веснушчатые, глаза, губы, вся смеется, потому что на Красную горку пошла ей всего-навсего семнадцатая весна, а в семнадцать лет все распотешным таким кажется: и насупленное лицо брата, и телята лопоухие, на ходу пережевывающие бурьянок, и даже смешно, что второй день нет у них ни куска хлеба» (I, 23). Но осиротевшей Дунятке рано пришлось познать горе: в борьбе с кулаками погиб брат, самый близкий

¹ М. Шолохов, Автобиография, стан. Вешенская, 14 февраля 1932 г., ЦГАЛИ, ф. 1197, оп. I, ед. хр. 4, л. 3.

для нее человек. Совсем одинока в безлюдной степи Дунятка. «Когда горечью набухнет сердце, когда слезы выжигают глаза, тогда где-нибудь, далеко от чужих глаз, достает она из сумки рубаху холщовую нестираную... Лицом припадает к ней и чувствует запах родного пота... И долго лежит неподвижно...

Версты уходят назад. Из степных буераков вой волчий, на житье негодующий, а Дунятка обочь дороги шагает, в город идет, где Советская власть, где учатся пролетарии для того, чтобы в будущем уметь управлять республикой.

Так сказано в книжке Ленина» (I, 32).

В основе рассказов Шолохова всегда лежит совершенно конкретный, обычно реальный случай из гражданской войны и первых лет Советской власти. Автор чаще всего опирается на факты, им виденные и пережитые. Острота противоречий, драматичность классово-борьбы на Дону обуславливает жизненность и остроту самих сюжетных ситуаций. Нарастание социальных противоречий приводит к неизбежному столкновению, размежеванию даже близких между собой людей. Этим конфликтом определяется и композиция большей части рассказов — противопоставление борющихся лагерей, столкновение людей, различных по своим социальным устремлениям и человеческим принципам, нередко трагически завершающееся. Но писатель всегда пронизывает повествование утверждающим оптимизмом, проникновенной лирикой. Пейзажные описания уже связываются с раскрытием психологии героев, принимают активное участие в изображении событий. Нарисовав напряженную обстановку боя в рассказе «Коловерть», Шолохов заключает: «А над землей, разомлевшей от дождей весенних, от солнца, от ветров степных, пахнувших чеборцом и полынью, маревом дымчатым, струистым плыл сладкий запах земляной ржавчины, шекотный душок трав прошлогодних, на корню подопревших.

Подрагивала выщербленная голубая каемка леса над горизонтом, и сверху сквозь золотистое полотнище пыли, разостланное над степью, жаворонок вторил пулеметам бисерной дробью» (I, 159).

Но иногда проскальзывали и такие пейзажи, которые активно не участвовали в повествовании, не помогали развитию действия, характеристике персонажей и собы-

тий. Они были выписаны с нарочитой изысканностью: «Туман, низко пригинаясь, вился над скошенной травой, лапал пухлыми седыми шупальцами колючие стебли, побабьи кутал курившиеся паром копны. За тремя тополями, куда зашло на ночь солнце, небо цвело шиповником, и крутые вздыбленные облака казались увядшими лепестками» и т. п.

Повествование в рассказах нередко ведется от первого лица — от имени деда Захара («Лазоревая степь»), паромщика Микишары («Семейный человек»), пулеметчика Шибалюка («Шибалково семя»). Герой рассказа «Председатель реввоенсовета республики» Богатырев обстоятельно повествует о том, как он организовал на селе республику; Федот («О Колчаке, крапиве и прочем») излагает историю своего собачьего прозвища — «Колчак» и «крапивного оскорбления». В сказовой форме молодого писателя интересовала не самодовлеющая стилизация — он стремился овладеть особенностями живого народного, разговорного языка, передать его сочность и красочность.

«Образный, цветной язык» рассказов, отмеченный еще Серафимовичем, присущая Шолохову «манера письма» отличали его книги от книг других писателей. Индивидуальную характерность шолоховской речи можно легко обнаружить и в своеобразной лексике, и в метких словесных сочетаниях, и в эпитетах, и в построении речи автора и персонажей. Шолохов сравнивает бороду казака с «новым просяным венником», ручку ковша Большой Медведицы с косо «торчащим дышлом» телеги. По принципу сравнения с предметами или явлениями крестьянского обихода построены многие образы («буйным чертополохом цвела радость»; пуля «забороздила темноту»; «ящерицей скользнула молния»; волосы у Мишки «были как лепестки цветущего подсолнуха» и т. п.).

Шолохов входил в литературу как раз в то время, когда в ней наблюдались многочисленные и далеко не всегда оправданные поиски новых изобразительных средств, новых приемов авторского повествования. Молодые писатели часто не могли вовремя отличить в языке хорошее от плохого, увлекались «рубленой прозой», перегружали речь персонажей диалектизмами, ритмизировали прозу, изобретали необыкновенные сравнения, эпитеты, метафоры. Одним словом, как вспоминал Фадеев,

молодые писатели старались «выдумать что-нибудь такое «сверхъестественное»¹.

Автор «Донских рассказов» был далек от увлечений различными стилевыми исканиями, но самый период исканий в литературе тех лет не мог не отразиться на его раннем творчестве. Отдавая дань времени, «литературной моде», Шолохов также нередко изобретал нарочито вычурные художественные образы. В его рассказах встречаются элементы рубленой прозы, назывные (Засуха. Тишина. Сумерки. Ночь. Изморозь. Хорунжий. Погоны новенькие) и безличные предложения (Рассвело. Пыльно. Горячо. Вечерело. Смеркается. Жарко. Тает), что придавало повествованию характер незавершенности, эскизности, фрагментарности. Динамичность же создавалась вовсе не «рубленой прозой», а самими конфликтами.

Особенно заметное влияние на молодого Шолохова оказала так называемая «ритмическая проза», достигаемая с помощью искусственной расстановки слов. Наиболее часто в рассказах Шолохова встречается неполное безглагольное предложение («В полдень по хутору задремавшему — медные всплески колокольного звона»; «Из горницы клокочущий хрип, мычание»); такой порядок слов, когда определение стоит позади определяемого слова, а обстоятельство образа действия — после глагола («Повернулся к старухе лицом иззябшим»; «Обнял голову, а на пальцах кровь и комочки белые, слизистые»; «Промеж улыев долбленных двинулся Лукич тихонько»); сказуемое часто переносится в конец предложения. Таких предложений особенно много в рассказе «Коловерть»: «Коромысла с ведрами кинула, шею охватила, губами иссохшими губы не достанет, на груди бьется и ясные пуговицы и серое сукно целует»; «На огороде возле Дона полой водой и набухающими почками тополей пахнет»; «Частокол вокруг палисадника ребрами лошадиного скелета топорщится» и т. д. Такая искусственно создаваемая ритмичность, напевность нередко нарушала реалистическую цельность повествования.

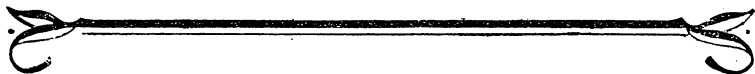
Преодолевая наносные, чуждые влияния, Шолохов прокладывал в литературе свои стилевые пути, обретал свое писательское лицо. От талантливых, по словам Се-

¹ А. Фадеев, Литература и жизнь, изд. «Советский писатель», М., 1939, стр. 150.

рафимовича, «подававших надежды» рассказов, он шел к большому мастерству, к эпическому повествованию о путях народа в революции. Складывался «писатель особенный, ни на кого не похожий», — со своим собственным лицом, таящий огромные возможности».

Значение донских рассказов выходит за пределы творческой биографии их автора. Почти одновременно с Фурмановым, Серафимовичем, Фадеевым и другими писателями Шолохов запечатлел особенности революционного времени, его типичные конфликты, четко передал расстановку классовых сил, нарисовал образы тех, кто героически отстаивал победу революции, показал их духовное богатство, героизм, человечность, беззаветную преданность новой жизни.

Глава II

«ТИХИЙ ДОН»

1. Творческая история романа

Приближалась к концу упорная работа по восстановлению народного хозяйства в нашей стране. В декабре 1925 года состоялся XIV съезд партии, на котором была поставлена задача социалистической индустриализации страны, борьбы за полную победу социализма.

Еще в предшествующий период развития литературы советские писатели стремились к отражению исторического процесса утверждения социализма, к изображению народа как сознательного творца истории, к показу его героической борьбы. В годы новых побед социализма в советской литературе появились произведения, шире раскрывающие события современности, процесс рождения нового, социалистического общества. Писатели изображали судьбы народа, творящего историю.

Основоположник социалистического реализма Горький романами «Дело Артамоновых» (1925), «Жизнь Клима Самгина» (кн. 1-я, 1927) прочно утверждал в советской литературе жанр социально-исторической эпопеи, указывал пути эпического изображения действительности, раскрывал закономерность победы социализма. Вслед за Горьким передовые советские писатели воссоздают отдельные исторические этапы жизни Советской страны, дают художественную историю рождения и становления социалистического общества. Незначительный отрезок времени отделяет «Чапаева» Д. Фурманова, «Железный

поток» А. Серафимовича, поэму «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского, «Цемент» Ф. Гладкова от таких эпических полотен, как «Хождение по мукам» А. Толстого, «Хорошо!» В. Маяковского, «Бруски» Ф. Панферова, «Разгром», «Последний из удэге» А. Фадеева, «Тихий Дон» М. Шолохова.

Первоначальный вариант романа М. Шолохова назывался «Донщина». Приступив к работе, писатель не думал создавать широкого эпического полотна о народе. Он намеревался рассказать о начале гражданской войны и о роли казачьих войск после Февральской революции 1917 года. «Начал я писать роман в 1925 году. Причем первоначально я не мыслил так широко его развернуть. Привлекала задача показать казачество в революции. Начал с участия казачества в походе Корнилова на Петроград...»¹.

В начале работы над романом Шолохов жил в станице Букановской, в доме родителей жены. Чтобы не мешали писать, он запирался в отдельной комнате и зачастую просиживал там целые ночи. Утром появлялся среди родных утомленный, взволнованный, с воспаленными глазами. Бывало, что над молодым писателем шутили, считали его замыслы горячим увлечением молодости и надеялись, что писательский пыл вскоре пройдет. Но Шолохов был настойчив в своих планах, несмотря на то что условия работы в связи с переездом семьи в станицу Каргинскую оказались более тяжелыми. Пришлось поместиться в тесном казацком курене. Чтобы полностью отдаться творчеству, молодой писатель снял у соседей маленькую комнатку и в уединении дописывал последующие страницы своего романа.

Прошел год напряженного труда, было написано около шести печатных листов романа «Донщина», когда Шолохов понял, что нельзя начинать повествование с участия казачества в подавлении революции. «Для читателя остается непонятным, почему казачество приняло участие в подавлении революции, — решил Шолохов. — Что это за казаки? Что это за Область Войска Донского? Не выглядит ли она для читателя некоей terra incognita? Поэтому я бросил начатую работу. Стал думать о более широком романе»².

¹ «Известия» от 31 декабря 1937 г., № 305, стр. 3.

² Там же.

Приступая к работе над «Донщиной», Шолохов не учел, что без раскрытия исторически сложившихся условий, в которых оказалось казачество, без показа специфики жизни и быта казачьего хутора, без объяснения причин, толкнувших часть казачества на путь белогвардейского движения, роман, описывающий поход казачьих дивизий на Петроград, мятеж Корнилова, Донщину уже во время событий гражданской войны, не разрешит эпической темы о сложных путях народа в революционную эпоху.

В конце 1926 года Шолохов прекратил работу над «Донщиной», временно отложил все написанное и приступил к созданию «более широкого романа», отодвинув начало повествования ко времени, предшествовавшему первой империалистической войне.

*Работа
над первой
книгой «Тихо-
го Дона»*

Переход писателя к произведению эпического размаха был рожден стремлением проследить пути народа в революции, нарисовать действительность в ее революционном развитии. События современности помогли Шолохову углубить критику патриархально-собственнического мира казачества в первой книге романа, разоблачить иллюзии сословного единства, мешавшие казачеству и осложнявшие его путь в революции. Революционная борьба народа представлялась писателю сложным, трудным процессом ломки не только старого мира, но и человеческих отношений. Писатель хотел показать те глубокие перемены в жизни народа, те существенные изменения, которые были вызваны революцией. Так в процессе работы роман, задуманный как повествование о путях казачества в революционную эпоху, вырос в эпическое полотно о русском народе и его борьбе за свободу.

Изображение судеб народа на более широком общественно-политическом фоне сложных революционных событий требовало углубления историзма повествования, раскрытия судеб отдельных личностей в зависимости от их отношения к народу, от их поведения в революционную эпоху.

Перед автором «Тихого Дона», обратившимся к новому замыслу, по его собственному заявлению, «примерно с конца 1926 года», встал ряд вопросов: «Что это за казаки? Что это за Область Войска Донского?»

Чтобы объяснить сложные пути казачества в революции, необходимо было сначала показать читателю «незнакомую землю», «тихий Дон», необходим был, как говорил Шолохов, «широкий роман», произведение эпического размаха о судьбах народа.

Шолохов хотел в мельчайших деталях проследить пути народа, показать, в частности, закономерность прихода казачества к новой жизни. Ради этого писатель обратился к изображению судеб различных слоев населения Дона на протяжении целого десятилетия, насыщенного такими событиями, как империалистическая война, Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война. В предисловии к английскому изданию романа Шолохов писал: «Меня несколько смущает то обстоятельство, что роман воспринимается в Англии как «экзотическое» произведение. Я был бы счастлив, если бы за описанием чуждой для европейцев жизни донских казаков читатель-англичанин рассмотрел и другое: те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции».

Описание прошлого казачества необходимо было для показа того, как события войны и революции открывали казакам глаза на новое, способствовали их классовому расслоению, влияли на их сознание, вызывали огромные сдвиги в их психологии. Писатель стремился передать сложность путей казачества в революционную эпоху. Роман создавался в течение 15 лет. Напряженный труд над ним Шолохов сочетал с большой общественной работой: ставил вопрос об улучшении почтовой связи на Дону, занимался радиофикацией Боковского, Вешенского, Базковского районов, интересовался вопросами сельского хозяйства, принимал участие в литературной жизни края.

Семья Шолоховых по-прежнему теснилась в маленьком курене станицы Каргинской. «Писалось трудно, — вспоминает Шолохов, — и жилось трудно, но в общем писалось». С Каргинской были связаны воспоминания детства, семья отца жила здесь до революции невдалеке от купеческого дома и мельницы, куда часто с друзьями бегал мальчик Шолохов. Окружающая обстановка давала большой материал воображению писателя. Возможно, что он воспользовался им при описании купеческого моховского дома и мельницы.

Свежи были в памяти и подробности жизни на хуторе Плешакове. Там Шолохов встретился с Иваном Алексеевичем Котляровым, работавшим механиком на паровой мельнице. Его помощником был Валет, а Давид Михайлович Бабичев (Давыдка) работал здесь же вальцовщиком. В детстве знал Шолохов и богатого помещика, усадьба которого находилась недалеко от родного хутора Кружилина. Он и послужил прототипом для образа генерала-помещика Листницкого.

Живые люди, родная природа окружали Шолохова, и он, конечно, как художник-реалист, опирался в своей работе на конкретные явления действительности и реальных людей. «Люди все были под рукой, как живые, — вспоминает писатель. — Ходи да распоряжайся. Тут уж от твоего умения зависит... Все было под руками — и материал, и природа»¹. Но тут же Шолохов заявлял, что создавать характеры — это не значит делать слепки с людей, встреченных в действительности.

Шолохов, например, указывал, что «для Григория Мелехова прототипом действительно послужило реальное лицо. Был на Дону один такой казак... Но, подчеркиваю, мною взята только его военная биография, «служивый» период, война германская, война гражданская»². Есть утверждения, что прототипом Григория Мелехова был казак Ермаков, «внешнюю биографию которого Шолохов частично дал в Григории Мелехове»³. Сами же казаки рассказывают, что Шолохов про него написал «все в точности, ну до последней ниточки».

Известно также, что в годы гражданской войны под станицей Мигулинской действовал отряд бандита Федьки Мелихова, там же существовала и банда Рябчикова (в романе Рябчиков — помощник Григория Мелехова). Григорий в последней части романа проделывает путь, подобный пути Федьки Мелихова, впоследствии расстрелянного за бандитизм.

В образе Григория Мелехова, участника конкретных социально-исторических событий, автор стремился с наибольшей полнотой и правдивостью вскрыть его типическую сущность, изобразить человека из народа, оторвав-

¹ «Известия» от 12 июня 1940 г., № 134, стр. 5.

² «Известия» от 31 декабря 1937 г., № 305, стр. 2.

³ Сборник «Михаил Шолохов», Ростов-на-Дону, 1940, стр. 137.

шегося от него, не нашедшего правильных путей в революции.

Долго работал писатель и над созданием образа Аксиньи. Ее черты он находил не сразу: несмотря на то что в рассказе «Двухмужняя» был уже создан образ Анны, близкий Аксинье.

«Главное у меня было в самом начале, — рассказывал писатель о работе над образом Аксиньи. — Но только главное. В общем фантазию не приходилось понукать, потому что женщины есть у нас хорошие, много хороших женщин... С сильным характером, с сильной волей и горячим сердцем. Буквально такой ситуации не было в жизни. Но вообще жизнь деревни, казачьей станицы, пестрит вот такими историями...»¹. Если черты Аксиньи Шолохов и наблюдал у некоторых известных ему казаков, то эти связи прототипа (или даже прототипов) с характером, созданным в романе, настолько незначительны, что писатель не считает возможным указывать какое-то конкретное лицо — прототип образа Аксиньи.

Шолохов не списывал с натуры не только характеры, но и места и события. Вымышленное название хутора Татарского убеждает в этом, несмотря на попытку видеть различные хутора под этим названием. Есть сведения, что это символическое название хутора Кружилина. Земляк Шолохова, казак Грачев рассказывает, что Татарским хутор назван потому, что в старину недалеко от Кружилина, у Голого Лога, росли дремучие бурьяны, высокий колючий татарник: «Вот поэтому-то в «Тихом Доне» хутор Татарским прозван. Что и говорить, чего другого, а бурьяна, темноты да дикости в нашем хуторе хватало...»

Есть и другие свидетельства. Советский литературовед Ю. Б. Лукин утверждает, что автор под именем Татарского описал хутор Калиновский.

Шолохов в годы работы над первыми книгами «Тихого Дона» ездил по хуторам и станицам бывшей Донской области. Особенно интересовался писатель казацкой стариной, рассказами участников первой империалистической войны. Эти рассказы и воспоминания дополняли его наблюдения. Сам писатель утверждал, что казачий быт он изучал «в общении со стариками».

¹ Сборник «Михаил Шолохов», Ростов-на-Дону, 1940, стр. 137—138.

М. А. Шолохов в годы работы над первыми книгами
«Тихого Дона» (1928 г.).

Немало времени было потрачено на соби́рание и изучение произведений устного народного творчества, особенно казачьих песен, преданий, сказов, которые необходимы были писателю для правдивого изображения жизни и быта народа. Если архивно-исторический материал был

крайне необходим Шолохову для последующих книг и отчасти для воспроизведения событий империалистической войны в конце первой книги, то первые части «Тихого Дона» требовали разностороннего фольклорно-бытового материала. Еще в детстве Шолохов хорошо знал и любил, прекрасно исполнял донские народные песни. Видя в них одно из средств реалистического изображения жизни казачества, Шолохов к числу слабостей оперы И. Дзержинского «Тихий Дон» относил то, что «богатый фольклор, чудесные казацкие песни не были в достаточной степени использованы композитором»¹.

Хорошо зная различные жанры казачьего народного творчества, Шолохов воспользовался в работе над эпопеей рядом известных сборников казачьего фольклора, в частности сборниками А. Савельева и А. Пивоварова.

По словам Шолохова, его «работа по сбору материала для «Тихого Дона» шла по двум линиям: во-первых, соби́рание воспоминаний, рассказов, фактов, деталей от живых участников империалистической и гражданской войн, беседы, расспросы, проверка своих замыслов и представлений; во-вторых, кропотливое изучение специальной военной литературы, разборки военных операций, многочисленных мемуаров, ознакомление с зарубежными, даже белогвардейскими источниками».

Приступив к написанию романа, Шолохов тщательно продумал его план. В процессе работы менялись, как сообщает писатель, «только детали, частности. Устранялись лишние эпизодические лица. Приходилось кое в чем теснить себя. Посторонний эпизод, случайная глава, — со всем этим пришлось распрощаться...»

Несмотря на то, что первые книги романа были созданы в довольно короткое время, над ними продолжалась кропотливая, упорная работа. Шолохов неоднократно перерабатывал написанное. Он добивался наиболее яркого изображения ломки старых традиций и представлений, показывал, как давали трещины, казалось бы, нерушимые устои старого мира с его косными традициями, стремился подчеркнуть, как назревала необходимость глубоких социальных изменений.

К концу 1927 года Шолохов завершил работу над пер-

¹ М. Шолохов, Об опере И. Дзержинского, «Советская музыка», 1937, № 10—11, стр. 54.

вой книгой и подготовил рукопись к печати. Молодой писатель был тогда мало знаком с редакционными правилами, поэтому рукопись была перепечатана на машинке без необходимых интервалов, строка лепилась к строке. В таком виде она и была отослана в редакцию журнала «Октябрь». Члены редколлегии, очевидно, не поняли или не захотели понять замыслов писателя и решили, что «бытописательский» роман о довоенном казачестве печатать не следует, так как в нем якобы нет политической остроты. Эта же редколлегия не усмотрела и художественных достоинств романа. Позже Шолохов рассказывал критику И. Г. Лежневу, что редакция журнала все-таки отважилась напечатать первую книгу «Тихого Дона», поставив, однако, автору строгие условия: пойти на решительные сокращения. Для большей уверенности в справедливости такой оценки романа решили еще познакомить с рукописью почетного редактора журнала А. С. Серафимовича, чтобы он, как человек, хорошо знающий донское казачество, дал окончательное заключение. А. С. Серафимович, с трудом разбирая слово за словом, прочел рукопись и предложил немедленно печатать роман без всяких сокращений.

В январе 1928 года в журнале «Октябрь» были опубликованы начальные главы «Тихого Дона». Едва только окончилось в апреле печатание трех частей романа, как начали появляться первые отзывы. Почти все журналы и газеты писали о «Тихом Доне». На страницах «Правды» выступил Серафимович. Он снова восторженно приветствовал Шолохова, сравнивая его с орленком, который неожиданно размахнул крыльями, и крылья оказались широкими, орлиными.

«Всего два-три года чернел он чуть приметной точечкой на литературном просторе, — писал А. С. Серафимович. — Самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернется он». Виднейший писатель отмечал, что Шолохов шагнул далеко вперед от «подававших надежды» рассказов. В рецензии обращалось внимание на способность Шолохова «выпукло дать человека», индивидуализировать характер героя, раскрыть его психологию, «сосредоточенно и скупко обрисовать и целую людскую группу, человеческий слой». Отмечая эпичность развернутого повествования, Серафимович вскрывает причины подробного описания жизни и быта донского казачества,

которые он справедливо видит в стремлении писателя проследить рост классового расслоения казачества «по мере того, как разворачивается грандиозная эпоха».

Серафимович был, пожалуй, первым критиком, правильно определившим замыслы автора «Тихого Дона», основные черты шолоховского дарования. Он указал на гуманизм писателя, на оптимизм его творчества, сравнивал Шолохова «с очень крупными писателями», видел в нем преемника лучших традиций великой русской литературы. Обращая внимание на «яркий, своеобразный, играющий всеми цветами язык» романа, «подлинный живой язык степного народа», Серафимович противопоставлял Шолохова «комнатным скучным словотворцам», писателям тех лет, которые увлекались неоправданными стилистическими исканиями.

Серафимович поставил и задачи перед молодым писателем, указав, что дальнейший творческий рост возможен лишь в том случае, если Шолохов будет постоянно впитывать в себя «великое учение коммунизма», сумеет проникнуться им и подойти к описанию революционной действительности с позиций борьбы рабочего класса за достижение поставленных целей.

Вскоре высоко оценил новое произведение Шолохова и М. Горький. Внимательно следя за развитием литературы, отмечая каждый ее успех, он радовался расцвету народных талантов. В одном из писем от 31 декабря 1928 года Горький писал: «Шолохов, — судя по первому тому, — талантлив... Каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот — это радость. Очень, анафемски, талантлива Русь».

1928 год был годом заметного движения вперед советской литературы. В итоговых обзорах указывалось особенно на успехи советской прозы. А. В. Луначарский в статье «Литературный год», оценивая «Бруски» Ф. Панферова, «Лесозавод» А. Караваевой, «Преступление Мартина» В. Бахметьева и другие крупные произведения года, выделил «еще незаконченный роман Шолохова «Тихий Дон», произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы». «Это произведение, — утверждал Луначарский, — напоминает лучшие явления русской литературы всех времен». Отметив, что Шолохов выступает в «Гихом Доне» продолжателем лучших традиций русской литературы,

Луначарский рассматривает роман «как ценный вклад в литературу о массах», указывает на характерную особенность советской литературы, проявившуюся в «Тихом Доне», — стремление проследить судьбы народа.

*Работа
над второй
книгой «Тихо-
го Дона»*

Содержание второй книги «Тихого Дона» — героическая борьба революционного народа в годы гражданской войны. Прослеживая судьбы народа, рисуя развал фронта империалистической войны, Шолохов подчеркивает рост революционных настроений в среде казачества, четко определяет позиции большевиков по отношению к империалистической войне.

В. И. Ленин в работе «Положение и задачи социалистического Интернационала» писал: «Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну»¹. «Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и готовить к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран»².

Ленинские строки, вложенные Шолоховым в уста большевика Бунчука в начале книги, явились философским обоснованием закономерности дальнейших революционных событий, описанных в романе. Если в первой книге Шолохов показывал, что буржуазии удавалось прикрывать империалистический грабеж идеологией «национальной войны», одурачивать шовинизмом таких казаков, как Чубатый, то во втором томе писатель разъясняет, как война учит, просвещает народ, подготавливает его к борьбе с буржуазией.

Автор прослеживает зарождение и весь путь корниловского заговора, чтобы показать его антинародность,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 23.

² Там же, стр. 24.

беспочвенность; рост революционного сознания народа и изменения в настроении казаков, отказавшихся от поддержки корниловщины; пути широких масс народа в революции. Это определило введение в роман ряда массовых сцен, передающих возросшую активность народа накануне Октябрьской революции, обострившуюся ненависть его к старому строю, переход к сознательному политическому протесту против царизма и буржуазии.

Работа над четвертой частью второй книги протекала значительно быстрее за счет включения в нее отрывков из «Донщины», посвященных изображению корниловского мятежа и развала царской армии на фронте империалистической войны. Переноса отдельные отрывки и главы из «Донщины» в «Тихий Дон», писатель добивался того, чтобы они органически вошли в художественную ткань нового произведения.

Открывая книгу описанием конца империалистической войны, Шолохов затем в форме воспоминаний Григория о «пройденной путине» устраняет хронологический разрыв в повествовании.

Развитие сюжета, композиционная структура второй книги романа определяются ходом изображенных исторических событий — Февральской революции, Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Работа значительно усложнялась из-за отсутствия обстоятельных исследований советских историков по гражданской войне. Шолохов заявлял, что в сборе и отборе исторического материала, особенно о событиях, происходивших в белогвардейском лагере, в течение всей работы над романом он испытывал большую трудность. Кроме архивных источников и бесед с участниками боев, Шолохов широко использовал появившиеся к этому времени в печати документы, сборники Ростовского Истпарта «Пролетарская революция на Дону», воспоминания участников подтелковской экспедиции в северные округа. К этим источникам Шолохов подходил более уверенно, подчас полностью строил на них главы. Сообщения участников революционной борьбы продиктовали писателю последовательность изложения таких важных в истории гражданской войны на Дону событий, как съезд в станице Каменской, создание Военно-революционного комитета, поход Подтелкова в северные округа, борьба революционного казачества и его руководителей — Подтелкова,

Кривошлыкова, Лагутина и других — против контрреволюции. Во вторую книгу Шолохов вводит наибольшее количество документов, подкрепляет конкретные факты отрывками из статей, листовок, обращений, телеграмм, воззваний, писем, деклараций, постановлений и т. п.

Стремясь к более широкому охвату исторических событий, к показу различных социальных кругов и реальных лиц, к максимальной конкретности в описании революции и гражданской войны, Шолохов вводит в роман и ставит в центре повествования образы рядовых представителей народа, существовавших в действительности. Впервые появляются во второй книге букановский казак, первый председатель казачьего отдела при ВЦИК второго созыва Иван Лагутин, геройски погибший вместе с другими членами отряда Подтелкова; усть-хоперский казак, первый председатель Донского ВЦИК Федор Подтелков, еланский казак Михаил Кривошлыков и другие члены Ревкома, избранного на съезде в Каменской. Кроме того, вводится ряд вымышленных персонажей-коммунистов: Абрамсон, Бунчук, Анна Погоудко и другие.

Несмотря на отдельные ошибки в раскрытии характеров таких революционных деятелей-казаков, как Подтелков и Кривошлыков, образы коммунистов, созданные на страницах второй книги романа, свидетельствовали об идейно-творческом росте писателя. Рисуя размах революционного движения, Шолохов не только значительно расширил круг революционеров, работавших в необычайно сложной обстановке Дона, но и выдвинул их на первый план, показал их непосредственное участие в полной драматического напряжения народной борьбе. Писатель проследил обусловленный революционными событиями рост политического сознания вышедших из народных низов коммунистов, передал их человечность и простоту, мужество и убежденность в правоте народного дела, веру в торжество революционной правды.

Рисует Шолохов и лиц из среды контрреволюционно-го казачества: казак Фомин, впоследствии ставший во главе банды, есаулы Чернецов и Спиридонов, подъесаулы Сенин и Попов, генералы Корнилов, Лукомский, Деникин, Алексеев, Каледин, Богаевский, упоминаются Николай II, Керенский, Родзянко, Савинков, Краснов и другие представители белогвардейского лагеря.

Однако, введя ряд эпизодических персонажей, Шо-

лохов теряет из поля зрения основных героев, с большим трудом соединяет сюжетные линии. Вторая книга хроникальна, перегружена документами. Видимо, в таком плане шла работа над «Донщиной», часть глав из которой вошла в «Тихий Дон».

К концу 1928 года Шолохов закончил работу над второй книгой романа. 18 ноября в ростовской газете «Молот» появилась предпоследняя глава пятой части (о казни Подтелкова). В десятом номере журнала «Октябрь» было завершено печатание второй книги романа. Таким образом, работа над первыми двумя книгами заняла у писателя около двух лет (с конца 1926 года по осень 1928 года).

*Работа
над третьей
книгой «Тихо-
го Дона»*

На рубеже 30-х годов советская литература вступала в новый этап развития. Успехи ее были связаны с большими политическими, экономическими и культурными достижениями нашей страны.

Грандиозное социалистическое строительство, развернувшееся в Советском Союзе, уже к 1929 году продемонстрировало громадные успехи и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в области культуры.

1929 год вошел в историю как год великого перелома.

Мощный размах и быстрый темп индустриализации создали базу для социалистической реконструкции сельского хозяйства. Колхозное движение охватило миллионы крестьян. Вступая в колхозы целыми селами и районами, крестьяне сметали кулачество со своего пути, ломали его сопротивление. В результате правильной политики партии решительно повернули к социализму, пошли в колхозы середняцкие массы.

Большие революционные события периода коллективизации, указания партии этих лет осветили не только работу Шолохова над «Поднятой целиной». Они помогли писателю глубже понять события, положенные в основу третьей книги «Тихого Дона» почти целиком посвященной восстанию казаков на верхнем Дону в 1919 году, которое возникло, как пишет Шолохов, «в результате перегибов по отношению к казаку-средняку».

Раскрывая творческие замыслы, рассказывая о причинах возникновения этого восстания, Шолохов писал А. М. Горькому: «Думается мне, Алексей Максимович, что вопрос об отношениях к среднему крестьянству еще

долго будет стоять и перед нами и перед коммунистами тех стран, которые пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодняя история с коллективизацией и перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г., подтверждает это»¹.

А. С. Серафимович, побывавший на Южном фронте в 1919 году, в самые тревожные дни Верхнедонского восстания, указал на отдельные перегибы по отношению к казакам со стороны лиц, «примазавшихся к коммунистам и даже коммунистов, опозоривших себя злоупотреблениями и насилиями»². Этими перегибами воспользовались деникинские и красновские ставленники, скрывавшиеся в Верхнедонском округе. Используя зажиточную казачью верхушку, играя на сословных чувствах казаков, сея провокационные слухи о массовых грабежах и расстрелах казаков, они сумели превратить разновременные повстанческие вспышки в организованное выступление.

Продолжая работу над «Тихим Доном» в условиях обострившейся классовой борьбы периода коллективизации сельского хозяйства, Шолохов добивался яркой передачи непримиримого столкновения двух лагерей и в годы гражданской войны. Необходимость разоблачения контрреволюционных сил диктовалась всем ходом развития нашего общества, строительство социализма в котором происходило в условиях преодоления трудностей и противоречий.

Остроту классовой борьбы в годы гражданской войны, сложность путей казачества в революции Шолохов подчеркивает эпиграфом к первому отдельному изданию третьей книги:

Как ты, батюшка, славный тихий Дон,
Ты кормилец наш, Дон Иванович,
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая,
Как бывало ты всё быстёр бежишь,
Ты быстёр бежишь, всё чистёхонек,
А теперь ты, Дон, всё мутён течёшь,
Помутился весь сверху донизу.
Речь возговорит славный тихий Дон:
«Уж как-то мне всё мутну не быть,

¹ Из неопубликованного письма М. А. Шолохова к А. М. Горькому, 6 июня 1931 г., стан Вешенская.

² А. Серафимович, Собрание сочинений, т. VIII, Гослитиздат, М., 1948, стр. 100.

Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов — донских казаков,
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком».

Эта старинная казачья песня призвана особо подчеркнуть специфику третьей книги романа, выразить отношение автора к тому, что тихий Дон «помутился весь сверху донизу», распустил своих «ясных соколов — донских казаков». Эпиграф указывает на то, что в третьей книге изображен самый напряженный, переломный момент на пути казачества в революции.

В это время перед советской литературой, как и на всех этапах ее развития, остро стояла проблема создания типического характера положительного героя. Шолохов с самого начала работы над «Тихим Доном» хорошо понимал необходимость решения этой проблемы. Особенно плодотворно он решил ее в «Поднятой целине», а в третьей книге «Тихого Дона» выдвинул на первый план фигуру коммуниста из казаков — Кошевого. И в этом отношении третья книга знаменовала шаг писателя вперед, упрочение в его творчестве метода социалистического реализма. Работа над третьей книгой «Тихого Дона» началась уже в 1928 году¹, ей был посвящен весь 1929 год. В это время писатель окончательно поселяется в районной станице Вешенской, одной из старейших верхнедонских станиц, раскинувшейся на крутом берегу Дона. «Вешенская — вся в засыпи желтопесков... — пишет Шолохов. — На площади — старый, посеревший от времени собор, шесть улиц разложены вдоль по течению Дона. Там, где Дон, выгибаясь, уходит от станицы к Базкам, рукавом в заросли тополей отходит озеро, шириной с Дон в мелководье. В конце озера кончается и станица... А на севере за станицей шафранный разлив песков, чахлая посадка сосняка, енды, налитые розовой, от красноглинной почвы, водой. И в песчаном половодье, в далекой россыпи зернистых песков — редкие острова хуторов, левад, рыжеющая щетина талов» (II, 164—165).

В конце широкой улицы, рядом с белыми казачьими куренями, невдалеке от Дона — дом, в котором живет и работает Шолохов.

¹ Орывок из первой главы третьей книги был опубликован в Ростовской газете «Молот» 28 декабря 1928 года.

1930—1931 годы были особенно плодотворными на творческом пути Шолохова. В это время наряду с напряженной работой над «Поднятой целиной» писатель завершал третью книгу «Тихого Дона», дописывал и перерабатывал ее последние страницы.

Воссоздание картины противоречивого, сложного движения казачества в революции было связано с предварительным, тщательным изучением исторических источников. «Когда выяснялось, что нужны архивные или исторические данные, писатель прерывал работу на месяц, другой и уезжал в Ростов или Москву, рылся в архивах. Особенно интересовали его газеты первых лет советской власти»¹.

В третью книгу Шолохов непосредственно включает сообщения различных газет и использует их при освещении событий, происходивших на Дону в 1919 году. «Материала у меня обилие, — говорил Шолохов. — Все дело в том, чтобы этот материал не задавил, чтобы суметь его обобщить, переработать, отобрать наиболее значительное и политически действенное, чтобы каждый эпизод и каждая деталь несли свою нагрузку»². Несмотря на обилие общих исторических данных, дело усложнялось тем, что в третьей книге нужно было дать, по словам Шолохова, картину «вешенского восстания, еще не освещенного нигде»³.

«Характерно, — пишет Шолохов, — что доподлинные размеры верхнедонского восстания не установлены нашими историками, работающими по воссозданию истории гражданской войны, и до настоящего времени». Писатель сообщает, что даже Реввоенсовет республики не был достаточно «осведомлен об истинных размерах восстания» (IV, 367).

Отсутствие специальных работ, раскрывающих с марксистских позиций причины и характер вешенского восстания, значительно затрудняло и затягивало создание третьей книги романа. Приходилось часто выезжать в хутора и станицы, расспрашивать у жителей подробности о вспыхнувшем в 1919 году восстании, изучать места непосредственных боев. Шолохову предстояло проделать сначала огромную работу историка, уточнить размеры

¹ «Известия» от 12 июня 1940 г., № 134, стр. 5.

² «Комсомольская правда» от 17 августа 1934 г., № 191, стр. 3.

³ «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1930, № 6, стр. 172.

восстания, собрать материал о борьбе Красной Армии с этим восстанием, которое в течение трех месяцев, по выражению писателя, «как язва, разъедало тыл красного фронта, требовало постоянной переброски частей, препятствовало бесперебойному питанию фронта боеприпасами и продовольствием, затрудняло отpravку в тыл раненых и больных» (IV, 367).

В результате кропотливых поисков Шолохову удалось установить, что в среде повстанцев насчитывалось «не 15 000 человек, а 30 000—35 000; причем вооружение их в апреле — мае составляло не «несколько пулеметов», а 25 орудий (из них две мортирки), около 100 пулеметов и по числу бойцов почти полное количество винтовок». Шолохов устанавливает также, что восстание на правом берегу Дона не было подавлено в конце мая 1919 года: «Красными экспедиционными войсками была очищена территория правобережья от повстанцев, а вооруженные повстанческие силы и все население отступили на левую сторону Дона. Над Доном на протяжении двухсот верст были порыты траншеи, в которых поселились повстанцы, оборонявшиеся в течение двух недель до Секретевского прорыва, до соединения с основными силами Донской армии»¹.

Полнота освещения революционной борьбы на Дону требовала расширения круга действующих лиц романа. Вновь появляется Штокман, выпавший из повествования во второй книге, шире характеризуется деятельность Ивана Алексеевича Котлярова, значительно полнее раскрывается характер Кошевого, вводятся образы красноармейцев, комиссаров, среди которых особенно выделяется фигура Лихачева.

«В 6-й части, — писал Шолохов Горькому, — я ввел ряд «шелкоперов» от советской власти: парень из округа, приехавший разбирать конфискованную одежду (176), отчасти обиженный белыми луганец (133), комиссар 9-й армии Малкин — подлинно существовавший и проделавший то, о чем я рассказал устами подводчика-старовера, член малкинской коллегии — тоже доподлинный тип, агитировавший за социализм столь оригинальным способом (252 — 255), для того, чтобы, противопоставив им Коше-

¹ М. Шолохов, Тихий Дон, кн. 3, Гослитиздат, М., 1933, стр. 328.

вого, Штокмана, Ивана Алексеевича и др., показать, что эти самые «загибщики» искажали идею Советской власти».¹

Вводит в роман Шолохов и организаторов вешенского восстания, сохраняя их подлинные имена и фамилии. Это помощник Григория — Рябчиков, базковский хорунжий Харлампий Ермаков, командующий мятежниками хорунжий Кудинов, его начальник штаба подъесаул Илья Сафонов, командир повстанческой бригады Богатырев и другие.

На конкретные факты писатель опирался и в показе англо-французской интервенции на юге России.

Книга завершается описанием боев на различных участках повстанческого фронта вплоть до перехода мятежников к обороне за Доном. По мере развертывания повествования писатель усиливает мотивы неизбежной гибели контрреволюции, раскрывает противоречия в среде заблудившегося и восставшего трудового казачества.

В декабре 1929 года ростовский журнал «На подъеме» сообщал, что Шолохов «заканчивает третью книгу «Тихого Дона», и объявлял из номера в номер, что роман будет печататься на его страницах. Однако работа над третьей книгой, в основном уже написанной, затягивалась.

В конце мая 1930 года в Ростове состоялся организованный Северо-Кавказской ассоциацией пролетарских писателей литературный вечер, на котором Шолохов прочитал отрывки из шестой части романа и после их обсуждения выступил с заключительным словом. Он предупредил, что главные его мысли найдут полное выражение в целом произведении, указал, что «сам недоволен последними частями романа» и хочет «основательно обработать их». Отвечая на вопросы, он обещал читателям закончить третью книгу «к осени этого года».

В каком направлении шла переработка третьей книги, какого рода изменения были в нее внесены, можно судить, сопоставляя главы, опубликованные ранее, в процессе работы над романом в журнале «На подъеме», с окончательной их редакцией. Сравнение показывает, что

¹ Из неопубликованного письма М. А. Шолохова к А. М. Горькому, 6 июня 1931 г., стан. Вешенская. В скобках — страницы по рукописи романа, присланной Горькому.

до 1930 года образ Кошевого и его роль в романе еще не были ясны писателю. Работая над четвертой книгой, Шолохов решил выдвинуть Кошевого с заднего плана, сосредоточить на нем большее внимание и противопоставить его Григорию Мелехову. Такая необходимость диктовалась, видимо, внесением некоторых уточнений в общий, давно намеченный план романа. В соответствии с принятыми уточнениями, необходимыми для четвертой книги, Шолохов вносит поправки и в те главы шестой части романа, которые были уже опубликованы.

Так, коренной переработке подвергается сцена избияния Кошевого восставшими казаками его хутора (гл. XXVII). Во время восстания он начинает глубже понимать остроту классово́й борьбы, проникается жгучей ненавистью даже к своему бывшему товарищу Григорию Мелехову, пошедшему против Советской власти.

Внося изменения в образ Кошевого, выдвигая его на первый план, Шолохов добивался создания яркой фигуры коммуниста, мужественно защищающего дело революции, ее завоевания в дни становления Советской власти. Писатель подчеркивает последовательность борьбы Кошевого, непримиримость его отношения к врагам Советской власти. Кошевой уверен в том, что «установится мирная Советская власть по всему свету».

Преданность революции, чувство революционного долга, громадную человечность и обаяние воплощает Шолохов и в образах других коммунистов — Ивана Алексеевича Котлярова и Штокмана.

Основательная переработка, которой подверглась шестая часть, сказалась и на характере изображения белогвардейского лагеря. Шолохов добивался более глубокого, чем в предыдущих двух книгах, показа классового лица белогвардейского движения на Дону. Четче дается характеристика белых генералов, особенно «белых правителей» Краснова и Деникина. Писатель обнажает продажную контрреволюционную политику «вождей» белогвардейского движения. Усиливая разоблачение белогвардейцев, он подробно останавливается на мелочных склоках, взаимных подсиживаниях в их среде, документально подтверждает предательство Краснова, лакейское выслуживание Краснова и Деникина перед «союзниками».

Летом 1931 года Шолохов сдал рукопись третьей книги «Тихого Дона» в редакцию журнала «Октябрь». Писателю и на этот раз пришлось столкнуться с препятствиями. Как и раньше, ему снова предлагали пойти на ряд сокращений. Автора обвиняли в том, что он якобы оправдывает белоказачье восстание. Узнав об этом, Шолохов попросил А. А. Фадеева передать рукопись А. М. Горькому. 6 июня 1931 года Шолохов писал Горькому:

«Некоторые «ортодоксальные» «водители» РАППа, читавшие шестую часть, обвинили меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию.

... У некоторых собратьев моих, читавших шестую часть и не знающих того, что описываемое мною — исторически правдиво, сложилось заведомое предубеждение против шестой части. Они протестуют против «художественного вымысла», некогда уже претворенного в жизни. Причем, это предубеждение, засвидетельствованное пометками на полях рукописи, носит иногда прямо-таки смехотворный характер...

... Непременным условием печатания мне ставят изъятие ряда мест, наиболее дорогих мне (лирические куски и еще кое-что). Занятно то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест, и если всех слушать, то три четверти нужно выбросить...

... Буду с большим нетерпением ждать от Вас письма или телеграмму. Изболелся я за эти полтора года за свою работу и рад буду крайне всякому Вашему слову, разрешающему для меня этот проклятый вопрос. В апреле я уехал от Вас из Краскова с большой зарядкой бодрости и желания работать. Спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за Ваше теплое, внимательное отношение ко мне. Крепко жму руку и крепко желаю Вам здоровья»¹.

Еще до получения этого письма Горький внимательно прочел большую часть рукописи третьей книги и настоятельно предлагал редакции напечатать ее. А. М. Горький

¹ «Из неопубликованного письма М. А. Шолохова к А. М. Горькому, 6 июня 1931 г., стан. Вешенская. Цитируется по копии письма, предоставленной нам И. Г. Лежневым».

писал А. Фадееву: «Третья часть «Тихого Дона» — произведение высокого достоинства, на мой взгляд — она значительнее второй, лучше сделана», «Шолохов очень даровит, из него может выработаться отличнейший советский литератор...»¹

Однако третья книга «Тихого Дона» еще долго не появлялась, она печаталась в журнале с большим перерывом и некоторыми сокращениями вплоть до октября 1932 года.

Несмотря на стремление рапповской критики всячески принизить значение творчества Шолохова, охладить восторг читателей, третья книга «Тихого Дона» получила широкое общественное признание. В статьях и письмах этого времени Горький неоднократно отмечал талантливость автора «Тихого Дона», ставил его роман в число наиболее значительных произведений советской литературы. «Мы можем законно похвастаться, — писал Горький в статье «О литературе» (1930), — что в целом ряде книг молодые наши писатели давно уже успели и сумели хорошо изобразить войну 1914—1918 годов со всеми ее ужасами. Широко и многими весьма талантливо использован героический и трагический материал гражданской войны. Надолго останутся в новой истории литературы яркие работы... Шолохова и десятков других авторов, — вместе они дали широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны»².

Обращая внимание «на литературу в целом, а не на единичные явления ее», оценивая ряд книг, посвященных теме гражданской войны, Горький связывает эти произведения с успехами напряженного строительства нового мира, указывает, что «никогда еще и нигде литература не шла так «нога в ногу» с жизнью, как она идет в наши дни у нас»³. В произведениях о гражданской войне Горький видит и героизм в изображении больших революционных событий, и талантливое использование «трагического материала гражданской войны», призывает проследить не только индивидуальное лицо каждого автора, но

¹ Из неопубликованного письма А. М. Горького к А. А. Фадееву, 3 июня 1931 г. Цитируется по копии, предоставленной нам И. Г. Лежневым.

² М. Горький, Собрание сочинений, т. 25, Гослитиздат, М., 1953, стр. 253.

³ Там же,

и ставит в связь произведения таких разных писателей, как Вс Иванов, А. Фадеев, М. Шолохов. Говоря о Шолохове и других литераторах, Горький отмечает широту повествования, правдивость изображения гражданской войны.

В другой статье Горький говорил о Шолохове: «Он пишет как казак, влюбленный в Дон, в казацкий быт, в природу»¹. Появление этого замечания в 1931 году не случайно. В третьей книге «Тихого Дона» особенно, в большей мере, чем в предыдущих томах, обнаружилось лирическое дарование Шолохова. Пейзажные описания нередко перерастают в развернутые авторские отступления, выражающие любовь писателя к родному краю.

Отмечая, что третья книга «Тихого Дона» значительнее, лучше сделана второй, Горький видел и слабые ее места, считал, что Шолохов порой нечетко отделяет авторскую позицию от позиции своего героя Григория Мелехова. Великий художник перечислял также страницы, в которых особенно выражено «казацкое», и видел в этом проявление «областных» настроений автора. «Областное», по мнению Горького, заставляет Шолохова злоупотреблять местными речениями. В заключение Горький указал на необходимость бережного, тактичного отношения к писателю, который стремительно поднимается на высоту социалистического художника.

15 мая 1934 года М. И. Калинин, беседуя с молодыми крестьянскими писателями, окончившими курсы при оргкомитете Союза советских писателей, высоко отозвался «о простом, незаметном человеке» — Шолохове. Говоря о том, что у некоторых писателей «есть желание обойти трудности», М. И. Калинин привел в пример Шолохова: «Смотрите — Шолохов. Его «Тихий Дон» я считаю нашим лучшим художественным произведением. Отдельные места написаны с исключительной силой. А писал человек в провинции, в станице. Но по языку чувствуется, что он много и упорно учился и никакие журналы для начинающих ему не помогали. Я не верю, чтобы он написал «Тихий Дон», не будучи хорошо знаком с нашими классиками»².

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 26, Гослитиздат, 1953, стр. 69.

² «М. И. Калинин о литературе», Лениздат, 1951, стр. 71.

Оценивая «Тихий Дон» как лучшее произведение советской литературы, М. И. Калинин видит причину успеха Шолохова в продолжении традиций классического искусства, которые с особой силой сказываются в языке писателя, в методе обрисовки характеров, в изображении природы, быта.

В связь с этой оценкой «Тихого Дона» следует поставить и высказывание Ромена Роллана, который писал: «Лучшие новые произведения советских писателей (напр., Шолохова) связаны с великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства и которую обессмертило мастерство Толстого»¹.

*Работа
над четвертой
книгой «Тихо-
го Дона»*

После опубликования «Поднятой целины» и шестой части «Тихого Дона» Шолохов отдает все силы завершению четвертой книги «Тихого Дона». Однако работа над романом затянулась до самой

Великой Отечественной войны.

За это время социализм одержал ряд исторических побед. Прочно утвердился колхозный строй, крупные успехи были достигнуты в промышленности и сельском хозяйстве. Страна завершила построение фундамента социалистической экономики, что способствовало быстрому росту материального и культурного уровня трудящихся.

Грандиозные победы социалистического строительства в нашей стране способствовали дальнейшему развитию советской литературы как самой передовой литературы мира.

В это время Горький продолжает работу над эпопеей «Жизнь Клима Самгина» и над большими драматическими полотнами «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», в которых рисуется картина разложения и гибели буржуазного мира, утверждается неизбежность и закономерность торжества социализма.

А. Толстой работает над романом «Петр Первый» и трилогией «Хождение по мукам», прослеживая судьбы русского народа в переломные эпохи.

В литературу приходят талантливые писатели Н. Островский, А. Макаренко, А. Твардовский, Ю. Крымов и

¹ R. Rolland, Par la révolution la paix, Paris, 1935, p. 165.

создают произведения о новом, советском человеке. Наряду с изображением социалистического строительства советские писатели обнаруживают интерес к историческому прошлому, продолжают разрабатывать тему гражданской войны («Хлеб» А. Толстого, «Шел солдат с фронта» В. Катаева, «Рожденные бурей» Н. Островского, «Пархоменко» Вс. Иванова, «Кочубей» А. Первенцева и др.).

Тема гражданской войны в советской литературе этих лет переплетается с темой защиты Родины в связи с угрозой новой мировой войны.

Идейно-художественный рост советской литературы периода первых пятилеток был обусловлен и теми мероприятиями, которые провела партия в области литературы. 23 апреля 1932 года ЦК ВКП(б) принимает историческое постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», создается единый Союз советских писателей. Метод советской литературы в это время получает свое название — «социалистический реализм». Художественная практика передовых советских писателей способствовала утверждению этого метода в советском искусстве.

Активное участие в общественно-политической и литературной жизни страны принимает и Шолохов. В 1932 году он вступает в члены Коммунистической партии. Шире и разностороннее становится деятельность писателя-коммуниста. Он выступает со статьями, в которых предлагает ряд мероприятий, направленных на повышение культуры в колхозах Вешенского района; уделяя по-прежнему большое внимание сельскому хозяйству, повышению урожайности, часто выезжает в колхозы.

Шолохов неоднократно избирается в члены крайисполкома, проводит большую работу в бюро жалоб райисполкома. Много времени отдает писатель благоустройству родной станицы. По его инициативе в Вешенской открывается педагогическое училище, казачий театр, строится водопровод. Из далеких хуторов и станиц приходят к нему за советом и помощью. Серафимович, изредка гостивший у своего земляка, рассказывает, что Шолохову приходится работать над книгами только по ночам. «Привычку эту создают посетители, которые валом валят к писателю. Тут казаки, колхозники, рабочие, командиры, студенты, туристы, иностранцы, старухи, дети, журнали-

сты, писатели, музыканты, поэты, композиторы — все едут на машинах, на лошадях, верхом, на лодках, на пароходе, летят на самолетах. И всех Шолохов ласково принимает, поговорит, разъяснит, поможет, направит»¹.

Высоким доверием народа было избрание Шолохова в 1937 году депутатом Верховного Совета СССР. В 1939 году Советское правительство за выдающиеся успехи и достижения в развитии художественной литературы наградило писателя орденом Ленина, а советские академики избрали его действительным членом Академии наук СССР.

Горячо боролся Шолохов за утверждение социалистического реализма в литературе. Он поддерживал тесные творческие связи с Горьким, с крупнейшими советскими писателями — А. Серафимовичем, А. Фадеевым, А. Толстым, Н. Островским и другими.

Еще в самом начале 30-х годов А. М. Горький пригласил Шолохова приехать в Италию. Шолохов с радостью принял приглашение, выехал в Берлин, но, так и не получив визы от фашистского правительства Муссолини, вынужден был вернуться. Первая встреча с Горьким состоялась в апреле 1930 года на даче в Краскове. Беседа с великим писателем была в творческой жизни Шолохова значительным событием. Он уехал от Горького «с большой зарядкой бодрости и желания работать», а впоследствии неоднократно благодарил его за теплое и внимательное отношение.

Пристально изучал Шолохов публиковавшиеся в это время работы Горького, посвященные вопросам социалистического искусства. Когда на страницах печати развернулась дискуссия о языке, Шолохов прислал Горькому статью «За честную работу писателя и критика», которая затем была опубликована в «Литературной газете». Выступая против засорения литературного языка жаргонными словечками и диалектизмами, критикуя за это Панферова и других писателей, Горький вел беспощадную борьбу «за очищение литературы от словесного хлама, за простоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна четкая идеология»².

¹ А. Серафимович, Собрание сочинений, т. X, Гослитиздат, М., 1948, стр. 365.

² М. Горький, Собрание сочинений, т. 27, Гослитиздат, М., 1953, стр. 152.

Шолохов поддерживал Горького в этой борьбе, выступил в дискуссии на его стороне. Он писал: «Многие из советских писателей (в том числе и автор этих строк) погрешны в злоупотреблении «местными речениями». Большинству из нас присущи, в той или иной мере, и другие литературные недостатки. Но утверждать за собою право плохо писать да еще поучать тому же молодых писателей — на это хватило «мужества» у одного лишь Ф. Панферова»¹.

Соглашаясь с Горьким, что в преобладающем большинстве писатели «все еще далеки от совершенства во владении языком», Шолохов ставит вопрос о содружестве писателя и критика в работе по созданию новых книг, рисующих «величайшую из эпох в истории человечества».

«Дискуссия о литературном языке, развернувшаяся вокруг «Брусков» Панферова, — говорил Шолохов, — со всей наглядностью показала наши слабые стороны, обнаружила, что мы, писатели, в погоне за актуальной тематикой, желая отобразить нашу ярчайшую эпоху, зачастую пренебрегаем качеством наших произведений и даем недоброкачественную продукцию» (VIII, 94).

Автор «Тихого Дона» не только признал свои ошибки. Он сделал правильные выводы из статей Горького, помогавшего партии вести борьбу за качество литературы, за культурный язык. Работая над окончанием «Тихого Дона», Шолохов обратил особое внимание на чистоту языка.

Ряд принципиально важных указаний по теории социалистического реализма получил Шолохов на I съезде писателей из выступлений А. А. Жданова и А. М. Горького. Шолохов принимал активное участие в выработке решений съезда. Все это не могло не сказаться в работе над завершенным «Тихого Дона».

После съезда в октябре 1934 года Шолохов выступил на собрании ударников Лензавода и железнодорожного узла в Ростове-на-Дону с большим докладом «Литература — часть общепролетарского дела». В нем он говорил о том, что одна из замечательных мыслей Ленина — «литература должна стать частью общепролетарского дела» — осуществляется в нашей действительности. Отме-

¹ М. Шолохов, Собрание сочинений, т. 8, изд. «Молодая гвардия», М., 1959, стр. 82. Все ссылки на восьмой том в тексте книги даны по этому изданию.

чая культурный рост советского читателя, Шолохов утверждал необходимость повседневной связи с ним. В голосе народа он видел мощное средство воздействия на писателя и считал, что этот голос «будет заставляя писателя продумать тысячу раз один и тот же вопрос, думать над каждым оборотом фразы, думать над идеей и построением повести, романа, стараться, чтобы его произведение звучало во много раз сильнее, и будило, и звало на борьбу, и вдохновляло бы на дело доблести, чести и геройства» (VIII, 95).

Перед Шолоховым, как и перед другими советскими литераторами, после Всесоюзного съезда писателей встал вопрос, как писать дальше, и он стремился ответить на возросшие требования взыскательного читателя достойным завершением многотомной эпопеи. «Надо каждому из нас, пишущему,— говорил Шолохов, — еще раз и крепче продумать, как мы будем работать на пользу рабочего класса и нашей партии, какими средствами будем отображать величайшую эпоху, какими средствами сможем полнее насытить наши произведения, чтобы они звучали доподлинным набатом не только внутри страны, но и за рубежами ее, чтобы книги наши заряжали нашего советского читателя на дальнейшую работу и помогали пролетариям Западной Европы и угнетенным народам колониальных и полуколониальных стран сбросить капиталистическое иго» (VIII, 97, 98).

Касаясь вопросов художественного мастерства, Шолохов заявлял, что «лозунг социалистического реализма избавил писателей от горячих и порой ненужных дискуссий о творческом методе. Теперь от писателя требуется одно — работать». Неоднократно указывал Шолохов и на необходимость «исключительно вдумчивого, глубокого изучения материала». Он считает, что писатель должен быть органически связан с социалистической действительностью. Только тогда он сможет правдиво отразить ее в художественном произведении.

Особое внимание Шолохов обращал на необходимость четкого выражения в литературе патриотических идей. «Чувство родины, — говорил он, — великая штука, товарищи! Этим чувством должно быть пронизано каждое произведение писателя».

В конце 1934 года Шолохов снова выехал за границу. Будучи в Швеции, Дании, Англии, Франции, писатель

рассказывал об успехах советского искусства, разоблачал клевету буржуазной печати о Советском Союзе.

Остановившись в Стокгольме всего на несколько дней, Шолохов выехал в Данию. 3 января 1935 года он сделал в Копенгагене доклад о современной советской литературе. Присутствовавший на этой встрече Мартин Андерсен Нексе тепло приветствовал Шолохова, как «представителя литературы великой Советской страны».

Шолохова приветствовали известные профессора литературы Лондонского университета и Британской академии художеств, дружеский характер носила его встреча с французскими литераторами. Особенно дороги были для Шолохова часы бесед с писателем-коммунистом Жан Ришар Блоком.

Несмотря на теплую встречу, оказанную передовой зарубежной интеллигенцией крупнейшему советскому писателю, Шолохов считал каждый день, проведенный за границей, рвался на Родину. 23 января 1935 года он вернулся домой.

Когда над Европой нависла угроза фашистского порабощения, Горький призвал мировую общественность к борьбе против фашистских поджигателей, к защите культуры от международной шайки явных преступников. Возглавляемые Горьким, советские писатели активно включились в антифашистское движение.

4 июля 1937 года в Валенсии (Испания) открылся II Международный конгресс защиты культуры. Шолохов избирается в бюро и президиум Международной ассоциации писателей в защиту культуры.

Активное участие в общественной и литературной жизни страны, в социалистическом строительстве, в борьбе народа за мир против фашизма не могло не отразиться в работе над завершением «Тихого Дона».

События современности помогали писателю разоблачить иностранных интервентов, пытавшихся еще в годы гражданской войны задушить молодую Советскую республику, глубже осмыслить и правильно показать пути народа к социализму. Работа над последней книгой «Тихого Дона» была начата еще в 1929 году. Шолохов рассчитывал закончить весь роман к 1931 году.

Однако писатель не хотел отставать от жизни, стремительно двигавшейся вперед, он в это же время много думал и работал над второй книгой «Поднятой целины»,

в которой решил показать следующий этап становления колхозов, охватив события до 1931 года.

Вера Кетлинская, побывав у Шолохова в 1934 году, сообщала: «Ближайший год писателя будет напряженным: Михаил Шолохов в данное время кончает последний том «Тихого Дона» и рассчитывает до конца года написать окончание «Поднятой целины».

Письма Шолохова также свидетельствуют о той напряженной работе, которая велась в это время над последней частью «Тихого Дона». «Последнее время, — рассказывал писатель в июне 1934 года, — я почти одновременно работал над четвертой книгой «Тихого Дона» и второй книгой «Поднятой целины». Работа над ними уже почти закончена. Это, естественно, не означает, что я могу сейчас же сдать оба романа в печать. Отнюдь нет. Отложив на время «Поднятую целину», в настоящее время я засел за окончательную отшлифовку «Тихого Дона»¹ (разрядка моя. — В. Г.).

Четвертая книга охватывает значительный отрезок времени — с лета 1919 года по весну 1922 года. «Вместить такое обилие материала в одной книге, — рассказывал Шолохов, — как вы сами понимаете, — трудно. Этим и объясняются тугие темпы, при которых книга пишется. Давно я сижу над ней. Были мысли увеличить роман еще на одну книгу, но я их оставил»².

К осени 1935 года четвертая книга, как сообщал писатель, была уже написана и неоднократно перерабатывалась по отдельным главам. «План всей вещи, — рассказывал Шолохов, — был задуман мной еще до написания первой книги «Тихого Дона». С этого времени он не подвергался существенным изменениям. В процессе работы варьировались лишь некоторые детали плана и композиции отдельных сцен»³. Правда, намечались различные варианты завершения судеб героев, но Шолохов отказался от них и уже в 1935 году твердо определил пути главных героев и их судьбы, которые остались неизменными до полного опубликования романа. Уже тогда Шолохов сообщал, что «Пантелей Прокофьевич в четвертой части

¹ «Комсомольская правда» от 29 июня 1934 г., № 150, стр. 4.

² «Известия» от 10 марта 1935 г., № 60, стр. 3.

³ «Литературная газета» от 9 декабря 1935 г., № 68, стр. 6.

романа умирает» «своей нестрашной смертью», а Аксинья «останется живой до последней главы». Григорий Мелехов, который в конце третьей книги командовал повстанческой дивизией под станицей Вешенской, будет оттуда «наступать на север, примерно на Балашов, а потом ему суждено вместе с белыми армиями откатиться до Новороссийска». Ясен был путь Григория и в восьмой части: «после разгрома белого движения на юге и конца вооруженной борьбы на Дону казак Мелехов попадает в Красную Армию и в отрядах Первой Конной совершает поход на польский фронт».

Судя по этим сведениям, Шолохов предполагал рассказать в специальных главах об этом периоде в жизни Григория Мелехова, но в процессе работы он отказался от излишних подробностей и ограничился кратким сообщением Прохора Зыкова о службе Григория в Первой Конной и об участии его в боях с белополяками. Возможно, что главы, связанные с этим периодом жизни Григория, оказались среди страниц, не опубликованных писателем. Заявляя, что Григорий Мелехов «еще побывает в банде», Шолохов подчеркивал: «у Мелехова очень индивидуальная судьба, и в нем я никак не пытаюсь олицетворить середняцкое казачество. От белых я его, конечно, оторву, но в большевики превращать не буду. Не большевик он».

Это свидетельство писателя чрезвычайно интересно. Оно позволяет правильно понять ненависть Григория Мелехова к белому офицерству и стремление писателя заострить эту черту. Григорий все больше уходит от белых, сознавая неизбежность их гибели, но не может понять правду, за которую борются большевики.

В связи с этим Шолохов решил четко противопоставить Григорию Мелехову фигуру последовательного борца за социализм из среды казаков. «Из большевиков в четвертой книге выделится Михаил Кошевой, — рассказывал Шолохов, — я выдвину его с заднего плана и сосредоточу на нем больше внимания...»¹.

В лице Кошевого писатель создал типический образ представителя трудового казачества, нашедшего правильный путь в революции. Политически выросший в борьбе, Кошевой, сталкиваясь с Григорием, проявляет

¹ «Известия» от 10 марта 1935 г., № 60, стр. 3.

вполне понятную настороженность и принципиальность.

Шолохов противопоставляет Мелехову не только фигуру отдельного представителя народа. Писатель рисует казачьи массы, постепенно преодолевающие сложные противоречия. Казаки возвращаются в родные места, начинают полевые работы, выбирают ревкомы. Проследившая закономерный переход казачества, желающего мира и труда, в лагерь революции, широкий размах народной борьбы за Советскую власть, Шолохов стремился показать одновременно «окончательный разгром белого движения на Дону».

Опираясь на реальные факты, писатель создает сатирические сцены приезда генерала Сидорина в Вешенскую, пьяного разгула генерала Секретева, который «ломается как копеечный пряник», тупого самодурства солдафона Фицхелаурова; по мере приближения повествования к финалу усиливает картину морального растления и распада белогвардейцев, вырождения их в бандитов, теряющих человеческий облик.

Работа над романом не прекращалась даже в летние месяцы 1936 года. «Сейчас, не глядя на жару, — писал Шолохов Н. Островскому, — начал работать. Сажу, обливаюсь горьким потом и с вожделием поглядываю на Дон. По совести говоря, работать в такую дикую погоду нет ни малейшего желания». Напряженно работает Шолохов и в сентябре, а в октябре сообщает Н. Островскому, что он «снова за столом», трижды «перекрывает нормы». Лишь на некоторое время в конце года писатель выезжает в Москву для встречи с прикованным к постели Николаем Островским.

Четвертая книга оказалась для писателя самой трудной, она подводила итог его многолетней работы. Особенно беспокоили писателя финальные сцены. Стремясь проверить себя, Шолохов решил в это время собрать новый дополнительный материал, относящийся к концу романа. «Много езжу по станицам, — рассказывал он, — и все исключительно с одной целью — перепроверяю уже написанное».

В 1937 году Шолохов сдал в «Новый мир» лишь седьмую часть «Тихого Дона», задержав публикацию последних завершающих роман страниц еще на два года. Это решение можно объяснить повышенной взыскатель-

ностью писателя к своему творчеству. С годами расширившийся идейный кругозор художника, углубленное и более зрелое, чем в годы работы над первыми книгами, понимание истории — все это требовало особенно тщательной работы над той частью романа, которая сводила воедино написанные ранее книги.

«Недочеты первых книг я стараюсь исправить в четвертой, а это идет не за счет быстроты», — объясняет Шолохов. Он несколько раз перерабатывал страницу за страницей, тщательно отшлифовывал каждую строку, прежде чем ее обнародовать. «Завидую я некоторым товарищам, которые умеют быстро писать, — говорил Шолохов. — Мне вот приходится каждую строку писать с большим трудом. Много дней и ночей проходит, глядишь — написана одна страница». Отдавая все силы завершенному «Тихого Дона», Шолохов отказывал себе в отдыхе, даже в самых любимых занятиях — рыбной ловле и охоте. До самого рассвета жители Вешенской видели свет в окне мезонина шолоховского дома, где помещался кабинет писателя.

Работа над восьмой частью шла в одном направлении — дать советскому читателю, как говорил Шолохов, «правдивый конец», поведасть «матушку правду». Зрелое понимание истории и современности подсказывало Шолохову единственно закономерное завершение судьбы Григория Мелехова и судеб трудового казачества, пришедшего к революции. Писатель не хотел, не мог даже в мелочах грешить против исторической истины. Этим и объясняется тщательная, придирчиво-кропотливая работа, особенно над последними страницами романа.

Много и напряженно трудился Шолохов в начале 1939 года. В это время в Вешенскую приходили тысячи писем от читателей. Одни хотели, чтобы Григорий преодолел свои ошибки, вырос до коммуниста; другие считали, что этот путь для него невозможен, так как за его плечами слишком тяжелая вина, связанная с вооруженной борьбой против Советской власти; третьи предлагали завершить книгу так: Григорий ведет в атаку эскадрон буденновцев и героически погибает. Читатели просили Шолохова «закрепить окончательный переход Григория в Красную Армию и показать его работу в условиях мирного времени». «А в последние годы, — рассказывал писатель, — многим почему-то показалось, что Григорий

будет убит. И вот посыпались письма с категорическим требованием: «Оставьте в живых Григория Мелехова». Шолохов видел, что «всем хочется хорошего конца», но он не сбился на тот легкий путь, который ему предлагали. «Писатель, — утверждал Шолохов, — должен уметь говорить читателю даже горькую правду». Это заявление чрезвычайно важно: оно хорошо раскрывает замыслы писателя, стремившегося к жизненной правде, указывает на закономерность единственно верного финала, к которому писатель шел с самого начала работы над «Тихим Доном».

В те дни, когда в Вешенской на столе Шолохова лежала уже готовая рукопись восьмой части, в которой производились лишь отдельные поправки, «подчистки», состоялась его встреча с ростовским писателем А. Калининым. Когда Шолохова спросили о судьбе Григория Мелехова, он ответил, что конец будет пасмурным. «Помните, Тарас Бульба сказал Андрию: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Это было в конце декабря 1939 года, «Тихий Дон» был закончен.

Четвертая книга достойно завершила многолетний труд писателя над эпическим полотном о борьбе за победу революции на Дону, о путях народа к социализму.

Как и предполагал Шолохов, последняя часть «Тихого Дона» вызвала разноречивые толки и суждения среди тех, чьи ожидания были обмануты. С громадным интересом встретила окончание «Тихого Дона» советская и мировая общественность. «С радостью читаю 7-ю и 8-ю части (конец) «Тихого Дона», — писал 21 мая 1940 года Вячеслав Шишков. — М. Шолохов — бесспорный и самый большой писатель. Он знает самые затаенные движения человеческих душ и с большим мастерством, по-серьезному умеет показывать это... По моему мнению, «Тихий Дон» занимает в советской литературе первое место»¹.

Неоднократно отмечал правдивость, «чудовищную жизненную хватку», народность шолоховского повествования Фадеев, а Серафимович в эти дни так отозвался о Шолохове: «Он силен в первую голову как крупнейший художник-реалист, глубоко правдивый, смелый, не боя-

¹ «Звезда», 1946, № 4, стр. 159.

шийся самых острых ситуаций, неожиданных столкновений людей и событий». И, чуть помолчав, Серафимович, потрянув головой, повторил: «огромный, правдивый писатель. И... черт знает как талантлив...» Последние слова Серафимович произнес с каким-то даже изумлением»¹.

Коммунистическая партия и советский народ по достоинству оценили «Тихий Дон». 15 марта 1941 года это подлинно народное произведение постановлением СНК СССР было удостоено Сталинской премии первой степени.

2. Народ и революция

Передовая русская литература издавна была сильна своим демократизмом, изображением правды действительности. Ее лучшие представители всегда проявляли глубокий интерес к жизни народа, к его судьбам, шли по пути сближения литературы с народом. Стремясь к широкому показу исторических событий, делая народ главным героем произведения, А. Пушкин отразил в «Капитанской дочке» его участие в крестьянской войне под предводительством Пугачева; Н. Гоголь в «Тарасе Бульбе» и Л. Толстой в романе «Война и мир» показали патристическую борьбу народа за независимость своей родины. Эпическая линия в русской прозе как раз и шла от «Капитанской дочки» Пушкина, от «Тараса Бульбы» Гоголя к «Войне и миру» Л. Толстого.

М. И. Калинин, беседуя в 1934 году с молодыми литераторами, обратил их внимание на Шолохова, как на пример тесных связей советского писателя с классической литературой. Он видел в «Тихом Доне» образец талантливого использования мастерства великих русских художников-классиков.

Сам Шолохов неоднократно указывал на свою близость к ряду крупных писателей русской литературы: «На меня влияют все хорошие писатели, каждый по-своему хорош. Вот, например, Чехов. Казалось бы, что общего между мною и Чеховым. Однако и Чехов влияет. И вся беда моя и многих других в том, что еще влияют на нас мало...»².

Шолохов зрело осваивал художественный опыт прошлого, но его самобытный талант прокладывал и свои

¹ В статье: А. Калинин, Встречи. Сб. «Михаил Шолохов», Ростов-на-Дону, 1940, стр. 155.

² «Известия» от 31 декабря 1937 г., № 305, стр. 3.

пути. Поэтому произведения Шолохова — пример неразрывной связи социалистического новаторства и творческого овладения традициями русской классики.

Особый интерес еще в годы обучения в гимназии Шолохов проявил к историческим повестям Гоголя. Сначала литературной деятельности этот интерес углубился и со всей силой проявился в «Тихом Доне». Героико-эпический размах, драматизм повествования, характерные для исторических повестей Гоголя и особенно для «Тараса Бульбы», сочетаются в «Тихом Доне» с романтической приподнятостью, лирической взволнованностью. Органическое слияние историзма и лиризма повествования, передача народного духа событий в «Тихом Доне» — результат творческого осмысления традиций великой русской литературы, в частности гоголевских традиций.

Подобно авторам «Капитанской дочки» и «Тараса Бульбы», Шолохов ставит в центре произведений народ, но показывает его героическую борьбу за свободу в новых конкретно-исторических условиях социалистической революции и гражданской войны, когда народ выступил как сознательный творец истории. Эти конкретно-исторические условия определили и принципиальное своеобразие эпопеи социалистического реализма.

В повести «Казачи» Л. Толстой показал гребенское казачество времен Кавказской войны, когда оно еще не испытывало одурманивания со стороны царизма в такой мере, в какой испытало донское казачество к началу империалистической войны. Раскрывая нравственную красоту народа, его самобытный характер и трудовую деятельность, Л. Толстой, однако, не избежал идеализации казачества, которая была обусловлена стремлением противопоставить этой среде представителя столичной аристократии Оленина и показать превосходство народа, сохранившего активную жизнедеятельность, над дворянством с его душевной опустошенностью. Идейное содержание повести Толстого не определяется изображением жизни казачества, как у Шолохова в «Тихом Доне». Различный подход к изображению казачества у Толстого и Шолохова продиктован не только конкретно-историческими условиями, в которых находилось гребенское и донское казачество, — главное, конечно, в различии мировоззрения двух художников.

Если Толстой «велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России...»¹, если «Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина»², то советский писатель Шолохов выражает интересы революционного народа, с позиций социалистического идеала отображает его борьбу под руководством рабочего класса в эпоху пролетарских революций.

Усваивая сильные стороны творчества Толстого — «искренний протест против общественной лжи и фальши», «самый трезвый реализм», Шолохов учился прежде всего у гениального художника умению передать «диалектику души» человека.

Многогранность типизации характеров героев, художественная логика раскрытия «диалектики души», «внутренней речи» человека, изображение его в многообразных столкновениях, в сложных взаимосвязях с окружающим миром, многоплановый охват человеческих судеб и показ их в жизненных конфликтах и противоречиях — все это, безусловно, сближает авторов «Войны и мира» и «Тихого Дона». Отмечая жанровую емкость эпопеи Л. Толстого, прочность ее композиционного сплава, необходимого для перспективного изображения человеческих судеб и человеческих характеров, для охвата сложных жизненных конфликтов и противоречий, для показа жизненного процесса в его развернутых формах, как движения народных масс, Л. И. Тимофеев пишет: «Тихий Дон» также совмещает в себе особенности и семейно-бытового, и военно-исторического, и социально-политического, и психологического романа. М. Шолохов, как и Л. Толстой, раскрывает человеческие характеры через их отношение к важнейшим событиям в жизни народа. Отсюда и вытекает та внутренняя близость жанровой и композиционной структуры, которую мы ощущаем в «Войне и мире» и «Тихом Доне»³.

Шолохова и Чехова сближает подкупающая простота в изображении будничной жизни. Автор «Тихого Дона» учился у великого художника умению выразить красоту,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 302.

³ Л. И. Тимофеев, Проблемы теории литературы, Учпедгиз, М., 1955, стр. 182.

поэтичность степного пейзажа. За внешней скупостью, печальным однообразием степи оба писателя увидели и передали ее жизнь, ее поэзию, уловили степные ароматы, увидели своеобразные краски, услышали только ей присущие звуки. Лиричность шолоховского пейзажа, как и у Чехова, определяется стремлением выразить в широком, насыщенном жизнью поэтическом облике степи простор Родины, полной творческих сил и вдохновения.

Продолжая лучшие традиции русской литературы, автор «Тихого Дона» внимательно следил за развитием современной ему советской литературы, опирался на творческий опыт ее основоположника А. М. Горького, который оказывал громадное влияние на складывавшуюся молодую литературу социалистического реализма. В исторической эпопее «Жизнь Клима Самгина», над которой Горький работал в советское время, нарисована широкая панорама действительности предреволюционной поры, прослежено поступательное движение истории. Обнажая сущность самгинщины, индивидуализм, моральную опустошенность и бесславную гибель порывавшей с народом буржуазной интеллигенции, Горький утверждал вместе с тем закономерный переход народных масс, руководимых Коммунистической партией, к сознательному и активному участию в борьбе за свое освобождение. Выступая в станице Вешенской с речью о Горьком, Шолохов особенно подчеркивал горячую любовь пролетарского писателя к человеку-борцу за светлое будущее, его пламенную ненависть к эксплуататорам.

Горький учил советских писателей (и это было близко Шолохову) изображать человека в его борьбе за социализм, отражать в ярких художественных образах процесс формирования, роста социалистического сознания масс. «Героем наших дней, — утверждал Горький, — является человек из «массы»... На массу, на воспитание в ней таких героев и должно быть обращено главное внимание»¹.

Обратившись к показу широких народных масс и их путей в конкретно-исторических условиях социалистической революции, Шолохов вслед за Горьким рисует в «Тихом Доне» действительность в ее революционном

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 25, Гослитиздат, М., 1953, стр. 28.

развитии, показывает переломную революционную эпоху, эпоху пролетарских революций, строит произведение на глубоких социальных конфликтах, раскрывает характеры героев в связи с ходом исторических событий, определяющих их судьбы.

В советской литературе к этому времени были уже созданы значительные произведения о путях народа в новую, социалистическую эпоху. Советские писатели, пошедшие по пути Горького, овладевали методом социалистического реализма, утверждались на его позициях.

Бурный размах строительства социализма, последовавший вслед за окончанием гражданской войны, подсказывал писателям многообразие тематики, но их особенно привлекала задача показать процесс участия народов в революции и гражданской войне. В изображении героизма борющихся масс, роста их сознательности и организованности были достигнуты значительные успехи еще до выступления Шолохова с романом «Тихий Дон». К этому времени особенно выделились в нашей литературе романы «Чапаев» (1923) Фурманова, «Железный поток» (1924) Серафимовича, «Разгром» (1927) Фадеева. Если Фурманов акцентировал внимание на проблеме воспитания народа партией, то Серафимович стремился прежде всего показать, как вначале стихийная, очень плохо организованная крестьянская масса в процессе участия в революционной борьбе перерождается в сознательную боевую силу, сплоченную единой целью. Писатель подчеркивает, что рост революционной сознательности масс — результат их собственного опыта борьбы.

Роман Серафимовича, как и роман Фурманова «Чапаев», был близок Шолохову талантливим изображением путей широких народных масс к социализму, показом их духовного возрождения в процессе революционной борьбы, раскрытием влияния революционных событий на сознание различных социальных групп, прежде всего на сознание бедняцкой массы крестьянства.

Горький говорил, что гражданская война, «отрезвляя народ от различных иллюзий, создавала и создала в нем новую психику»¹. Опираясь на большой жизненный материал, Шолохов как раз и стремился передать в «Тихом

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 24, Госполитиздат, М., 1953, стр. 286,

Доне» на примере судеб донских казаков «те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции (VIII, 89). На богатом конкретно-историческом материале писатель развивал мысль о том, как события войны и революции споспособствовали росту сознания народа, вызывали огромные сдвиги в его психологии. Шолохов особенно пристально прослеживал в «Тихом Доне» сложность путей казачества в революционную эпоху и вместе с тем закономерность прихода его трудовой части к социализму.

Идейно-художественные замыслы писателя выражены уже в первом эпиграфе к роману:

Не сохами-то славная земляшка наша распахана...
Распахана наша земляшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земляшка казацкими головами,
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
материнскими слезами¹.

Отрицательные параллелизмы этой старинной казачьей песни обращают внимание на утверждающую часть параллели, эпитеты с суффиксами ласкательного значения «земляшка», «батюшка» передают любовь народа к своему краю, его жалобы на тяжелую казачью долю. Эпитет «тихий» имеет контрастный смысл в сравнении с бурными событиями, происходившими на Дону в революционную эпоху. Грустный строй песни напоминает плач народа о своей родине.

Содержание этой песни говорит о том, что не так уж вольно жилось на Дону, засеянном казачьими головами, на Дону, где горька жизнь вдов и сирот, где льются отцовские и материнские слезы. Такой эпиграф подчеркивает одну из основных мыслей всего произведения, настраивает на восприятие бурных дней на «тихом Дону», сообщает о том, что в центре повествования — напряженные события, определяющие судьбы народа в суровой борьбе, а не мирное описание быта и нравов тихого Дона.

На остроту классовой борьбы в годы, охваченные

¹ Песня представляет собой сокращенный вариант известной на Дону песни «Дон после войны». См. А. Пивоваров, Донские казачьи песни, Новочеркасск, 1885, стр. 108—109.

произведением, еще отчетливее указывает второй эпитаф:

Ой ты, наш батюшка тихий Дон!
Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?
Ах, как мне, тиху Дону, не мутну течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит¹.

Этот эпитаф — начало старинной казачьей песни семейного характера. Последняя часть ее передает разговор удалого молодца с красной девицей, остающейся верной милому дружку-мужу. Она не поддается уговорам казака-соблазнителя. Тогда тот рубит и бросает ее «буйную голову» «в Дон во быстру реку». Шолохов берет лишь ту часть песни, которая дает основу для социальных обобщений.

Образ взмутившейся реки в народной лирике — символ тревоги и волнений, вызванных большими событиями в личной и общественной жизни.

Мысль о создании романа, рисующего пути народа в революции, возникла у Шолохова еще в годы работы над донскими рассказами. «Хотелось написать о народе, среди которого я родился и который знал», — говорил Шолохов. Это стремление писателя было обусловлено, с одной стороны, размахом революционных событий, величию народной борьбы, самой действительностью, вызвавшей народ к активной жизни, с другой — тем интересом к народу, который был уже проявлен зачинателями советской литературы.

Метод социалистического реализма впервые ярко раскрылся в произведениях, рисующих борьбу народа на широком общественно-политическом фоне сложных революционных событий. Уже для первых романов социалистического реализма характерен углубленный историзм повествования. Но если в самых ранних произведениях советской литературы народ олицетворялся преимущественно в образе массы, взятой в целом, без четкой индивидуализации отдельных ее представителей («150 000 000» Маяковского, «Падение Даира» Малышкина и др.), то

¹ Ср. с песней, опубликованной в книге «Сборник донских народных песен», сост. А. Савельев, Спб., 1886, стр. 145—146. «По сообщению М. Шолохова, — пишет И. Кравченко, — он пользовался сборником Савельева» («Литературный критик», 1940, № 5—6, стр. 214).

в «Чапаеве» Фурманова, «Разгроме» Фадеева судьбы народа раскрываются не только через групповой портрет, не только в массовых сценах, а прежде всего в индивидуальных характерах рядовых представителей, совокупность которых и составляет образ народа в произведении. Рисуя типические характеры представителей народных масс, писатели стремились глубже передать внутренний мир каждого, его мысли, чувства, поступки в процессе участия в борьбе, изменения в его психологии, сознании.

Раскрытие психологии народа на ряде типичных его представителей было тесно связано с историческими событиями, и всякие изменения в психологии являлись их результатом.

Судьбы отдельных героев раскрывались в зависимости от их отношения к народу, от их поведения в революционную эпоху.

Если А. Н. Толстой, создавая роман «Сестры» (1922), вошедший затем в трилогию «Хождение по мукам», обратился главным образом к показу семейно-бытовых отношений, к изображению честной, но далекой от народа интеллигенции, то уже вторая часть трилогии — роман «Восемнадцатый год», который появился в печати в 1927 году, как раз во время широко развернувшейся работы Шолохова над «Тихим Доном», — посвящена изображению судеб Родины и народа. Толстой расширяет рамки повествования, рисует картины героической борьбы народных масс в годы гражданской войны, связывает пути своих героев-интеллигентов с большими историческими событиями, с движением народных масс в революции.

Принося в литературу свой опыт жизни, свою индивидуальность, Шолохов обогащал традиции предшественников раскрытием психологии трудящегося народа, участия и роста народных масс в революции.

В «Тихом Доне» запечатлены большие исторические события, нарисована широкая картина империалистической войны, Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны. Изображение народной массы, ее жизни и действий на фоне больших общественных событий и в связи с ними определяет эпичность «Тихого Дона».

Образ Григория Мелехова не исчерпывает основной идеи всего произведения. Судьба Григория подчинена эпической теме судеб народа — главного героя романа.

«Тихий Дон» — это эпическое повествование об исторических судьбах донского казачества, о его путях в революции, о сложной, ожесточенной классовой борьбе в его среде.

Специфика классовой борьбы, отраженной в романе, обусловлена тем, что процесс участия народных масс в революции раскрыт на примере донского казачества.

Пути народа в революции, закономерность прихода казачества к социализму — такова главная мысль этой народной эпопеи. Картины жизни и быта казачества — предпосылка к показу сложности его путей в годы революции. А. С. Серафимович, хорошо знавший донское казачество, писал, что казаки — это мужики-хлеборобы, «в мундире, с мужицким нутром, однобоко и уродливо искривленным царско-помещичьим строем»¹.

Донское казачество исторически сложилось в первой половине XVI века и продолжало расти в связи с усиленным притоком на Дон русских крестьян и служилых людей, бежавших от невыносимого гнета помещиков-крепостников. По берегам живописного Дона возникали казачьи «городки», жители которых занимались рыболовством, а затем и земледелием. Кроме того, казаки объединялись в конные и пешие отряды, избирали атаманов и есаулов и под их водительством защищали южные границы своей отчины от многочисленных захватчиков.

Несмотря на внешний «демократизм» в организации отрядов, донское казачество было не однородным социально. В низовьях Дона осели зажиточные, так называемые «домовитые» казаки, захватившие лучшие земли и пастбища, в «верховых» городках — «голутвенное», бедняцкое население. Численность его продолжала расти за счет беглого крестьянства, которое приходило на Дон без каких-либо средств к существованию и, освобождаясь от эксплуатации князей и бояр, попадало в кабальную зависимость к богатым домовитым казакам. Голод и нужда не покидали беглых крестьян и с приходом в так называемую «казачью вольницу». Рушились их надежды получить свободу и лучшую жизнь на Дону. Недовольство росло, накапливалось и выливалось в сти-

¹ А. С. Серафимович, Собрание сочинений, т. X, Гослитиздат, М., 1948. стр. 361

хийные выступления. Дон становился центром крестьянских восстаний. В XVII—XVIII веках казаки принимали активное участие в выступлениях Василия Уса, Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева.

В XVIII веке классовые противоречия на Дону еще более обостряются, углубляется социальная рознь между домовитым казачеством и казачьей голытьбой. Царское правительство, будучи не в силах регулировать процесс классового расслоения на Дону, решило при содействии зажиточных казаков всякими подачками подкупить донское население. Была введена обязательная воинская служба за землю. Обособляя казачество, царское правительство в течение трехсот лет воспитывало в нем «верность престолу», слепую преданность «царю и отечеству», старательно внушало мысль о том, что казачество — «высшая народность». Принимались все меры к разжиганию сословной вражды между казачьим населением и так называемыми «иногородними», поощрялся культ сословной чести, культ командира и т. п. Различного рода обряды, поверья, предрассудки держали казачество в беспросветной темноте, отвлекали от классовой борьбы в стране, притупляли его протест.

Своеобразие жизни и быта казаков, особые экономические условия, сложившиеся в результате привилегий в земельном вопросе, формирование специальных казачьих частей, находившихся на особом положении, — все это наложило отпечаток на сознание значительной части казачества, которое кичилось своим преимуществом перед крестьянами центральной России и оставалось долгое время вдалеке от революционных идей, волновавших русский народ.

«Что касается до казачества, — писал В. И. Ленин в 1917 году, — то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта»¹. В. И. Ленин говорил об Области Войска Донского, как об «оторванном от общерусской демократии казачьем крае!»².

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 15.

² Там же.

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин вскрыл контрреволюционную роль самоуправляющейся общины в царской России, показал реакционную сущность муниципализации в казачьих областях, которая «означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д.»¹ и обессиливает общедемократическое движение.

Ленин указывал на усиление классового расслоения в среде казачества в связи с развитием капитализма в России, на то, что и здесь обостряется классовая борьба.

В годы первой русской революции социал-демократические организации на Дону укрепляются. Их представители проникают в станицы и казачьи хутора, распространяют большевистские листовки, проводят революционную агитацию, способствуя росту революционного сознания казачества. События первой русской революции поколебали приверженность казачества царизму, целыми полками казаки отказывались усмирять восставших рабочих и крестьян. «...повторные мобилизации самых «надежных» войск, казачьих, — писал В. И. Ленин в 1906 году, — привели к сильному росту брожения в разоренных казачьих станицах, усилили «ненадежность» этого войска»².

Коммунистическая партия, проводя большую работу среди казачества, помогала ему «разорвать рамки своей областной отчужденности», стремилась вырвать эту централизованную силу из рук царизма, который направлял ее на борьбу с революцией.

С большой художественной силой и жизненной правдой передает Шолохов остроту классовой борьбы в революционную эпоху, коренную ломку жизненных условий народа, пути казачества в революции как необычайно сложный социальный процесс.

Широкий замысел изображения трудового народа в революционную эпоху не укладывался в обычные жанровые формы. Отказавшись от стеснявших этот замысел сюжетных и композиционных рамок романа, писатель

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 307.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, стр. 160.

обратился к многообразной форме эпического повествования.

Одним из организующих начал во всяком произведении Горький считал сюжет, который выражает «связи, противоречия, симпатии, антипатии и вообще взаимоотношения людей — истории роста и организации того или иного характера, типа».

В первых же главах «Тихого Дона» Шолохов знакомит с историей семьи Мелеховых и, завязывая повествование, разворачивает первую сюжетную линию — любовь Григория к Аксинье и женитьбу его на Наталье. Сталкивая героев с различными слоями казачьего хутора Татарского, писатель выходит за рамки взаимоотношений этих героев и намечает другую, тесно связанную с первой сюжетную линию, включающую в себя широкую картину классового расслоения казачества и путей различных его социальных групп в годы революции. Эти две сюжетные линии тесно связаны с судьбой Григория Мелехова, но Шолохов не ограничивает повествование интересом к судьбе отдельной личности. В центре его внимания — личность, включенная в определенную социальную среду, данная в типических обстоятельствах. Постепенное расширение сюжетных рамок произведения позволяло шире охватить различные классы, полнее отразить социально-политические и исторические события эпохи. Открывая роман родословной мелеховской семьи, Шолохов развивает действие замедленно, тщательно выписывая малейшие детали быта изображаемой среды.

Развитие сюжета определяется не только прослеживанием путей и связей героев, а и расширением места действия, введением в повествование новых персонажей. В двух частях первой книги действие почти не выходит за пределы Татарского и Ягодного, в третьей же части широко описывается империалистическая война, операции на различных участках фронта, мирные и военные события этих лет.

От изображения семейно-бытовых отношений Шолохов переходит к большим общественным событиям. Сужая время действия (в первой книге события охватывают два с половиной года — с лета 1912 года по ноябрь 1914 года), описывая во второй книге напряженное время с октября 1916 года по май 1918 года, Шолохов рисует широкую картину народного недовольства империа-

листической войной. Писатель смело переносит повествование с одного участка фронта на другой, из Могилева, где находилась ставка, в столицу, из Быхова в Ростов и Новочеркасск, показывает движение войск на Петроград. разгром корниловщины, события Великой Октябрьской социалистической революции, начало гражданской войны.

С этими историческими событиями тесно связаны судьбы героев романа. Шолохов часто использует исторические документы, дает общую характеристику исторических событий. Историзм повествования усиливается, роман обильно насыщается массовыми сценами.

В третьей книге ожесточенная борьба народа (с весны 1918 года по май 1919 года) с белогвардейской контрреволюцией достигает предельного напряжения. После своей кульминации действие постепенно приближается к развязке уже в четвертой книге, доводящей события до 1922 года, до полной победы Советской власти на Дону. В основе такого эпического сюжета — глубокий социальный конфликт, раскрывающий ожесточенность классово-борьбы двух миров, непримиримость социальных противоречий, неизбежность острых столкновений. Раскрытие в «Тихом Доне» исторической обреченности старого мира тесно связано с эпической картиной народного движения в революции, с показом глубоких социальных сдвигов в психологии народа, с изображением исторического процесса рождения новой жизни.

Движение жизни на почти десятилетнем отрезке, изображение больших событий, создание системы человеческих характеров и раскрытие их взаимоотношений в типических обстоятельствах — все это определило эпичность композиции «Тихого Дона». Шолохов указывает на то, что ему приходилось перемежать огромное количество событий, фактов, людей. Нарастание темпа действия, становящегося более стремительным, прерывистым в связи с необходимостью широкого охвата действительности, обусловило двуплановость композиции. Писатель чередует картины семейно-бытовой жизни хутора Татарского с главами, раскрывающими ход общественно-политических событий в стране. Изображение мирной жизни перемежается с показом военных действий. Такая композиция позволила писателю охватить и военно-исторические, и общественно-бытовые события эпохи.

Расширение круга действующих лиц, столкновение различных по своему социальному положению характеров, переплетение их судеб и путей в связи с движением самой эпохи обуславливало композиционное чередование глав, посвященных изображению героев, оказавшихся в противоположных непримиримых лагерях. Острая классовая борьба между лагерем революции и лагерем контрреволюции раскрывается путем перекрестного изображения событий и людей, а промежуточное положение Григория оттеняется контрастным противопоставлением судеб героев противоположных лагерей.

Этими общими принципами определяются и частные композиционные приемы.

Рисуя жизнь и быт казачества, его традиции, нравы и обычаи, прослеживая связи мелеховской семьи с хутором, Шолохов делает акцент на различном социальном положении казачьих семей: с одной стороны, злые враги народа — кулаки Коршуновы, помещики Листницкие, купцы Моховы и составляющие с ними единый лагерь духовенство, опустошенная хуторская «интеллигенция», белогвардейские генералы и казачьи офицеры, с другой — батрак Кошевой, рабочие Котляров, Валет, Давыдка, представители революционного казачества Подтелков, Кривошлыков, коммунисты-рабочие Штокман, Бунчук, Анна Погудко вместе с «иногородними» крестьянами-бедняками, городскими пролетариями и беднейшим казачеством.

Напряженной драматической борьбе этих двух лагерей предшествует яркая картина классового расслоения на Дону, показ социальной дифференциации народа. Шолохов прежде всего выясняет отношение казаков и бедняков к труду, подчеркивает, что это простые крестьяне-хлебоборобы. В труде находит радость батрак Кошевой, любовь к труду органически присуща казакам среднего достатка, надрывающим свои силы, чтобы прокормить семью и снарядить в армию служилых.

Обстановкой неустанной трудовой жизни окружает писатель и мелеховскую семью. В трудолюбии нельзя отказать Пантелею Прокофьевичу, тоскует оторванный от крестьянской работы Григорий. С любовью рисует писатель характеры женщин-тружениц Ильиничны и Натальи, прекрасные человеческие качества которых — результат их трудового воспитания.

Труд — основа существования простых казаков. Шолохов детально описывает трудовые процессы, массовые сцены покоса, пахоты, уборки хлеба, молотьбы. От этих ежедневных занятий отрывала только служба, тяжелым бременем ложившаяся на плечи беднейшего казачества.

Опираясь на устное народное творчество, Шолохов рисует жизнь казачества, его быт и нравы. Правдивость бытописания тесно связана с передачей тех конкретных жизненных условий, в которых раскрываются типические характеры. Писатель воссоздает не только обстановку труда казаков-хлеборобов, он описывает казачьи праздники, похоронные обряды, свадебные пиры, посиделки, донскую одежду, пляски, включает в повествование юмористические сказы Христови и Авдеича Бреха, шуточные песни и песни-частушки, безобидные шутки и рифмованные присказки, колыбельные песни и детские веснянки.

Главное внимание Шолохов обращает на изображение беспросветной темноты, в которой держали казачество религиозные обряды и суеверия. В слепой вере Аксиньи в силу заговора от присухи и старательном переписывании казаками молитв от ружья, от боя, при набеге, в деспотизме по отношению к женщине и в побоище с иногородними на мельнице, в пьяном разгуле, торгашестве свадебного обряда и в некоторых других бытовых сценах передается дикость, косность, темнота сознания казаков, одурманенных верой и традицией обычая.

Описывая свадебный обед у Коршуновых, «чавкающих, хлюпающих, жрущих людей», Шолохов подчеркивает невежество, грубость нравов, уродливые явления быта казачества, упивающегося своим благополучием и животным довольством. Не случайно Григорий не выдерживает устоявшихся традиций: «удрученный свадебными обрядами,— в холодной отчаянной злобе шептал про себя ругательства». Нескрываемой иронией, гневным укором пронизывает Шолохов и сцены послевенечной «гульбы»: «Красные лица. Мутные во хмелю, похабные взгляды и улыбки» (II, 107).

Сгущение красок в описании застойности собственного мира необходимо было для того, чтобы передать трудности утверждения нового и вместе с тем его силу. Казалось бы, нерушимы, прочны домостроевские устои, традиции, но и они дают сильные трещины; единство

патриархальной, обособленной, замкнутой среды рушится. Шолохов показывает пробуждение сознания казаков под влиянием агитации большевиков, рост в среде лучших представителей казачества революционных настроений еще в годы, предшествовавшие первой империалистической войне. Революционные события открывали беднейшему казачеству глаза на его бесправное нищенское положение, помогали осознать свое место в острой социальной борьбе.

Станичная беднота, рабочие мельницы Христоня, Валет, Давыдка, Котляров, Михаил Кошевой объединяются вокруг рабочего-коммуниста Штокмана, который, вернувшись из ссылки, по заданию партии приехал на хутор и осторожно, но настойчиво повел разъяснительную работу среди казаков, тех, «кто должен был рушить старое» Во время варварского избиения иногородцев-украинцев Штокман стремится разбить ложное представление казаков о себе как «особой нации», в другой раз он предлагает прочесть «Краткую историю донского казачества», в которой «доступно и зло безвестный автор высмеивал скудную казачью жизнь, издевался над порядками и управлением, над царской властью и над самим казачеством, нанявшимся к монархам в опричники» (II, 161). Штокман подтачивал «нехитрые понятия и навыки, внушал к существующему строю отвращение и ненависть» (II, 164).

Вскоре грянула империалистическая война. Она внесла изменения не только в устоявшийся жизненный уклад казачества, а прежде всего в его сознание. Война разрушает мирные настроения Прохора Зыкова, нравственно надламывает Григория, калечит Астахова, Щеголькова, Иванкова и других казаков. Раскрыв грязную историю фабрикования славы защитнику монархических интересов Крючкову, нарисовав Алексея Урюпина как темную силу в руках самодержавия и шовиниста Евгения Листницкого, передав разложение в офицерской среде (Чубов, Калмыков и другие), Шолохов с глубокой симпатией относится к простым казакам, в сознании которых усиливался протест против войны и царизма. Встречая повсюду озлобленные взгляды, монархист Листницкий начинает понимать, что казаки в любое время могут повернуть оружие. Большевистские идеи находят живой отклик среди казаков.

Проследившая рост смертельной усталости народа от навязанной и чуждой ему войны, нарастание угрюмой неприязни, ненависти казаков к выхоленному офицерству. Шолохов всё чаще наряду с песнями, выражающими тоску казаков по родному краю, вводит в повествование песни с социальным содержанием. Смелая саркастическая песня «Царю верой, правдой служим...» проникнута злой иронией, ненавистью народа к царю. Протест казаков против царской эксплуатации, осознание того, что Пугачев защищал интересы голи казачьей хорошо передается использованная Шолоховым песня «Эх вы, горьки хлопоты»:

Эх вы, горьки хлопоты,
Тесны царски хомуты!
Казаченькам выи трут —
Ни вздохнуть, ни воздохнуть.
Пугачев по Дону кличет,
По низовьям голи зычет:
Атаманы, казаки!..

Большие социальные события Шолохов связывает с жизнью хутора Татарского. И здесь он подмечает перемены, видит обострение классовой борьбы, размежевание хутора на два лагеря. Февральская революция, свержение самодержавия посеяли тревогу в кругах казачества. «Казаки отнеслись к известию о перевороте со сдержанной тревогой и выжиданием» (III, 77). Старики стояли за царя, не хотели равняться «с мужиками», боялись потерять надёлы земли и другие привилегии, их пугали понятия «свободы» и «равенства».

Глухое раздражение обнищавшего, разоренного войной трудового казачества постепенно перерастает в протест против всего существующего строя. Однако контрреволюция стремилась замутить сознание казаков, заглушить недовольство, оградить казачьи части и станицы от проникновения революционных настроений и снова использовать их для подавления революции.

На примере типичного представителя «скопища сытых и довольных», монархически настроенного офицера Листницкого, который готов «не колеблясь» отдать жизнь за старое, Шолохов показывает, как казачья контрреволюция пыталась «сродниться с казаком», «отвоевать его у комитетов, тяготеющих к большевикам», «вырвать умы казаков из разлагающей атмосферы политики». Контрреволюция разжигала у казаков сословные чувства, и

это, несомненно, усложняло их путь в революции. Несмотря на это, казачество все решительнее отказывается поддерживать контрреволюцию. Оживляется деятельность комитетов в казачьих частях, отказавшихся поддержать выступление Корнилова, растет авторитет коммунистов. Букановский казак Лагутин прямо заявляет, что беднейшему казачеству с большевиками делить нечего, что большевики открывают народу глаза на правду и защищают его интересы. Он знает, что сама жизнь толкает народ на сторону большевиков и революции. «Большевики — они верно нацеливаются...» — убежденно говорит Лагутин.

Снятые с фронта и направленные на подавление революции, казаки стремятся разобраться в происходящих событиях. Они начинают понимать, что с Корниловым им «не одну стезю топтать, чутье подсказывало, что и Керенского защищать не с руки». Казак Котляров, из которого большевик «вышел надежный, с прочной к старому ненавистью», твердо решает «не допустить сотню до Петрограда», склоняет казаков к своему решению, и те переходят на его сторону.

Известно, что, когда Корнилов поднял мятеж, народные массы по призыву большевиков взялись за оружие. В корниловские части, наступавшие на Петроград, были посланы делегаты, которые разъясняли смысл корниловского выступления. Приобщая героев «Тихого Дона» к этим событиям, Шолохов особенно подробно останавливается на деятельности Бунчука, одного из тех агитаторов, которые были посланы петроградскими рабочими и солдатами в корниловские полки. Бунчук хорошо знает людей, среди которых сеет семена большевистской правды, понимает, что для работы среди казаков нужен свой язык, «какая-то большая сила убеждения, — чтобы не только опалить, но и зажечь, чтобы уничтожить напластованный веками страх послушания, раздавить косность, внушить чувство своей правоты и повести за собой» (III, 160). Бунчук разоблачает контрреволюционную сущность корниловщины, говорит казакам о том, что их «ведут на братоубийственную войну, на разгром революции» (III, 167), открывает казакам глаза на смысл происходящих событий. «Мы тут в потемках блукаем», — говорят они и интересуются тем, какая будет власть при большевиках, как решится земельный вопрос, прикончат

ли войну. Писатель раскрывает настроения народа, его симпатии. Казак Чикамасов спрашивает Бунчука:

«— Илья Митрич, а из каких народов Ленин будет? Словом, где он родился и произрастал?

— Ленин-то? Русский.

— Нет, браток! Ты, видать, плохо о нем знаешь, — с оттенком собственного превосходства пробасил Чикамасов. — Знаешь, каких он кровей? — наших. Сам он из донских казаков, родом из Сальского округа, станицы Великокняжеской, — понял? Служил батареем, гутарют. И личность у него подходящая, — как у низовских казаков: скуля здоровые и опять же глаза.

— Нет, Чикамасов! Он — русский, Симбирской губернии рожак.

— Нет, не поверю. А очень даже просто не поверю! Пугач из казаков? А Степан Разин? А Ермак Тимофеевич? То-то и оно! Все, какие беднеющий народ на царей подымали, — все из казаков. А ты вот говоришь — Симбирской губернии. Даже обидно, Митрич, слушать такое...» (III, 161, 162). Рождением подобного сказа в народе, стремящемся поставить вождя ближе к своей среде, Шолохов передает громадную любовь трудящихся к великому Ленину. Характерно, казак Чикамасов не хочет верить, что Ленин не из казаков. Он вспоминает о Разине, Пугачеве и убежден в том, что «все, какие беднеющий народ на царей подымали, — все из казаков». Чикамасов говорит о Ленине с радостью, вдумчиво, восхищается его умом, уверен в победе его дела. Содержание этого сказа играет большую роль в раскрытии изменений, происходящих в казачестве под влиянием революционных событий. В нем подчеркивается единство беднейшего казачества и русского революционного народа, выражается глубокая любовь казаков к вождю пролетариата, осознание того, что он и его партия защищают интересы и беднейшего казачества. Не случайно братский привет, который питерские рабочие послали с Бунчуком казакам, принимается с радостью. «Земно вам кланяемся и просим передать питерским рабочим и солдатам, что на них мы руку не подыдем!» — под одобрение казаков отвечает на митинге член полкового ревкома.

Революционная часть казачества не хочет «подчиняться изменнику революции генералу Корнилову», понимает «гибельность войны с народом». Шолохов не только

вскрывает антинародность, беспочвенность корниловского мятежа против революции, не только показывает отсутствие опоры у его главарей даже в среде казачества, на которое они надеялись. Писатель прежде всего обращает внимание на рост революционного сознания казаков, подготавливает читателя к тем бурным событиям классовой борьбы, которые развернулись на Дону во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

Шолохов последовательно описывает важные этапы революционной борьбы на Дону: бои отрядов Красной гвардии за Ростов, многолюдный съезд фронтового казачества в станице Каменской и переход власти в руки Военно-революционного комитета, показывает, как ширилась борьба трудовых масс Дона с каледищиной и корниловщиной. Прибывший из Петрограда Бунчук участвует в организации отрядов Красной гвардии, которая создавалась из плохо обученных военному делу железнодорожников, слесарей, типографских рабочих, ростовских металлистов. Рассказывая о широком участии народа в революционных событиях, писатель вводит в повествование все новые и новые образы представителей народа. В боях за Ростов сражаются Погудко, Боговой, Геворьянц, Михалидзе, Хвылычко, Ребиндер, Крутогоров и другие. Сотни казаков идут за Подтелковым и Кривошлыковым. С отрядами Щаденко и Романовского движется даже мирное население.

В годы гражданской войны особенно явственно обнаруживаются колоссальные сдвиги в быту, жизни, психологии, сознании народа. Однако писатель не склонен упрощать процесс участия казачества в революции. С большим драматическим напряжением раскрывает Шолохов сложность его путей и видит ее причину в особых экономических условиях жизни и быта, в социальной неоднородности казачества.

В ходе острой классовой борьбы рушатся косные казачьи традиции, изменяется веками устоявшийся уклад.

Одновременно с этим Шолохов показывает существенные сдвиги в сознании и психологии беднейшего казачества. Для ярких картин движения народа в революции, проследив судьбы отдельных его представителей, Шолохов особенно подчеркнул тот факт, что значитель-

ные перемены, происшедшие в казачестве за время двух войн и революции, обусловлены непосредственным его участием в борьбе, в процессе которой рушилась сооруженная царизмом стена, многие годы отделявшая трудовое казачество от русского народа. Эту мысль писатель раскрывает на протяжении всего романа и усиливает показом размаха ожесточенных сражений двух миров. Жестоко обманутые контрреволюцией, ослепленные сословными предрассудками, казаки поднимают восстание против Советской власти, еще не понимая того, что рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, отстаивают интересы простого народа, проливают кровь ради его светлого будущего. Но, как и Григорий Мелехов, казаки начинают испытывать «острое чувство огромного ненасытного любопытства к красноармейцам». Однажды, вступив в бой с частями Красной Армии, они были изумлены тем, что «впереди первой цепи на высокой белой лошади ехал всадник, — видимо, командир. И перед второй цепью порознь шли двое. И третью повел командир, а рядом с ним заколыхалось знамя. Полотнище алено на грязно-желтом фоне жнивья крохотной кровавистой каплей.

— У них комиссары попереди! — крикнул один из казаков.

...В это время со стороны красных ветерок на гребне своем принес невнятные звуки пения...

Цепи шли, туго извиваясь, неровно, качко. Тусклые, затерянные в знойном просторе, наплывали оттуда людские голоса.

Григорий почувал, как, сорвавшись, резко, с перебоем стукнуло его сердце... Он слышал и раньше этот стонущий напев, слышал, как пели его мокроусовские матросы в Глубокой, молитвенно сняв бескозырки, возбужденно блестя глазами. В нем вдруг выросло смутное, равно сильное страху беспокойство» (IV, 79—80).

Такое чувство неправоты своего дела, тягу к революционному народу испытывает не только Григорий, а другие восставшие казаки «Рыскавшие по стенам карательные отряды не в силах были сдержать волну массового дезертирства», казаки самовольно покидали части «оказывали прямое неповиновение офицерам», убивали их. Восставшие под лозунгом казачьей «самостоятельности» казаки соединяются с Донской белогвардейской армией

и вновь испытывают на себе высокомерно-враждебное отношение офицеров, начинают проникаться непримиримой злобой к чуждому им белогвардейскому миру.

Шолохов все чаще останавливает внимание на массовых сценах, передавая в них настроения народа: «Казачи подавленно молчали, потом загомонили все сразу, разногласие и глухо:

— Опять старинка зачинается?

— Куда же нас теперича?

— Силуют народ, как хотят, сволочи!

— Не желаем расформировываться! Что это за новые порядки?!

— Ну, ребята, объединились на свою шею!..

— Сызнова их благородия заламывать нас зачинают!» (V, 148—149).

Шолохов не случайно дает диалог без указания, кому принадлежат отдельные реплики. Этим писатель передает настроение всей массы в целом. Кроме того, Шолохов прибегает к внешней, портретной зарисовке больших групп людей, подчиняет и другие художественные средства созданию эпического повествования о путях народа в революции.

Большое значение в раскрытии образа народа приобретают историко-хроникальные главы, посредством которых писатель связывает повествование о судьбах народа с большими общественно-политическими событиями, происходящими в стране.

Казачье население все чаще высказывает сочувствие к красноармейцам. «Величественная дородная старуха» спасает одного из них от расстрела, всей душой желает мира и труда Прохор Зыков, рассказывающий о красных с большим любопытством. Существенные перемены наблюдаются и в отношении Ильиничны к красным. Она чутко оценивает доброе отношение к простым людям «рыжебрового» красноармейца, ласковое обращение с Мишаткой другого воина Красной Армии. Возмущенная бандитскими поступками Митьки Коршунова, Ильинична говорит Наталье: «Этак и нас с тобой и Мишатку с Полюшкой за Гришу красные могли бы порубить, а ить не порубили же, поимели милость?» (V, 110).

Намечается перелом даже в сознании глубоко зараженного сословной спесью Пантелея Прокофьевича. Он старается увильнуть от участия в борьбе на стороне

белых, чувствуя неизбежность их поражения, не раз убегает с фронта. С большим тактом и тонким юмором раскрывает Шолохов былую страсть Пантелея Прокофьевича к накопительству («Как видно, только теперь старик осознал всю тщетность своих усилий наладить жизнь постарому...») «Мысленно он махнул на все рукой — будь что будет!»). Лишившись прежнего рвения в работе, старик стал раздражительнее, в минуты вспышек разбил в щепки ярмо, разрубил хомут, перебил колом хребет трехмесячному поросенку («Он и поросенок был так, одно горе... Один черт, он бы издох», — утешил себя Пантелей Прокофьевич»).

С большой любовью выписывает Шолохов характеры представителей простого народа. Галерея сменяющих друг друга эпизодических персонажей, благодаря четкой индивидуализации и типизации их характеров, создает целостный образ народа в «Тихом Доне». Включая самые разнообразные характеры в конкретно-исторические условия действительности, писатель выражает в них социальную сущность различных народных слоев.

Шолохов поэтизирует героичность революционного народа, его высокий моральный облик, духовное величие, уверенность в торжестве того дела, за которое он воюет. Эти качества народа писатель со всей силой раскрывает в эпических картинах героических сражений красногвардейцев с контрреволюцией.

Расширение размаха повествования сопровождалось углублением его лиризма.

Органически включены в повествование авторские отступления, выражающие близость писателя к народу, глубокую заинтересованность в его лучшем будущем, любовь к своей великой Родине. Грустным песенным строем, тоскующей лирической интонацией, переходящей в скорбный плач, исполнено лирическое отступление о Донщине, о гибели лучших ее сыновей в годы империалистической войны. Вслед за этим отступлением Шолохов дает пейзажную зарисовку, утверждающую неистребимость жизни на земле: природа «горюнилась» и вместе с тем «радовала живучестью своей». С ярким описанием донской степи Шолохов сливает одно из самых эмоциональных отступлений: «Степь родимая!.. Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачья, не ржавеющей кровью политая степь!»

С ростом мастерства художника функции пейзажа расширяются, углубляется их связь с настроением героев, усиливается эмоциональная окраска.

Проявляя необычайный интерес к народной песне, Шолохов показывает неотделимость творчества народа от его жизни. Овеянные грустью казачьи песни указывают на то, что потомки некогда вольных казаков начинают понимать свои заблуждения, осознавать бесславность борьбы против своего же народа.

Отступающий на юг вместе с белогвардейцами Григорий Мелехов слышит, как поют казаки старинную казачью песню «Ой, как на речке было, братцы, на Камышинке...». Шолохов не только приводит текст этой песни, но и подробно его комментирует: «Над черной степью жила и властвовала одна старая, пережившая века песня. Она бесхитростными, простыми словами рассказывала о вольных казачьих предках, некогда бесстрашно громивших царские рати; ходивших по Дону и Волге на легких воровских стругах; грабивших орленые царские корабли; «щупавших» купцов, бояр и воевод; покорявших далекую Сибирь... И в угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие, разбитые в бесславной войне против русского народа...» (V, 279).

«Война подходила к концу. Развязка наступала стремительно и неотвратимо», — пишет Шолохов, показывая бесславную гибель белогвардейских полчищ. Раздавленная народом контрреволюция докатилась до моря и спешно покидала Новороссийский порт. «На рейде дымили английские и французские миноносцы; серой грозной машиной высился над водой дредноут. Над ним стлалось черное облако дыма. Зловещая тишина стояла на пристанях. Там, где недавно покачивался у причала последний транспорт, плавали в воде офицерские седла, чемоданы, одеяла, шубы, обитые красным плюшем стулья, еще какая-то рухлядь, сброшенная второпях со сходен...» (V, 293—294). А по улицам города уже мчались всадники с кумачовыми бантами на груди.

После разгрома контрреволюции трудовое казачество еще острее осознает свои заблуждения и, убеждаясь, что единственный путь к свободе — в союзе с рабочим классом, признает правду нового, социалистического мира, переходит к мирной жизни. С мягкой иронией выписывает

Шолохов образ старика-портного, который отступал с белыми на юг. Он «приморился бегать» и просит Аксинью передать старухе, что «сиз голубок ее жив и здоров», что «старый дурак, мол, кончил отступать и наступает обратно к дому, не чает, когда до печи доберется». В хутор Татарский заявился раненый Прохор, пришел с фронта Кошевой и повел борьбу за укрепление Советской власти.

Однако классовая борьба не утихла. Зажиточная часть казачества, бывшие белогвардейцы пытались использовать тяжелое хозяйственное положение в стране. В ответ на воздание продовольственных отрядов контрреволюционные элементы начали организовывать вооруженные банды. Один из таких бандитов — Фомин стремится «расшевелить» казаков, поднять их против Советской власти. Но трудящийся народ Дона отказывается поддерживать это последнее выступление контрреволюции, обрекает банду на бесславную гибель.

Угрюмыми, ненавидящими взглядами встречает народ тех, кто идет против Советской власти. Фомин все больше убеждался, что «основная масса казачьего населения относится к нему отрицательно». Устами казачки-вдовы Шолохов заявляет, что казаки теперь знают, «как жить и какую власть принимать, а какую не надо». Казачка с презрительной усмешкой говорит Фомину: «Ты чего смутьянничаешь тут? Ты куда наших казаков хочешь пихнуть, в какую яму?.. Новую беду на наши головы кличешь? И что это за царь-освободитель такой объявился с хутора Рубежного?» «Нынче на коне верхом, а завтра в грязи Пахом» — вот кто ты такой, и власть твоя такая же!» (V, 425). «Погибели на вас, проклятых, нету», — говорит другая казачка о бандитах, мешающих мирно жить и работать. Еще более резкую оценку фоминцам дает красноармеец-продотрядник: «Оказывается, вот вы кто... А я-то думал, что это за люди?.. По-вашему, значит, борцы за народ? Та-а-ак. А по-нашему, просто бандиты» (V, 416).

Остатки разбитой народом банды скрываются, словно звери, на одном из островов Дона. Григорий сравнивает бандитов с волками, отрезанными на острове половольтем. Рисуя разлив Дона, весеннее цветение жизни, Шолохов еще сильнее оттеняет обреченность банды. «Омывая остров, стремительно шла на юг полая вода. Она

грозно шумела, прорываясь сквозь гряду вставших на пути ее старых тополей» (V, 440). Писатель неоднократно напоминает о «разноголосом шуме воды», о «клокочущей быстрине у берега, о «ровном и мощном гуле воды». Образ половодья в конце романа приобретает символическое звучание, помогает ярче выразить, подобно описанию «железного потока» А. Серафимовичем, народное движение к новой жизни.

С большим мастерством, нараставшим по мере приближения романа к финалу, с философской глубиной завершает Шолохов эпопею о борьбе народа за Советскую власть. Трудовое казачество находит свой «единственно верный путь к счастью в строительстве нового, социалистического мира. Изображая действительность в ее революционном развитии, отражая в художественных образах конкретно-исторические события, определяющие судьбы народов, писатель утверждает торжество нового и гибель всего, что мешает его победному движению. На широком историко-эпическом фоне Шолохов рисует драматические события, кладет в основу произведения острый социальный конфликт двух миров; прослеживает пути народа в борьбе за переустройство жизни, с горьковским гуманизмом раскрывает его богатый душевный мир, одаренность, высокий моральный облик.

«Правда» в передовой статье «Советские казаки» указывала, что одна из замечательных побед социализма — приобщение казачества, покончившего с проклятым прошлым, к Советской власти: «Упорная и длительная борьба за руководство основной массой казачьего населения, которая велась между большевистской партией и Советской властью, с одной стороны, и офицерско-кулацкими верхами казачества, с другой, именно потому привела к победе большевиков, что казачество нашло в них подлинных выразителей своих кровных интересов...»¹

В том и значение «Тихого Дона», что Шолохов сумел художественно отразить в нем коренную ломку старых устоев, создать эпическую панораму рождения нового, социалистического мира, показать величие Октябрьской революции, ее огромную роль в приобщении трудового казачества к социализму.

¹ «Правда» от 18 февраля 1936 г., стр. 1,

3. Трагедия Григория Мелехова

На широком эпическом фоне движения народных масс в революции Шолохов с большой художественной силой раскрыл противоречивые искания и трагическую судьбу Григория Мелехова, сложную философскую проблему взаимоотношения личности и народа, проблему места личности в революционной борьбе. Рисуя коммунистов, писатель акцентировал внимание на росте их революционного сознания и упрочении связей с народом, из которого они вышли. В изображении представителей белогвардейского лагеря он подчеркивал моральное разложение, бесславную гибель враждебных народу сил. В образе же Григория Мелехова Шолохов раскрыл трагическую судьбу одаренного, заблудившегося и ушедшего от народа человека.

Характер Григория значительно сложнее, чем характер его брата Петра Мелехова, взгляды и поведение которого диктуются собственнической психологией, кастовой сословностью. Петр — последовательный защитник интересов реакционной части казачества, без колебаний поддерживавший контрреволюцию.

Выделяя из мелеховской семьи девятнадцатилетнего Григория, Шолохов указывает на диковинную красоту его. Внешний облик Григория («вислый коршунячий нос, в чуть косых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румяняющей кожей») оттеняет не столько его происхождение, сколько своеобразие характера.

С юности Григорию глубоко присущи трудолюбие, тонкая любовь к родной природе, задушевной песне, большая человечность. Недюжинные способности, искренность и правдивость, прямодушные и смелость постоянно подчеркиваются Шолоховым.

Григорий спасает от смерти своего кровного врага Степана Астахова, освобождает из тюрьмы несправедливо посаженных казаков, запрещает Ермакову уничтожать и раздевать пленных красноармейцев, протестует против отвратительного грабежа, сурово осуждая за это даже своего отца. Восстав против жестокости и косности быта хуторян, он защищает Аксинью от побоев мужа, не может без презрения смотреть на Дарью, которая убила Котлярова.

Григорий с азартом и наслаждением рубит белогвардейцев, всей душой ненавидит белое офицерство. Его симпатии всегда на стороне тех, кто не теряет мужества и достоинства в самые трудные минуты жизни.

Одна из характерных черт Григория — его искреннее патриотическое чувство. Он не может видеть англичан у себя на Дону, с гневом говорит об интервентах: «...я бы им на нашу землю и ногой ступить не позволил» (V, 99). А лейтенанту английской армии Кэмпбеллу советует: «Езжай-ка ты поскорей домой, пока тебе тут голову не свернули... В наши дела незачем вам мешаться. Понял? Езжай, пожалуйста, а то тебе тут накостыляют!» (V, 199).

Всякий раз, попадая на преступный путь борьбы против народа, Григорий испытывает тяжелые мучения, начинает осознавать свою неправоту, все лучшее в нем заставляет тянуться к новому, испытывать «острое чувство огромного, ненасытного любопытства к красноармейцам, к этим русским солдатам, с которыми ему для чего-то нужно было сражаться» (IV, 87).

Командуя дивизией повстанцев, Григорий хочет примириться с красными, но не знает, как это сделать. С самого начала восстания он чувствует его обреченность, потому что оно «против народа». Григорий ощущает, что от старого «холодом прет», что «все старое рухнулось». Однако «свое, казачье» губит в Григории лучшие качества, берет «верх над большой человеческой правдой». Его убеждения складывались под воздействием старого казачьего уклада, диктовались сословными и собственническими интересами, настойчивым воздействием станичной и офицерской среды, влияние которой Григорий постоянно испытывал.

Наряду с положительными чертами одаренного представителя народа у Григория рано проявляется своеволие непоследовательного в своих поступках человека. Постепенная утрата связей с народом и определяют драматизм повествования. Чувство труженика заставляет Григория тянуться к новому, к правде и счастью, но собственные и сословные интересы настойчиво тянут его назад, сбивают с последовательного, правильного пути. Мучительно и долго колеблясь между двумя непримиримыми лагерями, он начинает искать несуществующий «третий путь» в революции,

Григорий находится на распутье не только в общественной, но и в личной жизни: между семейственной и кроткой Натальей и страстной в своих чувствах Аксиньей. К Наталье его тянут собственнические начала, семейный покой, дети; Аксинья привлекает силой своего чувства к нему, вольнолюбием. Но, в отличие от нее, Григорий пассивен в выборе путей. Когда Аксинья советует ему порвать с хутором, уйти на работу в шахты, Григорий смеется в ответ, боится покинуть свое хозяйство, лишиться собственности, земли, привилегий казака: «Ну, куда я пойду от хозяйства? Опять же на службу мне на этот год. Не годится дело... От земли я никуда не тронусь» (II, 61).

Покоряясь воле отца, он даже готов подавить в себе чистое, светлое чувство любви к Аксинье, «прикончить эту историю» с ней. Григория волнует собственная судьба в связи с решением отца женить его на дочери кулака Коршунова. Так с самого начала собственнические интересы побеждают в борьбе с лучшими чувствами и стремлениями.

Серединное положение Григория между двумя семьями объясняется его желанием примирить любовь к Аксинье с семейными традициями, собственническими законами. Когда конфликт назревает до предела, Григорий высказывает отцу то, что хорошо сознавал с самого начала жизни с Натальей: «Не я женился, а вы меня женили».

В кипящей злобе «бешеный», «отчаянный», непутевый Григорий готов на любой поступок, лишенный здоровой оценки положения, продиктованный лишь первыми впечатлениями оскорбленного самолюбия. Это лишает социальной окраски его протест против насилия над чувством, его вызов сословным предрассудкам, укоренившимся правилам.

Для ошупью идущего по жизни, неуверенного в правильности избранного пути Григория достаточно лишь ощущения того, что расправа над Чернецовым несправедлива, чтобы переметнуться из отряда революционных казаков к белогвардейцам. Его поступки часто внезапны, необдуманно, продиктованы первыми впечатлениями. Осознавая несправедливость жестокой расправы с красноармейцами, он доходит до эпилептического припадка. Бездумная, не освещенная сознательным протестом

вспыльчивость нередко определяет поведение Григория и колебания его между двумя непримиримыми лагерями. Отсутствие четко определенного места в обостряющейся борьбе углубляет духовный надрыв, одиночество, тоску, замкнутость внутри себя.

Шолохов указывал, что у Григория Мелехова «очень индивидуальная судьба», «в судьбе его он не делал попытки «олицетворить середнякакое казачество». Но было бы неправильно искать ключ для понимания поступков и поведения Григория лишь в своеобразии, в особенностях его характера.

Индивидуальные и типические черты сочетаются в характере Григория Мелехова и проявляются, раскрываются в условиях конкретно-исторической обстановки. Шолохов воплотил в образе Григория существенные черты среднего крестьянства, наделил его взглядами и настроениями, выражающими сущность мелкого собственника и осложненными особенностями экономического положения среднего казачества. В Григории Мелехове типизировано глубоко жизненное явление — социальная неустойчивость психологии мелкого собственника, сложная борьба двух начал в его сознании.

В. И. Ленин, подчеркивая двойственную природу психологии мелкого собственника, указывал, что мелкий буржуа в силу своего жизненного положения «не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной «линии» у него *экономически* быть не может.

Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату. Его рассудок — тяготеет к последнему, его предрассудок (по известному выражению Маркса) к первой»¹.

Григорий Мелехов — художественный тип, обусловленный и порожденный конкретно-историческими революционными событиями периода перехода от капитализма к социалистическому строю. В его исканиях и связанных с ними колебаниях и сомнениях писатель раскрыл одно из характерных явлений того времени — неустойчивость психологии мелкобуржуазных слоев, показал трагедию тех людей, которые должны были идти с народными массами, но, запутавшись в противоречиях, заты-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 180.

нувшихся блужданиях, не пришли к пониманию революционной правды и стали на путь борьбы с трудовым народом.

С большой художественной силой нарисовал Шолохов различные этапы запутанного, сложного пути Григория Мелехова. С самого начала повествования акцент был сделан на сложной борьбе собственнических и сословных интересов в сознании Григория, который стремился примирить сильную любовь к Аксинье с собственническими законами и традициями.

Еще перед империалистической войной Григорий испытал унижительное положение батрака, горечь классового неравенства, а в дни службы в армии впервые ощутил ненависть к офицерам, «непролазную, невидимую стену» между казаками и офицерской верхушкой. В первом же бою перед ним встает вопрос о смысле войны, навязанной народу, но он пока не понимает ее захватнического, империалистического характера, а лишь видит рост озлобления стравленных буржуазией людей. Ужасы войны вносят большие перемены и во внешний облик Григория, и в его сознание и психологию, открывают ему глаза на социальное неравенство, а беседы с коммунистом Гаранжей способствуют тому, что неосознанные и неоформленные решения его впервые выливаются в социальный протест.

Ненависть Григория к существующему строю растет, сказываясь и в отношении к «особе императорской фамилии», и в избиении Листницкого, которое явилось не только ответом на личное оскорбление, но и протестом против несправедливости представителей господствующего класса, действовавших по принципу: «Мне все можно!» Становление на путь осознанного социального протеста связано у Григория с освобождением из плена собственнических, индивидуалистических начал.

Однако заискивающее почтительное отношение станичников вскружило голову Григорию. «...сложный тонкий яд лести, почтительности, восхищения постепенно губил, вытравлял из сознания семена той правды, которую посеял в нем Гаранжа. Пришел с фронта Григорий одним человеком, а ушел другим. Свое, казачье, всосанное с материнским молоком, кохаемое на протяжении всей жизни, взяло верх над большой человеческой правдой» (III, 47—48). Сила сословных казачьих традиций и при-

вилегий так велика, что она задавила в Григории пробудившуюся правду, смирила с жизнью казачьей среды, наложила существенный отпечаток на его сознание.

Осознавая бессмыслицу войны, Григорий, однако, бережет «свою казачью славу», «казачью честь», неоднократно совершает героические поступки, рискуя жизнью, выискивает случаи показать свою храбрость. Вместе с тем, в отличие от Петра, который благодаря войне «быстро и гладко шел в гору», Григорий испытывает ненависть к «царевой службице»; его одолевает сосущая тоска; он «не чает конца войны дожидаться». Характерно, что после рассказа о том, как в Григории побеждало «свое, казачье», Шолохов приводит содержание его сна, который по своему смыслу перекликается с другим сном, приведенным в четвертой книге. Григорий видит во сне «бескрайнюю выжженную суховеем степь, розовато-лиловые заросли бессмертника, меж чубатым сиреневым чеборцом следы некованных конских копыт... Степь была пустынна, ужасающе тиха. Он, Григорий, шел по твердой супесной почве, но шагов своих не слышал, и от этого подступал страх...» (III, 52).

Этот сон, во время которого Григорий ощущает свое одиночество, имеет аллегорический смысл: Григорий, в отличие от трудовой массы казачества, начинает запутываться в противоречиях, отступает от «большой человеческой правды».

Если Михаил Кошевой уже в годы империалистической войны находит правильную дорогу, проникается революционными идеями и хорошо сознает, что «страшной людской середки ничего на свете нету», то Григорий Мелехов явно испытывает некоторое время влияние Чубатого, который цинично учит: «Ты пойми то, что нам, казакам, нужна своя власть, а не иная. Нам нужен твердый царь... Коль, не дай бог, прогонят царя, то и до нас доберутся» (III, 53).

После Октябрьской революции Григорий попадает под влияние буржуазного автономиста казака-сотника Ефима Изварина, который, «связавшись с казачьими кругами самостийного толка, умело повел агитацию за полную автономию Области Войска Донского», «рисовал будущую привольную жизнь на родимом Дону», «кружил... головы простодушным казакам и малообразованному офицерству» (III, 198—199).

Вскоре Григорий сталкивается с революционером Федором Подтелковым, и «после недолгих колебаний вновь перевесила в его душе прежняя правда» (III, 202). Однако и на этот раз Григорий свернул с верной дороги, ушел из отряда революционных казаков. Ему хотелось «отвернуться от всего бурлившего ненавистью и непонятного мира». «Трудно нащупывалась верная тропа; как в топкой гати, зыбилась под ногами почва, тропа дробилась, и не было уверенности — по той ли, по которой надо, идет. Тянуло к большевикам — шел, других вел за собой, а потом брало раздумье, холодел сердцем. «Неужто прав Изварин? К кому же прислониться?»»

Покинув революционных казаков, Григорий не хочет думать о своем будущем, стремится выйти из борьбы, зажить «прежней жизнью» мира, труда и тишины. Заявляя: «Я за Советскую власть», он, однако, не понимает всей сложности борьбы и необходимости четкого определения своего места в этой борьбе. Когда жизнь заставила его прямо ответить на вопрос: с кем он? — Григорий остается в хуторе, отказывается идти к красным, мотивируя свое решение нежеланием покинуть семью и хозяйство.

Жизнь рушит построенный на песке «нейтралитет» Григория. Под давлением станичной среды он оказывается в белогвардейском отряде, на стороне, враждебной Советской власти. Подчеркивая неустойчивость Григория, Шолохов рисует картину, как бы предсказывающую финал его метаний: «Так над буераком по кособокому склону скользит, вьется гладкая, выстриженная козьими копытами тропка и вдруг где-нибудь на повороте, нырнув на днище, кончится, как обрезанная, — нет дальше пути, стеной лопушится бурьян, топырясь неприветливым тупиком» (IV, 26).

Если Петр уверенно заявляет, что он «на свою борозду попал», то Григорий «мутится», не может найти себя и постепенно идет к «неприветливому тупику». Разъедаемый сомнениями, отравленный клеветой, которую щедро сеяла среди казаков белогвардейская пропаганда, стремясь очернить Советскую власть и Красную Армию, Григорий начинает думать, что красноармейцы стремятся «к захвату казачьих земель и угодий» (IV, 87), движимы таким же «ревнивым чувством к земле» (IV, 88), как

и он сам. Григорию казалось, что большевики отняли его от земли, что по их вине нарушена мирная тишина, к которой он так стремился, и от этого он проникался злобой к большевикам. Душа собственника, сословные чувства вновь побеждают в нем.

Характер Григория Мелехова раскрывается в сложной внутренней борьбе. Сознвая неизбежность поражения казаков, вступивших в борьбу с революционным русским народом, Григорий с радостной решимостью покинул повстанцев и даже остался ждать прихода красных войск в родной хутор. «И оттого, что стал он на грани в борьбе двух начал, отрицая оба их, — родилось глухое неумолчное раздражение» (IV, 162).

Григорий томится скрытыми раздумьями, но все, что копилось в нем, все-таки прорывается однажды в откровенном разговоре с Котляровым. Оказавшись на перепутье, он в горячах высказывается против Советской власти, злобно заявляя: «К а з а к а м эта власть, окромя разору, ничего не дает» (IV, 161). Не понимая, что «казаки тоже разные», Григорий выступает в защиту земельных привилегий зажиточного казачества («Земли у нас — хоть заглонишь ею. Воли больше не надо...»). Ему кажется, что казаки «не заграбили, а завоевали» землю, «кровью ее полили». Чувства мелкого собственника заставляют ослепленного вражеской провокационной пропагандой Григория искать особый, несуществующий третий путь в революции, вести борьбу за льготы и привилегии казачеству. Последующие его поступки продиктованы собственническими настроениями, самостийными сословными чувствами, которые берут верх над симпатиями труженика.

Когда вспыхивает вешенское контрреволюционное восстание, Григорий оказывается в лагере мятежников («Ясен, казалось, был его путь отныне, как высветленный месяцем шлях»; «Будто и не было за его плечами дней поисков правды, шатаний, переходов и тяжелой внутренней борьбы»). Свои прошлые искания Григорий считает пустыми. Он хочет биться «за делянку земли», проникается лютой злобой, «слепой ненавистью», намеревается рвать у фабричного люда «из-под ног тучную донскую, казачьей кровью политую землю» (IV, 198).

Но и на этот раз Григория мучит сознание «неправоты своего дела». Тревога и горечь горбят плечи Григория, когда он задумывается над тем, что ведет войну «против народа». Чувствуя, что казаки заблудились, «когда на восстание пошли», Григорий готов на примирение с красными: «Зараз бы с красными надо замириться и — на кадетов. А как? Кто нас сведет с Советской властью?» (IV, 302). Он не только советует казакам поклониться Советской власти в ноги и признать свою вину. Он начинает понимать, что «надо либо к белым, либо к красным прислоняться. В середине нсльзя — задавят» (IV, 275).

После того как Григорий вступил в новую полосу раздумий, его духовное падение углубляется. Разум, хладнокровие, расчетливость покидают его, одно лишь «дикое животное возбуждение» властно управляет его волей. Григорий пытается уйти от раздумий и заглушить трезвую действительность пьянством и разгулом.

Трагичность положения безнадежно запутавшегося человека станвится особенно ощутимой, драматизм нарастает и достигает своей кульминации в сцене, где Григорий осознает несправедливость «бессмысленной жестокости», звериной расправы, которую он учиняет над революционными матросами. Он впервые в жизни бьется в эпилептическом припадке, понимая, что нет ему прощения, что пути к правде отрезаны и остается одно — смерть: «Кого же рубил!.. Братцы, нет мне прощения!.. Зарубите ради бога... Смерти предайте!..» (IV, 282—283). Эту кульминационную главу Шолохов завершает отступлением, очень важным в раскрытии идейного содержания и освещающим закономерный финал романа. «Лишь трава растет на земле, безучастно приемля солнце и непогоду, питаюсь земными жизнетворящими соками, покорно клонясь под гибельным дыханием бурь. А потом, кинув по ветру семя, столь же безучастно умирает, шелестом отживших былинков своих приветствуя лучащее смерть осеннее солнце» (IV, 283).

После этих событий Григорий все чаще жалуется на отсутствие радостей в жизни, на внутреннее опустошение: «В душу ко мне глянь, а там чернота, как в пустом колодезе...» (IV, 302); «Иной раз, вспоминая всю свою жизнь, глянешь, — а она, как порожний карман, вывернутый наизнанку...» (IV, 327). Григорий становится без-

участным к окружающей жизни, безразличным к исходу повстанческой борьбы: «Черт с ним! Как кончится, так и ладно будет!» (IV, 371). Вся последующая его жизнь — медленное духовное умирание, постепенное приближение к полному опустошению.

В речи Григория все чаще встречаются пословицы и поговорки, выражающие его тоску, сознание безысходности борьбы с народом, боязнь расплаты за свои преступления («К чему шли — к тому и пришли»; «Куда ни кинь — везде клин»; «Кто кого одолеет, тот того и сотрет»; «Крепка тюрьма, да черт ей рад»; «Раз уж попали на овечьё положение, значит, надо за баранами тащиться» и т. д.).

Психология заходящего в тупик, нравственно надломленного человека, зажатого в тисках мучительных, трудно разрешимых для него противоречий, раскрывается не только через признание Григорием своей опустошенности. Одно из средств характеристики внутреннего состояния Григория — пейзаж. Природа часто, особенно в четвертой книге, дается через восприятие героя. Когда Григорий находится на правильном пути, он живет всеми радостями жизни, ощущает величие и красоту окружающего мира, слышит запахи травы, сена, видит яркий свет солнца. Когда же он идет против народа, — и солнце греет скупно, и дует холодный ветер, и черный диск солнца встает над его головой, и даже ярко-красные тюльпаны заставляют его закрывать глаза, напоминая пролитую им кровь народа.

Значительно меняется и внешний облик Григория. Стремясь проследить перемены, происходящие в нем под влиянием жизни, писатель разбрасывает по всему роману скупые портретные детали. Духовную надломленность и опустошенность Григория, связанную с осознанием неправоты борьбы против Советской власти и народа, писатель подчеркивает указанием на чрезвычайно быстрое наступление его старости. Из жизнерадостного, задорного, красивого парня «с беспечным складом постоянно улыбающихся губ» Григорий превращается в «пожившего и много испытавшего казачину» («жесткие морщинки на лбу», «под глазами засинели мешковатые складки», «заметно обрюзг, ссутулился», «преждевременная седина на висках», «во всем его ожесточившемся лице, — в ощеренных под усами зубах, в суженных глазах, — еще

ярче проступало враждебное, мелеховское, звероватое»). Особое внимание обращает писатель на глаза Григория: «померкшие глаза», «усталые глаза», «злые глаза», «потускневшие глаза», «невидящие открытые глаза», «суровел глазами», «огонек бессмысленной жестокости» во взгляде, «усталый прищур глаз» и т. д.

Приведенный в лагерь контрреволюции мелкобуржуазным самообманом, Григорий начинает глубже понимать, что трудовому казачеству не по пути с белыми, что белогвардейское движение неминуемо будет разгромлено («Как набьют нам, так и прикончится»). С первых же дней соединения повстанцев с регулярными белогвардейскими частями он проникается ненавистью и злобой к «образованным дармоедам» («Сосватала нас с вами горькая нужда, а то и на понюх вы бы нам были не нужны. Сволочь проклятая!»). Григорий видит, что он «белая ворона» среди вылощенных офицеров и генералов, испытывает к ним «чувство глубокого отвращения», со злорадством высмеивает трусливого и бездарного полковника Андреанова, решительно протестует против произвола генерала Фицхелаурова, со злобным вниманием выслушивает высокомерного Секретева.

Сознавая, что мир дармоедов и тунеядцев ему чужд («Я им чужой от головы до пяток...»), гордясь принадлежностью к простому народу, Григорий все чаще испытывает симпатии к революционным массам, начинает понимать бескорыстие народной борьбы за свободу, восхищается мужеством красноармейцев, талантливостью красных командиров, от которых бегают офицерские полки и боевые казацкие генералы.

Однако враждебность к белогвардейщине, в лагере которой он находится, отход от нее — не определяет поведения Григория. Он лишь мечтает перейти к красным («Это я у вас — пробка, а вот погоди, дай срок, перейду к красным, так у них я буду тяжелей свинца»), но не может осуществить своего намерения. Понимая, насколько далеко он ушел от красных, Григорий боится возмездия за антинародную борьбу. Связь с белогвардейцами и ненависть к ним, сочувствие революционной правде и вместе с тем недоверие к красным, тревога за свою судьбу — вот где причина трагедии Григория Мелехова, который стремится найти какой-то третий путь в революции.

В связи с этим, по мере приближения повествования к финалу, Шолохов подчеркивает нарастание в характере Григория «необузданности», «холодного бешенства», «ожесточенности», «звероватости». Он не может разобраться в том, кто кого одолеет, все более запутываясь в своих блужданиях, проникается безразличием к исходу той борьбы, в которой сам участвует. «Томимый неясными предчувствиями, гнетущей тревогой и тоской», Григорий проникается страхом за свою судьбу. Ему снова снится тяжелый сон, содержание которого явно аллегорично: в ужасе видит он, как бегут казаки от наступающих красноармейцев, оставляя его у самого кладбища. Проснувшись, Григорий испытывает «радостное волнение оттого, что все это — только скверный сон, и в действительности пока ничто ему не угрожает» (V, 87).

Осознав неправоту борьбы против революционного народа, наблюдая разгром контрреволюции, Григорий после долгих колебаний остается в Новороссийске и решает «замолить свои прошлые грехи». Со слов Зыкова читатель узнает, что Григорий, вступив в Красную Армию, возродился к жизни, «веселый из себя стал», храбро сражался с белополяками, командуя красным эскадромом. После одного из боев «сам Буденный перед строем с ним ручкался и благодарность эскадрону и ему была».

Возвратившись в родной хутор с твердым намерением устроить свое счастье, «взяться за работу, пожить с детьми, с Аксиньей», Григорий наивно полагает, что его, «мирного хлебороба», никто не должен упрекать за прошлое. Он хочет выйти из борьбы, хорошо понимая, что она не закончилась, что кратковременная честная служба в Красной Армии не покрывает его прошлых ошибок и преступлений перед народом, что его положение после демобилизации очень неопределенно («Я с семнадцатого года хожу по кривым дорожкам, как пьяный, качаюсь... От белых отбил, к красным не пристал, так и плаваю, как навоз в проруби»).

Григорий Мелехов страшится расплаты за свои преступления перед народом, теряет мужество, узнав о расстреле Платона Рябчикова. Решившись по настоянию Кошевого пойти на регистрацию в чрезвычайную комиссию, он при одной мысли, что его могут арестовать, «содрогался от испуга и отвращения» к себе. («Жидковат

оказался на расплату... сробел»). Сознание безвыходности положения и страх за свою жизнь, неверие в советское правосудие и стремление уйти от него — все это неизбежно и снова толкает Григория на путь антинародной борьбы.

После скитаний по хуторам, одинокий и тоскующий, Григорий не находит иного выхода, кроме вступления в банду Фомина. Совершая эту страшную ошибку, он надеется «дотянуть как-нибудь до лета», уйти с Аксиньей на Кубань, «укрыться от преследования». С отвращением относится Григорий к чудовищно падшим бандитам, твердо убежден, что «фоминовская затея обречена на провал», что «дело Фомина проиграно и что рано или поздно банду разобьют». Облегченно, полной грудью, вздохнул он лишь тогда, когда бежал из банды.

Совершив цепь противоречивых поступков, Григорий так и не нашел верной дороги. В то время как трудовое казачество, преодолев колебания и заблуждения, пришло к пониманию революционной правды, Григорий продолжал сопротивляться. Трагедия его в том, что он запутался в своих исканиях, пошел против истории, против революции, против народа, породившего его.

После гибели Аксиньи Григорий с особой силой, как никогда, ощутил свое одиночество. Мертвея от ужаса, он «понял, что все кончено, что самое страшное, что только могло случиться в его жизни, — уже случилось» (V, 489). С потрясающей силой передает Шолохов трагедию Григория, который попросившись с Аксиньей, «поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца» (V, 490).

Страшная опустошенность, духовная гибель его раскрываются в финале романа. Утратив «разум и былую смелость», в страхе и смятении, как дикий зверь, он скрывается в лесу.

Писатель сравнивает судьбу Григория с выжженной весенними пожарами, зловеще черной, мертвой, обуглившейся степью, вокруг которой «весело зеленеет молодая трава», ключом бьет жизнь. «Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория... Но сам он все еще судорожно цеплялся за землю, как будто и на самом деле изломанная жизнь его представляла какую-то ценность для него и для других» (V, 491). Трагизм ушедшего от

народа Григория становится особенно осязательным на фоне мощного движения народа к новой жизни.

Так, несмотря на желание многих видеть благополучный конец судьбы Григория Мелехова, Шолохов предпочел сказать читателю правду, как бы она горька ни была. Создав типический образ человека, не нашедшего правильного пути в эпоху героической революционной борьбы народа за свое освобождение, автор показал сложность пути среднего крестьянства, особенно казачества, ослепленного сословными предрассудками и медленно преодолевавшего тягу к собственническому миру. Писатель заострил в характере Григория непоследовательность, социальную неустойчивость мелкобуржуазных слоев, борьбу в его сознании чувств собственника и труженика, то, что опустошало, делало бессмысленной его жизнь, обрекало на гибель одаренного, но порвавшего с народом человека. Это социальное явление справедливо названо по имени героя «Тихого Дона» мелеховщиной.

4. Коммунисты в романе

Идея единства Коммунистической партии и народа — одна из основных в «Тихом Доне». Образы коммунистов как представителей революционных масс имеют важное значение в раскрытии судеб казачества в революции. Писатель показывает связь партии с народом, роль коммунистов в пробуждении и становлении революционного сознания народных масс, рождение в народе борцов за интересы трудящихся.

Создавая образ Штокмана, Шолохов учитывал те неудачи, которые постигли авторов некоторых романов и повестей начала 20-х годов в раскрытии характера коммуниста. С упрощенным схематизмом в изображении коммунистов Шолохов полемизировал еще в «Донских рассказах».

Автор «Тихого Дона» хотя и не достиг в образе Штокмана той художественной выразительности, с какой нарисован характер Левинсона, но был наиболее близок именно к Фадееву.

Шолохов типизировал в образе коммуниста-рабочего Штокмана прежде всего его коммунистическую сознательность, его веру в торжество социализма, тесную связь с массами, простоту и скромность. Вскрывая социальную

сущность Штокмана, писатель подробно рассказывает о его прошлом. Штокман родился в рабочей семье, долго работал на крупном ростовском заводе «Акса́й» и в железнодорожных мастерских на Кубани. С 1907 года он состоял членом РСДРП, принимал активное участие в первой русской революции, скитался по тюрьмам и ссылкам. Как опытного коммуниста партия послала его на трудную работу среди казачьего населения.

Шолохов показывает Штокмана как вполне сформировавшегося революционера. Большая политическая школа, опыт революционной борьбы с царизмом, ясно осознанные цели борьбы дают ему необходимую уверенность, силу воли в работе среди казаков. Штокман — коммунист высокой культуры, хорошо знающий историю народа, марксистскую науку, русское искусство. Шолохов подчеркивает его близость к народу, его открытую простоту в общении с людьми. Располагающая простота коммуниста, его ум раскрываются уже во внешнем облике Штокмана: он «был среднего роста, худощав, близко поставленные к мясистой переносице глаза светлели хитрецей», «разговаривая, он часто улыбался» (II, 137), «косая поперечная морщина, рубцовавшая белый покаты́й лоб, двигалась медленно и тяжело, словно изнутри толкаемая ходом каких-то скрытых мыслей» (II, 138).

Столкнувшись с казаками, избивавшими украинцев на мельнице, Штокман своей «беспримерной простотой», смущенной улыбкой, отсутствием страха «обезоруживает» их. Спокойно и просто он объясняет беспричинность сословной обособленности, вражды казаков к иногородним, осторожно и настойчиво ведет разъяснительную работу на хуторе, «внушая к существующему строю отвращение и ненависть», постепенно преодолевает недоверие казаков и создает вокруг себя прочное ядро верных людей.

Надолго вырванный ссылкой из борьбы, Штокман после революции участвует в организации отрядов Красной гвардии, а затем партия снова посылает его для агитационной работы среди казачества. Будучи близким товарищем и наставником коммунистов хутора Татарского, он учит Котлярова последовательности в борьбе с врагами («Или они нас, или мы их! Третьего не дано»), непримирим к Григорию Мелехову, видя в нем притаившегося завтрашнего врага и считая, что «он опаснее остальных,

вместе взятых». Враждебность казаков Советской власти Штокман объясняет тем, что кулацкой верхушке удалось подчинить своему влиянию трудовое казачество, что «казакам триста лет дурманили голову» (IV, 172). Он хорошо видит разницу между рязанским и донским вооруженным кулаком, который «постарается увлечь за собой и остальных казаков, так сказать — среднеимущественного казака и даже бедняка».

Штокман смело и уверенно ведет борьбу за трудовое казачество («Трудовым казакам только с нами по пути, а не с кулачьём»), через всю жизнь он пронесит веру в то, что «коммунизм будет жить!». Эту убежденность, преданность партии и народу, ненависть к врагам он передает коммунистам хутора Татарского.

Важную роль в романе играет эпизодический образ коммуниста, кузнеца Гаранжи, которому впервые удалось разбудить в Григории смутно назревавший протест, разрушить ложные понятия о «царе и отечестве», о мнимой казачьей чести. Бесхитростно, простыми словами разъясняя смысл империалистической войны, как войны за интересы буржуазии, Гаранжа прибегает к ярким социально насыщенным сравнениям, пересыпает свою речь пословицами и поговорками: «Царь — пьянюга, царица — курва, паньским грошам от войны прибавка, а нам на шею... удавка. Чуешь? Ось! Хвабрыкант горилку пье, — солдат вошку бье, тяжко обоим... Хвабрыкант с барышом, а рабочий нагишом, так воно порядком и пластуется...» (II, 389).

Гаранжа убийственно простыми словами «едко высмеивал самодержавную власть». Его разговор с Григорием — не случайная беседа, а сознательное распространение большевистских идей («Треба, нэ лякаясь, повернуть винтовки. Треба у того загнать пулю, кто посылает людей у пэкло», «Власть треба, як грязные портки, скинуть»).

Огромной верой в возможность лучшего будущего, осознанием силы народа, желанием отдать ради него всю свою кровь Гаранжа убеждает Григория в справедливости неизвестных ему ранее истин. Он уверен в том, что война разбудит народные массы, прояснит их сознание, и они повернут винтовки против буржуазии и царизма. Понимание неизбежного классового неравенства в условиях царизма, необходимости превращения империали-

стической войны в гражданскую, ясное сознание целей народной борьбы за свободу, за дело рабочего класса, вера в его силы — все это характеризует Гаранжу как коммуниста, сознательно и прочно ставшего на революционный путь.

Большую пропагандистскую и революционную работу среди казаков в годы империалистической войны и революции ведет «обрусевший казак», рабочий Бунчук. Это — суровый борец революции, человек большой воли и железной твердости; «твердо загнутые челюсти да глаза, ломающие встречный взгляд, выделяли его из гуши остальных лиц». Но Бунчук очень далек от тех аскетически суровых, «твердокаменных», затянутых в «кожаную куртку» большевиков, которых еще изображали некоторые писатели в годы создания «Тихого Дона».

Посланный петроградскими рабочими и солдатами в мятежные корниловские полки, Бунчук смело разоблачает контрреволюционные замыслы корниловцев, открывает казакам глаза на смысл происходящих в стране событий, находит общий язык, чтобы повести их за собой. Он хорошо знает людей, среди которых сует семена большевистской правды. Жестокая революционная борьба заставляет его быть суровым и беспощадным, но за угрюмой внешностью скрыты большие человеческие чувства, высокий гуманизм революционера, его громадная преданность своей партии и сердечная любовь к ней.

По заданию «одного из ответственных петроградских товарищей» Бунчук прибывает в охваченный вражеским кольцом Ростов, выполняет самые трудные поручения местного комитета партии, участвует в формировании красногвардейских отрядов на Дону, в борьбе с контрреволюцией. Он создает пулеметную команду, готовит революционеров к защите города от каледицев. За время работы в Ревтрибунале Донского ревкома «он высох и почернел, словно землей подернулся», но не ушел с этого трудного дела («Тут я вижу, ошутимо чувствую, что приношу пользу! Когда-нибудь по этой земле будут ходить счастливые люди...»). Он не боится «сгинуть» на этой работе, находит в себе силы преодолеть трудности, подчинить свои чувства революционному долгу. Борьба за счастье людей, за их будущее придает ему силы и мужество, помогает преодолеть обычные человеческие слабости.

Характер Бунчука раскрывается и через его отношение к Анне Погудко. Устраняя сентиментальную слащавость, проникшую в первые редакции романа в описания внешнего облика, поступков и настроений Анны и даже ее мечты о будущем, Шолохов добивался реалистического изображения женщины-революционерки, принципиальной и последовательной не только в общественной, но и в личной жизни. Писатель раскрывает нравственную чистоту и целомудрие чувства Анны к Бунчуку, беззаветность их любви, рожденной в трудное время.

Шолохов рисует характеры коммунистов в многообразных ситуациях, в реалистической обстановке суровой борьбы за новую жизнь, раскрывая большую человечность их чувств, сложность и богатство духовной жизни людей, героически сражавшихся в рядах революции. Погибла в бою и Анна Погудко. Потеряв самого близкого человека и верного друга, Бунчук тяжело переживает горе, остро чувствует одиночество, но он находит в себе силы жить и бороться. Мужественный боец, он не сдается врагам, смело идет на смерть, не считая нужным называть им свое имя.

Мужество, умение противостоять врагу, вера в торжество правого дела характерны и для комиссара Лихачева и для красноармейца, рассказывающего, как однажды он совершил героический подвиг: взорвал мост в тылу у белых. На вопрос, боялся ли он смерти, красноармеец отвечает: «Я — коммунист... Мне нельзя трусить... Я знаю, за что и с кем я воюю, знаю, что мы победим. А это главное» (IV, 263).

В «Тихом Доне» мы встречаем не только образы сложившихся коммунистов. Автор раскрывает в романе рождение и духовное формирование коммунистов в борьбе за установление Советской власти на Дону.

Преданность делу революции, чувство революционного долга, большое человеческое обаяние простого казака, выбравшего верный путь, типизированы писателем в образе Ивана Алексеевича Котлярова. Воспитанный Штокманом, он проходит суровую жизненную школу. Участие в империалистической и гражданской войнах кристаллизует его сознание, формирует революционные взгляды. Но ему еще долго не хватало большевистской энергии и решимости в борьбе. Преодолевая губительные свои за-

блуждения, Котляров становится председателем хуторского ревкома, организует вокруг него казачью бедноту. Он осуждает себя за жалость к врагам, приходит к выводу, что «не жалеть надо было, а бить и вырубать все до корня!» Слишком поздно понял Котляров всю непримиримость классовой схватки, неумолимо размежевавшей даже близких ему людей на противоположные лагеря. Свои же казаки зверски растерзали Ивана Алексеевича. Писатель реалистически вримо, психологически убедительно раскрыл твердость духа его перед смертью, веру в победу того дела, которому так мужественно отдал свою жизнь этот простой казак. Идя на смерть, он говорит товарищам: «Что же, братцы, умели мы воевать, надо суметь и помереть с гордостью... Об одном мы должны помнить до последнего выдоха. Одна нам остается мысленная утеха, что хоть нас и уколотят, но ить Советскую власть колом не убьешь! Коммунисты! Братцы! Помремте твердо, чтобы враги над нами не надсмехались!» (IV, 354).

Еще юношей потянулся бедняк Кошевой к правде. Вступив в кружок Штокмана, он не только познавал прошлое донского казачества, избавляясь от чувств словесной спеси. В начале романа это во многом наивный, простодушный парень. «Был он коренаст, — пишет Шолохов, — одинаково широк и в плечах и бедрах, оттого казался квадратным; на чугунно-крепком устое сидела плотная, в кирпичном румянце, шея, и странно выглядела на этой шее красивая в посадке небольшая голова с женским очертанием матовых щек, маленьким упрямым ртом и темными глазами под золотистую глыбой курчавых волос» (II, 161).

Но жадный к жизни юноша все чаще задумывается над ее смыслом и, осуждая «людскую середку», определяет свою линию, находит в борьбе свое место. Писатель прослеживает постепенный рост классового сознания Михаила Кошевого. Находясь на фронте империалистической войны, он понял, что правда на стороне народа. У него впервые пробуждается ненависть к старому строю. Он развертывает в казачьих частях агитационную работу, выступает против войны, навязанной народу. Далеко не сразу к Михаилу пришло понимание бурного разворота борьбы, революционная энергия и выдержка рождались в схватках со старым миром. Стремление добиться

правды, «равноправия всем» никогда не покидало Кошевого.

Во время первого же восстания казаков Кошевой решительно предлагает старым друзьям уйти из хутора и пробиться к Красной Армии. Он так и поступил, несмотря на горячие возражения Григория Мелехова, но был пойман и оказался вне борьбы. Находясь в отарщиках, он тяготится одиночеством, боится, что умиротворяющая степная тишина засосет его. Кошевого угнетает даже временная отрешенность от той суровой борьбы, которая идет в стране.

В отличие от Григория Мелехова, Кошевой не испытывает сомнений и колебаний, у него нет желания выйти из борьбы. Напротив, сознательно избрав верную дорогу борьбы за революционное изменение жизни, он преодолевает чувство жалости к Григорию, сурово осуждает мятущегося школьного товарища («Расходятся, видно, наши тропки», «ить мы с ним — корешки, в школе вместе учились, по девкам бегали, он мне — как брат... а вот начал городить, и до того я озлеел, ажник сердце распухло... Кубуть отнимает он у меня что-то, самое жалкое. Кубуть грабит он меня!»). С установлением Советской власти на хуторе Татарском Кошевого избирают товарищем председателя Совета, и он уже тогда, не доверяя Григорию, настаивает на его аресте.

Политическая принципиальность и последовательность, чувство революционного долга, непримиримое отношение к врагам Советской власти — таковы основные черты характера Кошевого. Раскрывая его жгучую ненависть к восставшим казакам, Шолохов пишет: «Непримиримую, беспощадную войну вел он с казачьей сытостью, с казачьим вероломством, со всем тем нерушимым и косным укладом жизни, который столетиями покоился под крышами осанистых куреней» (IV, 424).

Кошевой безжалостно выжигает купеческие и поповские дома, курени зажиточных казаков, убивает деда Гришаку, видя в нем воплощение самых закоснелых казачьих традиций. «На врагов, какие зря на белом свете живут, у меня рука твердая», — убежденно заявляет Кошевой и остается верен этому своему слову.

Перемены, происходящие в Кошевом, Шолохов подчеркивает и с помощью портретных характеристик: при встрече с врагами голубые глаза его холодели, как лед,

упорство выражалось и в «сутуловатой Мишкиной фигуре, в наклоне головы, в твердо сжатых губах»; и с помощью юмористических ситуаций (тщательная подготовка к въезду в родной хутор, согласие на венчание в церкви и разговор с гундосым попом Виссарионом).

Писатель глубоко раскрывает богатый душевный мир Кошевого, его непосредственность и мечтательность, трогательную любовь к родному краю и тягу к мирному труду, сердечную заботу о детях и светлое чувство к Дуняшке, которое он пронесит через все годы войны. С большим тактом показывает Шолохов, как «душегуб» Кошевой завоевывает доверие Ильиничны, которая утрачивает чувство обиды и злобы к нему.

Женившись на Дуняшке, Кошевой, несмотря на тяжелую болезнь, «работал не покладая рук», оказался «ретивым хозяином». Вскоре он осуждает себя за преждевременный уход в хозяйство и весь отдается борьбе за полное торжество новой жизни на Дону, прилагает все силы, чтобы отвести недовольство казаков «от родной Советской власти». Его никогда не покидает вера в то, что «мирная Советская власть по всему свету установится».

Выдвигая Кошевого на первый план, Шолохов сталкивает его с Григорием Мелеховым, противопоставляет их взгляды и поведение. Писатель подчеркивает, с одной стороны, неустойчивость тех социальных сил, которые воплощает «ненадежный человек» Григорий, с другой стороны, — бдительность, принципиальность, политический рост коммуниста Кошевого. Встреча старых друзей происходит в тревожное время: на Дону, в соседних областях появляются банды, вспыхивает восстание против Советской власти. В этих условиях особенно понятна настороженность Кошевого, его недоверчивое отношение к Григорию Мелехову, который совсем недавно «закручивал всем восстанием».

С душевной прямоотой высказывает Кошевой свое отношение к Григорию, не без оснований настаивает на его аресте. В столкновении ранее близких людей Шолохов раскрыл всю сложность обстановки тех лет, историческую неизбежность революционной беспощадности Кошевого в борьбе за новую жизнь. Кошевой показан как хозяин новой жизни, как ее строитель, как типичный представитель трудового казачества, нашедшего правиль-

ный путь в революции. Шолохов не скрывает и слабость своего героя. Формирование Кошевого далеко не завершено, впереди у него немало перспектив для творческого и политического роста.

Среди коммунистов в «Тихом Доне» есть и исторические лица, руководители революционного казачества — председатель Донревкома Федор Подтелков и его помощник Михаил Кривошлыков.

«За последние годы, до окончательной победы Советской власти, — писал Микоян, — наиболее светлой личностью революционных героев донского казачества был Федор Подтелков. Но он был не один, много известных и неизвестных павших борцов за свободу казачества»¹.

Федор Подтелков, «здоровый, плотный казак с погонами вахмистра гвардейской батарееи», впервые появляется в пятой части романа. Шолохов подчеркивает, что у него были «широкие плечи», «широкие... руки», «широкая выпуклая грудь», а глаза, «похожие на картечь», «светлели из узких прорезей, как из бойниц, приземляли встречный взгляд». В дальнейшем писатель настойчиво повторяет найденную портретную деталь («нацеливаясь картечинами глаз», «заворочал картечинами глаз», «забегали... глаза-картечины»), стремясь донести до читателя огромную силу воли, упорство Подтелкова. Выразительна и его речь, богатая образными народными выражениями, пословицами и поговорками («Тех же щей, да пожиже влей»; «Прекрасная живуха... камень на шею — да с яру!»; «Худые шаровары хучь наизнанку выверни, — все одно те же дыры»; «Нам от старины подальше, а то в такую упряжку запрягут, что хуже царской обозначится»).

Сообщая о том, что Подтелков сыграл «в истории революции на Дону немалую роль», Шолохов рисует его знакомство с Григорием Мелиховым. Здесь же в рассказе Подтелкова приводятся некоторые факты его биографии².

В разговоре с Григорием Мелиховым Подтелков высказывается за немедленное свержение царя и уничто-

¹ А. Микоян, Предисловие к книге М. Донецкого «Донское казачество», Ростов-на-Дону, 1926, стр. 9.

² Они полностью совпадают с автобиографией Подтелкова, написанной в 1918 г. для «Известий Новочеркасского Совета».

жение контрреволюции. Он стоит на том, чтобы «власть к народу перешла», считает, что борьбу за народную выборную власть нужно вести до полной победы, «до конца», «до последнего».

Включив Подтелкова в повествование, Шолохов сосредоточивается на важных исторических событиях, в которых Подтелков, Кривошлыков и другие революционеры Дона принимают активное участие. 10 (23) января 1918 года в станице Каменской по инициативе большевиков был созван съезд фронтового казачества, имевший большое значение для разгрома каледищины и установления Советской власти на Дону. Об этом событии В. И. Ленин писал: «На Дону 46 казачьих полков на съезде в станице Каменской объявили себя правительством, воюют с Калединым»¹. Выражая уверенность в том, что донское казачество станет на путь трудового народа, Серго Орджоникидзе считал съезд в станице Каменской началом этого пути². Описанию этого съезда, на котором Войсковое правительство и Каледин были объявлены низложенными, а вся власть передавалась Военно-революционному комитету, Шолохов придает большое значение, связывая с этим событием судьбы многих лиц из среды революционного казачества. Воюя с белогвардейцами за светлое будущее трудового народа, Подтелков мужественно, с достоинством держит себя на собрании Донского войскового правительства, требует «удалить всех буржуев и Добровольническую армию» из пределов Дона и передать власть революционным казакам.

В самые тяжелые дни, когда белогвардейцы подходили к Ростову, Подтелков по приказанию чрезвычайного комиссара С. Орджоникидзе возглавил мобилизационную комиссию, которая выехала в Усть-Медведицкий и Хоперский округа, чтобы поднять казачество на борьбу, и погиб от руки белогвардейцев. Умирая мужественной смертью, он не утрачивает веры в торжество революции. Уже перед виселицей Подтелков разъясняет казакам, восставшим против Советской власти, что они заблудились: «Темные вы... слепые! Слепцы вы! Заманули вас офицера, заставили кровных братьев убивать! Вы думаете,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 464.

² Г. К. Орджоникидзе, Избранные статьи и речи, 1911—1937, Госполитиздат, М., 1939, стр. 31.

ежели нас побьете, так этим кончится? Нет! Нынче ваш верх, а завтра уж вас будут расстреливать! Советская власть установится по всей России. Вот попомните мои слова!» (III, 392).

Шолохов рисует трагическую сцену гибели лучших сынов трудового казачества, честно сложивших головы в борьбе за интересы народа. Однако всем предшествующим повествованием Шолохов не подготовил своих героев к такому драматическому финалу. В первых изданиях романа Подтелков выступал лишь как защитник интересов казачьей части жителей Дона, заявляя, что землю надо поделить «промеж себя, казаков»¹. Сообщалось о его высокомерии и грубости в общении с простыми казаками, о его нежелании помочь шахтерам оружием. Подтелков непристойно вел себя в быту.

Некоторые неточности допущены были и в характеристике секретаря Донского казачьего военно-революционного комитета Михаила Кривошлыкова. Шолохов не сосредоточил внимания на его революционной деятельности. Оказавшись в плену субъективной оценки, данной Кривошлыкову мемуаристами, Шолохов рисует его как «мечтателя и поэта», заставляя подчас неуместно декламировать стихи. Такая характеристика определила и внешний облик Кривошлыкова — «узкоплечий, сухой, как подросток», юноша с детски ясными глазами, с «девичье-звонким и в то же время неярким голосом». Пользуясь сведениями о том, что Кривошлыков во время экспедиции в северные округа был тяжело болен малярией, Шолохов указывает на его пассивность, безучастность («Его трепала лихорадка, от хины звенело в ушах, голова, наченная болью, пылала», он «сидел, сторбясь», «мелко трясся, охваченный пароксизмом лихорадки», глаза его были затянуты «мутной пеленой» и т. д.).

Об исторической достоверности созданных Шолоховым образов Подтелкова и Кривошлыкова особенно много говорилось после опубликования в 1949 году письма И. В. Сталина к Феликсу Кону от 9 июля 1929 года, где при общей высокой оценке «Тихого Дона» указывалось,

¹ М. Шолохов, Тихий Дон, Гослитиздат, М., 1941, стр. 247.

На самом же деле Подтелков добивался полной передачи власти Советам не только казачьих, но и солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

что автор в изображении Подтелкова и Кривошлыкова допустил ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений¹. В 1953 году, готовя роман к новому изданию, Шолохов снял некоторые детали и штрихи, нарушавшие историческую достоверность образов Подтелкова и Кривошлыкова и придававшие им оттенок жертвенности и обреченности. Включая роман в собрание сочинений, писатель вернулся к этим образам, восстановив некоторые штрихи и сцены прежней редакции. В результате авторской доработки и правки характеристика Подтелкова и Кривошлыкова теперь более достоверна, хотя и не совсем полная. Шолохов сохранил некоторые вставки в историко-хроникальных главах.

Писатель объясняет смысл выступления Подтелкова перед народом на митинге в станице Каменской на другой день после организации ревкома. «Отцы и братья, я ни в какую партию не записан и не большевик. Я стремлюсь только к одному: к справедливости, к счастью, братскому союзу всех трудящихся, так, чтобы не было никакого гнета, чтобы не было кулаков, буржуев и богачей, чтобы всем свободно и привольно жилось... Большевики этого добиваются и за это борются. Большевики — это рабочие, такие же трудящиеся, как и мы, казаки. Только рабочие-большевики сознательнее нашего: нас в темноте держали, а они в городах лучше нашего научились жизнь понимать. Выходит, значит, что и я большевик...» (III, 238—239).

Обогатившись опытом работы над «Поднятой целиной», писатель по мере развертывания повествования в «Тихом Доне» выдвигал образы коммунистов на первый план, раскрывал их характеры в условиях непосредственной борьбы за Советскую власть, подчеркивал историческую правоту и большую человечность их дела. Многие из героев-коммунистов «Тихого Дона» гибнут в борьбе с контрреволюцией (Подтелков, Кривошлыков, Лагутин, Бунчук, Анна Погудко, Штокман, Котляров), но они никогда не утрачивают веры в дело революции, в светлое будущее народа. Писатель утверждает бессмертие тех идей, за которые они отдают жизнь. Это придает шолоховской эпопее оптимистическое звучание.

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 12, стр. 112.

5. Характеры русских женщин

Со страниц «Тихого Дона», как живые, встают образы русских женщин — смелой и гордой Аксиньи, кроткой и трудолюбивой Натальи, мудрой и величественной Ильиничны, юной и непосредственной Дуняшки. По силе, правдивости, глубине раскрытия внутреннего мира, переживаний и поступков женщины «Тихого Дона» не уступают женским образам, нарисованным русскими классиками.

Аксинья — женщина большого обаяния, пленительной внешней и внутренней красоты. У нее — «огнисто-черные глаза», жадные, пухловатые губы, «пушистые крупные кольца волос», налитые плечи, «мелкие пушистые завитки» на смуглой точеной шее. Она гордится своей вызывающе яркой, «манящей красотой». Но не бьющую в глаза красоту, а сильную, страстную, одухотворенную натуру, гордую сознанием человеческого достоинства, огромное внутреннее богатство Аксиньи, полноту и великую силу ее женской любви поэтизирует Шолохов.

С детства несчастна Аксинья, рано познавшая всю горечь рабского положения женщины в дореволюционное время. Жизнь с нелюбимым Степаном Астаховым была продолжением этой безрадостной доли. Выданная на поругание и побои, унижения и каторжный труд, она не хотела повиноваться самодурству мужа.

При первой встрече с Григорием у Дона, а затем во время рыбной ловли Аксинья отстраняет его ласки, страшится того упорства, с которым он заигрывает с ней. Но вскоре «с ужасом увидела она, что ее тянет к черному ласковому парню». Аксинью «пугало это новое, заполнявшее всю ее чувство...»

Не в силах сдержать своего чувства, Аксинья сама приходит к Григорию. С тех пор переродилась она. Любовь выпрямила Аксинью, она ходила, «людей не советясь и не таясь». «гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову» (II, 53).

Любовь к Григорию — единственное у Аксиньи средство протеста против пошлого и жестокого отношения к женщине. Она смела и последовательна в борьбе за право на любовь («За всю жизнь за горькую отлюблю! А там хучь убейте! Мой Гришка! Мой!»). Открыто и честно идет Аксинья за Григорием.

Она смело рвет путы старых отношений и через всю свою полную лишений и страданий жизнь пронесит единственно всепобеждающее чувство сильной, беспредельной любви к нему. Григорий был для нее «первый и последний» — «один на всем белом свете!» И в этом чувстве Аксинья была всегда искренна и правдива.

Решительность и большая сила воли сочетаются у Аксиньи с тонкостью и цельностью ее чувств, с человеческой чуткостью и добротой. Она с нежностью заботится о своей маленькой дочери и глубоко переживает ее смерть, лаской и материнской заботой подкупает Мишатку, а после гибели Натальи по-настоящему заменяет мать детям Григория. Безмерная сердечность и теплота сказываются в ее речи, полной уменьшительно-ласкательных слов («Мишатка», «детушки», «колосочек мой», «дружечка моя»). Резко меняется речь Аксиньи, когда она отстаивает Григория, борется за него, в порыве гнева не скупится на грубые слова, выражающие ее настойчивость и непреклонность.

Аксинья способна тонко и чутко воспринимать переживания людей, красоту окружающей ее жизни. Глубоко чувствует она прелесть природы. Наслаждаясь после тяжелой болезни вернувшейся к ней жизнью, Аксинья «испытывала огромное желание ко всему прикоснуться руками, все оглядеть. Ей хотелось потрогать почерневший от сырости смородиновый куст, прижаться щекой к ветке яблони, покрытой сизим бархатистым налетом...» (V, 298).

С мягким лиризмом говорит Шолохов о переживаниях начинающей стареть Аксиньи. Он сравнивает ее с одиноким, увядающим ландышем. «Ненасытно вдыхала многообразные запахи леса сидевшая неподвижно Аксинья. Исполненный чудесного и многоголосого звучания лес ожил могущественной первородной жизнью... Улыбаясь и беззвучно шевеля губами, она осторожно перебирала стебельки безыменных голубеньких скромных цветов, потом перегнулась полнеющим станом, чтобы понюхать, и вдруг уловила томительный и сладостный аромат ландыша. Пошарив руками, она нашла его. Он рос тут же, под непроницаемо-тенистым кустом. Широкие, некогда зеленые листья все еще ревниво берегли от солнца низкорослый горбатый стебелек, увенчанный снежно-белыми пониклыми чашечками цветов. Но умирали покрытые росой и желтой ржавчиной листья, да и самого цветка уже кос-

нулся смертный тлен: две нижних чашечки сморщились и почернели, лишь верхушка — вся в искрящихся слезинках росы — вдруг вспыхнула под солнцем слепящей пленительной белизной» (V, 15—16).

Сквозь слезы рассматривает Аксинья умирающий, но вдруг вспыхнувший под солнцем прекрасный цветок. Она вдыхает грустный запах ландыша, видит, что и самого цветка коснулся смертный тлен, и это напоминает ей собственную молодость, всю ее долгую и бедную радостями жизнь. В слезах, схоронив в ладонях заплаканное лицо, уснула Аксинья. И писатель размышляет о ее судьбе, о жизни много испытавшей, начинающей отцветать женщины: «Что ж, стара, видно, стала Аксинья... Станет ли женщина смолоду плакать оттого, что за сердце схватит случайное воспоминание?» (V, 16).

Заметные перемены подмечает писатель и во внешнем облике Аксиньи. Перед новой встречей с Григорием она «долго взволнованно рассматривала свое постаревшее, но все еще прекрасное лицо». В нем была все та же «манящая красота, но осень жизни уже кинула блеклые краски на щеки, пожелтила веки, впряла в черные волосы редкие паутинки седины, притушила глаза. Из них уже глядела скорбная усталость» (IV, 329).

Аксинья по-своему искала пути к лучшей жизни. Она была далека от участия в развернувшихся революционных событиях, но ее судьба зависела от их исхода. Жадно тянулась к свободе эта сильная характером и великая в своих чувствах русская женщина. Ради свободы она готова была в любое время пожертвовать покоем, хозяйством, уйти из родных мест «хучь на край света». Но Аксинья ослеплена своей любовью, в этом ее ограниченность, порожденная теми условиями, в которых она выросла. Аксинья не только живет вне общественных интересов, но и не знает иных путей борьбы за свое счастье, за человеческое отношение к женщине, кроме искренности и последовательности в любви к Григорию, самозабвенной преданности ему, веры в него. Для нее «ничего не существовало, кроме Григория», «мир умирал для нее, когда Григорий отсутствовал, и возрождался заново, когда он был около нее». Не интересуясь, за что борется Григорий, Аксинья слепо идет за ним, думает только о нем, любит только его: «И о чем бы ни думала, что бы ни делала, всегда неизменно, неотрывно в думках

своих была около Григория. Так ходит по кругу в чигире слепая лошадь, вращая вокруг оси поливальное колесо...» (IV, 329).

С нарастанием напряжения в народной борьбе Аксинья, все больше проникалась тревогой за судьбу человека, с которым связала жизнь, свои надежды на счастье. Все невзгоды она разделяет с Григорием. В поисках «своей доли» Аксинья безрассудно идет с ним в неизвестность, которая манила ее «призрачным счастьем».

Бежав из банды Фомина, ночью, крадучись, приезжает Григорий в родной хутор, чтобы увести с собой Аксинью, скрыться на Кубани. Не задумываясь ни о чем, она снова соглашается делить с ним все невзгоды: «Поеду, Гришенька, родненький мой! Пеши пойду, поползу следом за тобой, а одна больше не останусь! Нету мне без тебя жизни... Лучше убей, но не бросай опять!..» (V, 481). Она честно признается, что тоска о нем «скрутила» ее: «Видишь, какая я... свистнул, как собачонке, и побежала за тобой» (V, 483). И сама не сознавая, куда и зачем она идет, что ожидает ее впереди, Аксинья признается, что готова идти с Григорием «хоть на смерть». Много слез пролила Аксинья бессонными ночами, но теперь Григорий «снова был с нею», и потому с губ «все время не сходила тихая улыбка», «радостно светились глаза», «сегодня весь мир казался ей ликующим и светлым, словно после благодатного летнего ливня» (V, 485).

Аксинья и на этот раз верит, что найдет «свою долю» с любимым ею «несчастливым человеком» и с этой верой трагически гибнет в пути.

Жизнь Натальи, так же как Аксиньи, трагична и изуродована. Наталья — женщина большой нравственной чистоты и глубокого, скрытого чувства. Она нежно любила Григория, еще невестой разглядывала его «влюбленными глазами», с нетерпением высчитывала дни, оставшиеся до свадьбы. Провожая жениха, Наталья «смотрела ему в след со слезами взволнованной радости», ощущая «стремительное биение сердца». Обычно застенчивая и робкая, она настаивала на своем, когда родители поначалу противились ее замужеству. Но жизнь с Григорием не оправдала ее радостных ожиданий. Она все больше убеждалась в равнодушии к ней Григория, в большой любви его к Аксинье. И когда Григорий честно признается: «Не люблю я тебя, Наташка, ты не

гневайся...», она молчаливо и одиноко переживает свое горе, заметно исхудала, «в глазах появилось что-то новое, жалкое» (II, 155).

Писатель подчеркивает целомудренную сдержанность и беззаветность ее чувства к Григорию, покоряющую скорбь и печаль во всем ее «сияющем какой-то чистой внутренней красотой» облике, обращая особое внимание на ее «скорбные глаза», «печальные глаза». При виде Григория «глаза ее вспыхнули... ярким брызжущим светом радости», «лучились... сияющей трепетной теплотой». Скромная и сдержанная Наталья стыдится проявления своих чувств на людях, застенчиво скрывает их от чужих глаз.

Бесконечно верная Григорию и бескорыстная в любви к нему, Наталья своей нравственной чистотой, большим человеческим обаянием привлекает к себе всю семью Мелеховых. Всем щедрым сердцем заботится она о людях, сама же одиноко переживает несчастье нелюбимой жены. В тяжелом ежедневном труде находит она забвение. Наталья еще в большей мере, чем Аксинья, женщина-труженица, и Шолохов поэтизирует ее исключительное трудолюбие, способность легко и вдохновенно отдавать свои силы работе, не жалея своих «больших, рабочих рук».

Не познав радости в любви, Наталья нашла счастье в материнстве. После рождения Мишатки и Полюшки «расцвела и похорошела она диковинно» (III, 274). Горделивой радостью светилось ее зарумянившееся лицо, когда показывала Григорию детей. Счастливая мать, она отдает всю свою неистраченную ласку детям. Наталья-мать покоряет и Григория своей «чистой внутренней красотой». «Могучая волна нежности» заливают его сердце. Никогда не баловал он жену лаской и сейчас не нашел теплого слова, «молча притянув ее к себе, поцеловал белый покатый лоб и скорбные глаза» (V, 73).

Долго мирилась Наталья с положением нелюбимой жены. Надломленная и оскорбленная в своих лучших чувствах, она во время страшной грозы в степи прокликает мужа, искалечившего всю ее жизнь. Параллель между ее состоянием и состоянием природы с трагической силой передает душевную травму Натальи, которая, «молитвенно сложив мокрые от слез ладони» и обезумев от горя, просила смерти Григорию:

— Господи! Всю душеньку мою он вымотал! Нету больше силы так жить! Господи, накажи его, проклятого! Срази его там насмерть! Чтобы больше не жил он, не мучил меня!..

Черная клубящаяся туча ползла с востока. Глухо грохотал гром. Пронизывая круглые облачные вершины, извиваясь, скользила по небу жгуче-белая молния. Ветер клонил на запад ропщущие травы, нес со шляха горькую пыль, почти до самой земли пригибал отягощенные семечками шляпки подсолнухов.

Ветер трепал раскосмаченные волосы Натальи, сушил ее мокрое лицо, обвивал вокруг ног широкий подол серой будничной юбки.

Несколько секунд Ильинична с суеверным ужасом смотрела на сноху. На фоне вставшей в полнеба черной грозовой тучи она казалась ей незнакомой и страшной.

Стремительно находил дождь. Предгрозовая тишина стояла недолго. Тревожно заверещал косо снижавшийся копчик, в последний раз свистнул возле норы суслик, густой ветер ударил в лицо Ильиничны мелкой песчаной пылью, с воем полетел по степи...

— Господи, покарай его! Господи, накажи! — выкрикивала Наталья, устремив обезумевшие глаза туда, где величаво и дико громоздились тучи, вздыбленные вихрем, озаряемые слепящими вспышками молний.

Над степью с сухим треском ударил гром. Охваченная страхом, Ильинична перекрестилась... (V, 157—158).

Сильная характером, Наталья порывает с безропотной покорностью и властно заявляет о своем праве на яркую, настоящую жизнь. Но не зная, как бороться за нее, она губит себя.

В последние дни, перед смертью, со всей силой проявляется и величие ее духа, и мужество, и самозабвенная любовь, и нравственная чистота. Умирая, Наталья просит одеть ее в ту зеленую юбку, которую любил видеть на ней Григорий, передает Мишатке последнее завещание: «Приедет отец — поцелуй его за меня и скажи ему, чтобы он жалел вас» (V, 176). Несмотря на тяжкое горе, обиды и унижения, связанные с их жизнью, Наталья перед смертью прощает Григорию все.

Легкомысленная, цинично-кокетливая Дарья не может протестовать так, как протестуют Аксинья и Наталья. Гибкая, красивая, с черными дугами подкрашенных бро-

вей, она была лишена внутренней красоты, духовной чистоты. Дарья грубо приспособилась к нравам старого мира и погибла вместе с ним.

Лишь одной Дуняшке, которая жадно тянется к новому, связывает свою жизнь с Кошевым, суждено встретить новую жизнь.

Незабываем образ матери Григория — Ильиничны. Ее жизнь была бедна радостями, много в ней оказалось тяжелого и горестного. Вспоминая об этом, Ильинична рассказывает Наталье: «А меня идол мой хромоногий смолоду до смерти убивал, да ни за что ни про что; вины моей перед ним нисколько не было. Сам паскудничал, а на мне зло срывал. Придет, бывало, на заре, закричу горькими слезами, попрекну его, ну он и даст кулакам волю... По месяцу вся синяя, как железо, ходила, а ить выжила же и детей воскормила и из дому ни разу не счинаясь уходить» (V, 159). Перед смертью Ильинична вспоминает опаленную солнцем августовскую степь, «увидела и себя — молодую, рослую, красивую». «Обветренные губы ее дрожат и улыбаются, когда она достает из подвешенной к арбе люльки крохотного смуглого Гришатку», торопливо дает ему грудь, шепчет: «Милый ты мой, сыночек! Расхорош ты мой! Уморила тебя с голоду мать...» (V, 329).

Вечная труженица, «мудрая и мужественная старуха», с руками, загрубелыми от многолетней работы, с лицом, «сплошь опутанным паутиной морщин», Ильинична, несмотря на суровую жизнь с доходившим до беспмятства в своей жестокости мужем, сохранила и через все горести и тяготы пронесла нравственную чистоту и природную мудрость, сердечную чуткость и проницательность. В любви к людям, честности и мужестве она воспитывала и своих детей. Даже для Пантелея Прокофьевича Ильинична была большим моральным авторитетом. Будучи неграмотной, материнским чутьем она поняла, что Григорий идет не той дорогой. Провожая сына, крестя и целуя его, она напутствует: «Слухом пользовались мы, что ты каких-то матросов порубил... Господи! Да ты, Гришенька, опамятуйся! У тебя ить вон, гля, какие дети растут, и у энтих, загубленных тобой, тоже, небось, детки поостались... Ну, как же так можно? В измальстве какой ты был ласковый да желанный, а зараз так и живешь со сдвинутыми бровями. У тебя уж, гляди-кось,

сердце как волчиное исделалось... Послухай матерю, Гришенька!» (IV, 332—333).

Исключительная пронизательность и человечность простой женщины-крестьянки возвеличивает ее в глазах читателя. Ильинична сурова к «истому супостату», «казнителю» Митьке Коршунову. Она решительно осуждает Дарью за беззаботную жизнь, за циничное, нечистоплотное поведение, с брезгливостью относится к снохе, особенно после убийства ею Котлярова.

Война, все чаще навеваясь в мелеховский курень, разрушила семью, надломилась и преждевременно состарила Ильиничну, заставила ее испытать слишком много горя. Лишившись за короткое время самых близких людей, Ильинична жила теперь только надеждами на возвращение «младшенького». Именно здесь и обнажается чуткое и великое в любви к детям сердце труженицы-матери. Она каждую секунду ждет «Гришеньку», тоскуя, достает его одежду и вешает на видном месте. Ей кажется, что от этого он скорее будет с нею, в родном доме. Совсем уже больная, она вышла однажды на гумно, «долго смотрела в сумеречную степную синь, а потом негромко, как будто он стоял тут же возле нее, позвала: «Гришенька! Роденький мой!» — Помолчала и уже другим, низким и глухим голосом сказала: «Кровинушка моя...» (V, 330).

Ильинична — это простая русская крестьянка, женщина большого сердца, кристальной чистоты и трогательной человечности.

С проникновением в психологию, в сложные внутренние переживания и настроения рисует Шолохов образы матерей Бунчука, Кошевого, проносащих через всю жизнь всепоглощающую любовь к детям. Большим душевным волнением, глубоким лиризмом пронизано авторское отступление о матерях, потерявших своих сыновей в огне жестоких битв. «И где-либо в Московской или Вятской губернии, в каком-нибудь затерянном селе великой Советской России мать красноармейца, получив извещение о том, что сын «погиб в борьбе с белогвардейщиной за освобождение трудового народа от ига помещиков и капиталистов...» — запричитает, заплачет... Горючей тоской оденется материнское сердце, слезами изойдут тусклые глаза, и каждодневно, всегда, до смерти будет вспоминать того, которого некогда носила в утробе, родила в

крови и бабьих мужах, который пал от вражьей руки где-то в безвестной Донщине...» (IV, 293) — говорить так о матери может только художник, вышедший из народа, кровными узами связанный с ним.

6. Народная эпопея

«...«Тихий Дон» по языку, сердечности, человечности, пластичности — произведение общерусское, национальное, народное»¹. Так определил А. Н. Толстой значение эпопеи Шолохова, ее место в жизни нашего народа и в литературе. Он указывал, что Шолохов «рожден Октябрем и создан советской эпохой».

В «Тихом Доне» Шолохов отразил крушение старого и рождение нового, социалистического мира. Революция изображена писателем в героических и трагических ситуациях народной борьбы. Шолохов выступил в «Тихом Доне» как крупнейший художник-реалист. Он художественно самобытно осмыслил революционную ломку жизни, исторически глубоко вскрыл жизненные противоречия, изобразил с позиций социалистического идеала судьбы народных масс в революции.

В основе «Тихого Дона» — острый конфликт: борьба непримиримых социальных сил. Рисуя большие революционные события, писатель тесно связывает с ними судьбы героев, индивидуализирует их характеры, представляет изображаемую эпоху в разнообразии человеческих типов. В отборе и типизации жизненных явлений и характеров, в идее неизбежной победы социализма, пронизывающей повествование, художественно зрело проявилась партийность и народность советского писателя, его устремления, его общественные и эстетические идеалы.

«Тихий Дон» — произведение народное и по форме и по содержанию. Шолохов рисует народные характеры, воплощая в них высокую гуманистическую мысль о духовной красоте людей труда. Писатель вскрывает всю глубину их чувств, высокую моральную цельность. В революционном народе он видит возвышенно прекрасное, подлинно героическое. Шолохов изображает народные

¹ А. Н. Толстой, Четверть века советской литературы, изд. «Советский писатель», М., 1943, стр. 20.

массы в процессе труда и борьбы, поэтизирует труд простого народа, утверждает его эстетическую ценность.

Советская литература обогатилась типическими характерами Григория Мелехова и Аксиньи Астаховой, Пантелея Прокофьевича и Ильиничны, Натальи и Дуняшки, Михаила Кошечего и Ивана Алексеевича Котлярова, Прохора Зыкова и Степана Астахова и галереей других образов людей из народа. Шолохов создал сильные и неповторимые человеческие характеры и населил ими мир, сделал его богаче.

Герои «Тихого Дона» воспринимаются как живые люди со своим, не похожим на других лицом, со своими привычками, достоинствами и слабостями. По словам Серафимовича, герои Шолохова «не нарисованные, не выписанные, — это не на бумаге», они «вывалились живой сверкающей толпой, и у каждого свой нос, свои глаза с лучиками в углах, свой говор. Каждый по-своему ходит, поворачивает голову».

Портретная характеристика у Шолохова не есть нечто застывшее, раз навсегда данное. Писатель тщательно прослеживает, как меняется внешность героев в связи с движением времени, с развитием действия, заставляет читателя почувствовать и увидеть все, что скрывается за этими переменами, что происходит в душе героев. Во внешности героев Шолохов всегда умеет выделить то, что присуще только им, найти важную, определяющую деталь. И писатель особенно часто ее повторяет. Портретная деталь соотносится с психологическим состоянием героя, с поведением в данное время, с особенностями его внутреннего мира, с внешним его проявлением. Отсюда — большая психологизация шолоховских портретных характеристик.

Мастерство Шолохова в раскрытии психологии человека, душевного богатства народа сплетается в «Тихом Доне» с проникновением в мир природы, драматизм повествования с лиричностью, трагические ситуации с юмористическими сценами. Автор не только населил мир живыми человеческими характерами, он создал для них неповторимое, шолоховское окружение, со своими запахами, красками и звуками; ту бурную кипучую жизнь, без которой и вне которой герои «Тихого Дона» не могли бы восприниматься как реальные типы.

Большой мастер пейзажа, Шолохов использует его в самых различных целях. В начале романа еще встречаются неразвернутые пейзажи — описания хуторского быта. Нередко в них проникают натуралистические краски. С ростом мастерства художника пейзажи приобретают большую эмоциональную окраску. Особенно характерны для Шолохова сопоставления между жизнью природы и скрытыми переживаниями человека. Подобные параллели в сильной мере определяют своеобразие авторского стиля, служат важным средством раскрытия диалектики души, сложных связей героев «Тихого Дона» с окружающим миром, полны широких философских раздумий автора над жизнью, над судьбами героев. Иные пейзажные описания выливаются в проникновенные лирические отступления. Автор не может сдерживать своих чувств и переживаний. Он живет народной жизнью, дышит одним воздухом со своими героями, активно участвует вместе с ними в развертывающихся событиях, верит во всепобеждающие силы народа, в неистребимость жизни на земле.

Шолохов пришел в литературу со своим видением мира, со своим поэтически свежим восприятием его. Эта свежесть и самобытность взгляда на мир определили своеобразие поэтики его письма. Эмоционально-смысловая насыщенность образов, красочная метафорическая речь писателя тесно связаны с народной образностью, с основными средствами художественной выразительности устной народной поэзии. Шолохов охотно прибегает к сложным эпитетам, смысловым повторам, единоначатиям, развернутым сравнениям и параллелям. Поэтизация трудовой народной жизни накладывает серьезный отпечаток на всю языковую структуру романа.

Часто писатель обращается к образам из крестьянского обихода, трудовой жизни народа (шрам, «перепавшая щеку, зарывался в кудели волос», «солнце насквозь пронизывало седой каракуль туч», молния «наискось распахла взбугренную черноземно-черную тучу» и т. д.). Нередко Шолохов переносит то, что связано с верным другом казака, конем, на аналогичные явления из жизни людей и природы («ветер гриватил волны», «по небу заджигитовала молния», «время заплетало дни, как ветер конскую гриву» и т. д.). Особенно в последней книге романа автор широко использует скрытые сравнения

(«Солнце приметно порыжело, слиняла на нем немощно-желтая окраска. Остья солнечных лучей стали ворсистой и уже покалывали теплом»).

Языковое мастерство Шолохова крепло и совершенствовалось в процессе работы над эпопеей. Писатель добивался максимальной художественной емкости, простоты, точности слова. В первых книгах «Тихого Дона» Шолохов далеко не полностью освободился от изощренной ложной красоты, а подчас и от натуралистичности образов. Он еще был склонен изобретать необычные, вычурные сравнения, употреблял столь же необычные эпитеты и усложненные метафоры («болтался в синеватой белеси неба солнечный желток»; «наступая на подол лету листопадом шуршала осень»; «ласковая тишина паслась на лугу»; улица «была наголо вылизана безлюдием и т. д.»). Такие «образы» исчезают в третьей книге. Шолохов достигает отточенности, выразительности всех художественных средств. В первой книге писатель часто перегружал и засорял речь героев, а иногда даже и авторскую речь диалектизмами, допускал отступления от языковых норм. Вот некоторые примеры из речи Христови: «сумнение», «покель», «бузовать», «захрясла», «могет», «уйтить» «каждому», «патрет», «ослобонили», «вынает» и т. д.

На качество языка Шолохов обратил особое внимание не только в работе над окончанием «Тихого Дона»; начиная с 1933 года, при редактировании первых книг, писатель решительно освобождал авторскую речь от диалектизмов и провинциализмов (например, вместо «посапливая» — «посапывая», «покедова» — «покуда», «брунжали» — «гудели», «зачикиляла растерянность» — «скользнула растерянность» и т. д.), вычеркивал из речи персонажей вульгаризмы, придавал ряду слов вместо фонетического морфологического написание, устранял стилистические погрешности, опускал усложненные метафоры («Ветер шуршал, перелистывая зеленые страницы подсолнечных листьев»; «Ставни дома наглухо стиснули голубые челюсти» и т. д.), напыщенно витиеватые сравнения («На востоке вспыхивали сполохи, словно кто-то неведомо большой изредка смежал оранжевые трепещущие ресницы»).

Много поправок делается с целью уточнения смысла слов: «Весь день она зло высмеивала Григория, глядела на него ненавидящими (ненавистными)

глазами»; «Пожилая плоскогрудая хозяйка для вида обмахнула табуреты (смахнула с табуретов пыль, которой не было)»; «Твердым, во всю ступню волчьим (вольным) шагом прошел сутулый Каледин». Язык романа освобождается от повторений, от лишних слов: «мерклые зрачки (глаз)», «дыша на сложенные ладони (рук)», «испуганно зевнул (ртом)» и т. д. Шолохов избегает стечения предлогов и местоимений, укорачивает фразы, заменяет причастный оборот конструкцией со спрягаемой формой глагола, изменяет порядок слов в предложении.

От редакции к редакции возрастали требования писателя к языку художественного произведения. Подготавливая в 1953 году новое издание «Тихого Дона», Шолохов проделал более значительную, чем в прошлом, работу над языком, устраняя проявления языковых исканий, имевших место в советской литературе в годы создания первых книг романа, освобождаясь от областных слов и просторечных выражений. Особенно много исправлений Шолохов внес в авторский язык первых двух книг «Тихого Дона» («гутарили» — толковали, «зачикилял» — захромал, «хлобыстнул» — ударил, «проплюхал к окну» — подошел к окну, «жмякнула» — положила, «ожерёлок рубахи» — ворот рубахи, «огарновали» — окружили, «загинает» — погибает, «ощерялись» — улыбались, «жиганула» — обожгла, «расхлебенил» — раскрыл; «зиркала» — глядела, «взгальная» — бешеная, «мельтешились» — мелькали, «байбаки» — весла, «хитнулся» — покáчнулся, ««цвиркнул» — сплюнул, «мордовали лошадей» — истязали лошадей, «турсучил» — теребил, «людская томаша» — людская толчая, «высточить» — выставить, «перехилившись» — перегнувшись и т. д.). Значительную работу проделал Шолохов и над языком персонажей («кубыть» — будто, «ажник» — аж, «посля» — после, «подовздел» — поддел, «будя» — будет, «увидют» — увидят, «могет» — может, «ишо» — ещё, «ить» — ведь, «покеда, покель» — покуда, «хуть» — хоть, «зараз» — сейчас, «гребилось» — хотелось, «слухменная» — послушная, «уйтить» — уйти, «друзьев», — друзей, «в девках кулюкают» — в девках сидят, «жалкую» — жалею, «опосля» — потом, «забрухает» — запрет, «встомашились» — всполошились, «не почунеется» — не поправится, «телешами едем» — голые едем, «отселя» — отсюда и т. д.).

Обложка одного из первых изданий романа «Тихий Дон».

Однако в ряде случаев исправления, внесенные в издание 1953 года, обедняли шолоховский язык, лишали сочности и выразительности, особенно речь персонажей. Включая «Тихий Дон» в собрание сочинений, Шолохов отказался от многих исправлений и вернулся к старому тексту.

«Тихим Доном» Шолохов внес значительный вклад в литературу социалистического реализма. С каждым годом растет количество книг, так или иначе испытавших влияние шолоховского мастерства: «Над Кубанью» А. Первенцева, «Казачи» Д. Петрова-Бирюка, «Белая бе-

реза» М. Бубеннова, «Даурия» К. Седых, «Искры» Н. Соколова.

«Тихий Дон» переведен на многие языки мира. Его читают во Франции и Англии, Италии и Дании, Индии и Португалии, Испании и Америке, Швеции и Японии. «Тихий Дон» способствует развитию передовой прогрессивной литературы.

Особенно большое влияние «Тихий Дон» оказывает на молодую литературу стран народной демократии. Эпопея Шолохова пользуется большой популярностью в Китае и Болгарии, Чехословакии и Польше, Венгрии и Албании. Румынская печать так оценила значение «Тихого Дона»: «Эта книга; читаемая и любимая миллионами людей во всем мире, способна не только направить развитие литературы, но и изменить сознание людей»¹. И «Тихий Дон» — книга-спутник многих честных людей во всем мире, действительно участвует в формировании сознания наших современников, в распространении морали нашего социалистического общества.

Рассматривая книги «Тихого Дона» как «серьезное отражение подлинной жизни», Горький указывал, что «с книжками Шолохова толковые люди Европы считаются, как с самой действительностью»².

Когда за рубежом появились переводы заключительной части «Тихого Дона», он единодушно был признан лучшей книгой времени. Прогрессивный американский критик Самуэль Силлен писал, что «Тихий Дон» — «монументальный литературный труд, чья красота, широта и сила изображения должны быть прославлены всюду, где любят хорошую литературу. Роман Шолохова — страстное превозношение художником той веры в свободную и красивую жизнь, которая объединила народы его страны в нерушимое единство социализма». По мнению критика, «Тихий Дон» Шолохова помогает уяснить характерные черты искусства социалистического реализма. «Шолохов — хороший марксист, — пишет Самуэль Силлен, — он изображает все без исключения характеры с одинаково превосходным проникновением как в их недостатки, так и в их силу. Ибо правдивое изображение жизни людей во всем ее многообразии и есть суть социа-

¹ «Литературная газета», 1949, № 90, стр. 4.

² Л П а с ы н к о в, Читатели Шолохова, «Знамя», 1955, № 5, стр. 154.

листического реализма». Сравнивая Шолохова с Л. Толстым, «Войну и мир», с «Тихим Доном», критик продолжал: «Оба писателя раскрывают изумительно широкую галерею человеческих типов, представляющих различные социальные слои общества, людей различных убеждений и темпераментов... Если роман Толстого является вершиной прогрессивного искусства XIX века, то роман Шолохова показывает новые горизонты, открывшиеся в современную нам эпоху»¹. Другой зарубежный критик называет «Тихий Дон» величайшим из всех романов, написанных о русской революции, и подчеркивает, что у Шолохова есть «чувство народа, что довольно редко встречается в литературе какой-либо другой страны, кроме России»².

Советские читатели встретили «Тихий Дон» восторженно, с восхищением, а его автора уже в дни окончания этого романа называли «гордостью советской литературы», «великим писателем земли русской».

¹ «Интернациональная литература», 1941, № 11—12, стр. 327.

² Там же, стр. 328.

Глава III.

«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

1. Как создавался роман

Первая книга «Поднятой целины» вышла в свет в 1932 году, одновременно с третьей книгой «Тихого Дона». Всем содержанием нового романа писатель наглядно показывал те громадные перемены, которые произошли в народе, за годы, отделяющие события, описанные в «Тихом Доне», от событий, воссозданных в «Поднятой целине». За это время страна шагнула далеко вперед по пути социалистического преобразования. Сильно изменились люди в частности трудящиеся массы донского казачества, прочно связавшие свою судьбу с Советской властью.

Во всех областях деятельности народа шла борьба за новую жизнь, в процессе которой крепла энергия и пробуждалась творческая инициатива масс, менялись взгляды и психология людей, ширился их идейный кругозор, рождались новые чувства и отношения.

Советская литература становилась на путь все более широкого охвата бурно развернувшегося преобразования страны. М. Горький публикует очерки и статьи об успехах социалистического созидания; В. Маяковский пишет поэму о пятилетке, выступает со стихами, в которых славит участников борьбы за социализм; Н. Погодин и А. Безымянный создают пьесы о событиях современности. Успехи социалистического строительства широко отмечает Л. Леонов в романе «Соть» (1930). В это же время создают «Гидроцентральный» М. Шагинян и «Большой

конвейер» Я. Ильин. Увлеченный пафосом социалистической индустриализации В. Катаев едет на Урал и в 1932 году печатает роман «Время вперед!» К изображению успехов социализма обращается И. Эренбург, А. Малышкин и другие писатели.

Широкое отражение в литературе находят и процессы, происходившие в то время в деревне. Советские писатели создали ряд значительных произведений о советской деревне этих лет, передали в своих книгах напряженность классовой борьбы в деревне в первые годы после победы Октябрьской революции, глубокие сдвиги в быту и сознании крестьянства, обусловленные успехами социализма.

В 20-х годах А. Неверов («Гуси-лебеди» и «Андрон Непутевый») и Л. Сейфуллина («Виринея» и «Перегной») показали массовый переход трудового крестьянства на сторону Советской власти. С яркими стихами о преобразовании деревни выступил Д. Бедный. Новый быт советского крестьянина взволнованно воспел А. Жаров в поэме «Гармонь» (1926). М. Исаковский выступил со сборником стихотворений «Провода в соломе» (1927), пронизанным пафосом социалистического строительства на селе. Высоко оценивая поэзию Исаковского, Горький считал, что он «тот новый человек, который знает, что город и деревня — две силы, которые отдельно одна от другой существовать не могут, и знает, что для них пришла пора слиться в одну, необоримую творческую силу, — слиться так плотно, как до сей поры силы эти никогда и нигде не сливались»¹.

Одним из первых пропагандистов колхозной жизни был в литературе Ф. Панферов. В те годы, когда колхозы существовали еще в виде маленьких островков, затерявшихся в необъятном океане единоличных крестьянских хозяйств, он в очерках «В предутреннюю рань» (1927), «На реке Цне» (1927) и других горячо доказывал преимущество коллективных хозяйств, рисовал духовный рост крестьян, объединившихся в большие производственные коллективы.

А. Караваяева посвятила роман «Лесозавод» (1928) показу той громадной роли, которую сыграла социалистическая индустриализация страны в жизни советского

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 24, Гослитиздат, М., 1953, стр. 312.

крестьянства, в приобщении его к строительству социализма. К. Горбунов в романе «Ледолом» (1929) одним из первых в нашей литературе показал наступление Советской власти на кулачество в годы восстановления страны; выдвинул на первый план образы новых людей, советское крестьянство, которое, осуществляя политику ограничения и вытеснения кулака, подготавливает условия для ликвидации его как класса. К новым людям принадлежит бывший красноармеец, пастух Гасилин, беднячка Анка. Они учатся у рабочего класса, проникаются сознанием необходимости бороться с кулачеством до конца.

Высоко оценивая роман К. Горбунова как произведение, от которого «веет духом бодрости, уверенностью в победе», М. Горький обратил особое внимание на то, что молодому писателю удалось изобразить новых людей, «вызванных к жизни для того, чтоб бороться против звериного сопротивления не способных к новым формам хозяйства, не способных к приятию культуры»¹.

Год великого перелома был переломным и для советской литературы. Подготовленные всем предшествующим развитием литературы к изображению коллективизации, советские писатели значительно глубже выразили в книгах этих лет сущность и пафос революционных событий, происшедших в стране. П. Замойский обращается к работе над многотомным романом «Лапти». В. Ставский создает книгу очерков «Станица» (1929) и повесть «Разбег» (1930) и на примере кубанских станиц показывает назревающую необходимость ликвидации кулачества и перехода к сплошной коллективизации. Писателю удалось, особенно в повести «Разбег», создать образ крестьянской массы, подчеркнуть рост ее политической активности, переход к решительной борьбе с кулаком.

Рисуя образы казаков-середняков, В. Ставский, впервые в советской литературе обратился к углубленному изображению психологии середняка и проследил преодоление им собственнических интересов, тягу к коллективному труду. В изображении врагов колхозного строя, перешедших к новой тактике, к «тихой сапе», писатель, однако, не преодолел плакатности и схематичности.

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 25, Гослитиздат, М., 1953, стр. 68—69.

Один за другим выходят три романа Е. Пермитина о социалистической перестройке деревни на Алтае. В романе «Когти» (1928) писатель рисует лишь начало колхозного строительства, а в романе «Капкан» (1930) — развитие классовой борьбы в связи с созданием колхоза, непримиримость классовых интересов, с одной стороны, кулачества и, с другой — бедноты и середняцких масс, которые преодолевают мелкособственнические начала и идут в колхоз. В романе «Враг» (1933) на первом плане борьба крестьянства с хитрым, коварным врагом колхозного строя — кулачеством. Пафосом ненависти к кулакам пронизана и повесть И. Шухова «Ненависть» (1931).

Наиболее ярко основные этапы колхозного движения от его начала до полного торжества раскрыл Ф. Панферов в четырёхтомном романе «Бруски» (1928—1937). Писатель резко противопоставил колхозную жизнь нищенскому существованию мелких собственников, подчеркнул расцвет творческих возможностей крестьянина, вступившего в колхоз, преимущества коллективного хозяйства.

Ф. Панферову удалось показать, что размах колхозного движения вызвал обострение классовой борьбы в деревне, усиление сопротивления кулачества (Плакушев, Чухляв) и активизацию контрреволюционных элементов (Жарков, Лемм), пытавшихся сорвать коллективизацию. Ф. Панферов раскрывает в романе рост влияния партии на крестьянские массы, громадную роль города в преобразовании сельского хозяйства.

Прослеживая пути крестьянства к новой жизни, советские писатели достигли известных успехов. Однако важные проблемы современной действительности далеко не во всех книгах получали исторически глубокую и художественно полноценную разработку. В романах, вышедших в свет до «Поднятой целины», оторванно, изолированно изображались основные, тесно связанные между собой особенности революционного переворота в деревне: или инициатива партии, или активность народных масс в коллективизации. В первом случае, как уже отмечалось в критике, коммунисты выглядели оторванными от народа, лишёнными его поддержки, во втором — руководящая роль партии и рабочего класса в коллективизации раскрывалась поверхностно.

Опираясь на глубокое знание жизни, на опыт предшествующей литературы о советской деревне, Шолохову

удалось создать книгу, которая стала классическим произведением социалистического реализма о коллективизации советской деревни.

В те дни, когда социализм наступал по всему фронту, когда партия перешла к политике ликвидации кулачества как класса, уничтожая последние экономические связи капитализма в деревне, когда трудящиеся крестьяне массами пошли в колхоз, на «тихом Дону», там, где совсем недавно отгремели самые суровые бои с контрреволюцией, классовая борьба приняла, как и во всей стране, другие формы и вспыхнула с новой силой.

Шолохов положил в основу романа подлинно исторические события.

«Я писал «Поднятую целину», — рассказывает Шолохов, — по горячим следам, в 1930 году, когда еще были свежи воспоминания о событиях, происходивших в деревне и коренным образом перевернувших ее: ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация, массовое движение крестьянства в колхозы»¹.

Величайшее идейно-художественное значение «Поднятой целины» — лучшего литературного памятника эпохи коллективизации — заключается в том, что в бурных событиях первой половины 1930 года, охвативших один из хуторов «Тихого Дона», Шолохов типизировал сущность процессов, происходивших в советской деревне этих лет, раскрыл существенные черты и особенности глубочайшего революционного переворота, равнозначного по своим последствиям великому Октябрю.

Шолохов непосредственно участвовал в коллективизации, в создании первого тракторного отряда на Верхнем Дону, проводил целые дни в поездках по району, старался глубже вникнуть в жизнь только что созданных колхозов, боролся с перегибами, выступал со статьями в районной газете. В очерке «Бригадир Грачев», рассказывая о героизме тружеников сельского хозяйства, Шолохов писал: «Грачев понял и крепко решил, что к старому, к единоличному нет возврата, так же, как нет возврата от трактора к быку... Грачевых — этих подлинных героев нашего времени — миллионы. Будущее принадлежит им»².

¹ «Молот» от 8 октября 1934 г., Ростов-на-Дону, № 4004, стр. 3.

² М. Шолохов, Бригадир Грачев, «Большевицкий Дон», стан. Вешенская, от 7 ноября 1931 г., № 134, стр. 4.

Глубокое знание народной жизни, тесная связь и постоянное общение с народом помогали Шолохову в создании типических и четко индивидуализированных характеров людей из народа.

В ноябре 1929 года партия решила направить в деревню двадцать пять тысяч рабочих. Имея большой организационно-политический опыт, они встали во главе колхозов и машинно-тракторных станций, явились лучшими пропагандистами колхозного движения. XVI съезд партии (1930) указывал, что многие из двадцатипяти тысячников «уже успели проявить себя превосходными организаторами колхозного хозяйства и завоевали авторитет среди колхозников»¹.

Еще в годы создания «Тихого Дона» Шолохов пристально изучал жизнь рабочего класса, встречался с ростовскими рабочими, переписывался с ленинградскими металлистами. Вскоре пришлось писателю наблюдать их работу в Вешенском районе.

В январе 1930 года в Вешенскую прибыл двадцатипяти тысячник Андрей Плоткин и стал председателем колхоза в хуторе Лебяжьем. Служил он до того во флоте, носил тельняшку, а на руке — якорек выколот. Это был, по рассказам вешенцев, человек большой выдержки, чуткий к людям, умел подойти к ним, душевно поговорить и добиться своего. Вскоре он завоевал любовь и уважение казаков.

Вскоре из Ленинграда приехал еще один двадцатипяти тысячник, путиловский слесарь Баюков, человек крепкой рабочей закалки. Он и слесарный инструмент свой прихватил, не расставался с ним. Этот политически грамотный, технически образованный коммунист по характеру был горячим, прямым и открытым человеком. На Дону и сейчас вспоминают о его столкновении с подслеповатым секретарем Миллеровского окружка по особенно острым в то время вопросам колхозного движения.

«Моряка, флотского механика Плоткина и слесаря-путиловца Баюкова, — говорил Шолохов, — я знал хорошо. Много раз встречался с ними и на бюро райкома, и в колхозах, где они работали. Приходилось мне наблюдать работу и других двадцатипяти тысячников. Типиче-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7, Госполитиздат, М., 1953, стр. 601.

ское, что я находил в их делах, буднях, было воплощено в образе Давыдова»¹.

Сливая индивидуальное и типическое в характере Давыдова, Шолохов создал совершенно конкретный художественный образ передового рабочего, коммуниста с широким полигическим кругозором, руководителя, овладевшего революционным опытом. Многие штрихи его характера писатель находил в жизни, заимствовал у разных людей. Вот почему до сих пор встречаются люди, претендующие на близость к Давыдову. Председатель одного из верхнедонских колхозов, горячо поблескивая глазами, уверял Анатолия Калинина: «Хотите — верьте, хотите — нет, но только я вам серьезно говорю, что Давыдова Шолохов с меня списал. И это не хвастовство. Помните, у Давыдова щербинка во рту?.. Так вот, посмотрите...» И в доказательство своих слов он обнажил белые, выщербленные впереди, зубы².

Активное участие в коллективизации принимали и местные коммунисты, особенно бывшие красные партизаны, прошедшие трудную политическую школу гражданской войны. Секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А. А. Андреев, указывая на революционную роль красных партизан в социалистической перестройке хуторов и станиц Дона, подчеркивал, что у них были свежи воспоминания не только о жестокой эксплуатации крестьянства кулачеством, но и гражданской войне, во время которой контрреволюционные силы расправлялись с их семьями. «Теперь,— писал А. А. Андреев,— вся эта волна ненависти к классовому врагу поднялась и находит свое революционное выражение в ликвидации кулака и в бурном росте коллективизации»³. Характеры бывших красных партизан, гремеченских коммунистов Нагульнова, Разметнова, Любишкина, становятся понятными лишь в связи с показом их участия в революционной борьбе периода гражданской войны. Некоторые, особенно яркие черты их характеров Шолохов запечатлел уже в «Донских рассказах». Так, в «загибах», стиле речи казака Богатырева («Председатель Реввоенсовета Республи-

¹ «Советский Казахстан», Алма-Ата, 1955, № 5, стр. 79—80.

² «Михаил Шолохов». Сборник статей, Ростов-на-Дону, 1940, стр. 147.

³ А. А. Андреев, На путях подъема социалистической реконструкции сельского хозяйства, Ростов-на-Дону, 1930, стр. 282.

ки») нашли отражение те жизненные явления, которые позже в образе Нагульного подняты до крупного художественного обобщения. В раскрытии сложного характера Нагульнова писатель шел по трудному пути. Он сочел в нем преданность партии, мечту о быстрой и полной победе социализма «в мировом масштабе», всепоглощающую ненависть к собственности с необузданностью и горячностью, безрассудной страстью и политической малограмотностью, кавалерийскими наскоками и загибами, искажавшими политику партии в коллективизации.

В обращении от 2 апреля 1930 года ЦК партии так определил суть этих ошибок и извращений, допущенных при проведении коллективизации в некоторых районах: *«Политика укрепления союза с середняком при опоре на бедноту и беспощадной борьбе с кулачеством стала подменяться насквозь враждебной ленинизму политикой командования в отношении середняка»*¹. У некоторых коммунистов, опьяненных успехами, закружилась голова, появились «авантюристические попытки «в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства», «добежать» «в два счета» до полной победы социализма»². Партия резко осуждала чиновничье декретирование колхозного движения, непригодные в решении задач колхозного строительства «кавалерийские наскоки».

Шолохову впервые удалось нарисовать не только характеры коммунистов, участвующих в коллективизации деревни, но и обобщенный образ партийного коллектива, его становление, укрепление его связей с народом.

«В январе 1930 года,— вспоминает писатель,— когда на Дону проходила сплошная коллективизация, мне пришлось ехать со станции Миллерово в Вешенскую». Это была одна из многочисленных в то время поездок Шолохова по Дону, но поездка необычная. Шолохов возвращался из Москвы, где был принят руководителями партии, беседовал о самых насущных делах того времени, о коллективизации деревни.

Восхищенный размахом революционных событий в стране, борьбой партии и народа за социалистическое переустройство сельского хозяйства, писатель особенно

¹ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, изд. 7, Госполитиздат. М., 1953, стр. 597.

² И. В. Сталин, Сочинения, т. 12, стр. 192.

пристально вглядывался в жизнь, кипевшую на берегах тихого Дона. Он видел те благотворные перемены, которые несла коллективизация народу, те сдвиги, которые происходили в его сознании.

В эти дни Шолохов и встретил на хуторе Нижне-Яблоновском крестьянина-середняка, который только что по доброй воле вступил в колхоз, сам отвел на общий баз коня, пару быков и корову, а потом перестал есть и спать, мучительно, как и Кондрат Майданников, переживая тягу к собственности, от которой сам же добровольно отказался. Тоскуя, он жаловался: «Не к кому на баз выйти, баз-то пустой... Понимаешь ты это, добрый человек, не к кому выйти! Или, может, ты думаешь, что такое горе пухом на сердце ложится?» (VIII, 188).

Встреча с крестьянином из хутора Нижне-Яблоновского глубоко запала в душу писателя, она помогла ему в образе Кондрата Майданникова показать процесс становления сознания крестьянства, происходивший в упорной борьбе с давними собственническими навыками и привычками.

Однако стремление к новой жизни, вступление в колхоз еще не означало полного разрыва со старыми привычками, с собственническими настроениями.

Известно, что крестьянин, с которым встречался писатель на хуторе Нижне-Яблоновском, был стариком. Но Шолохов нарисовал человека иного возраста, связав его с тем поколением, которое активно участвовало в гражданской войне. Раскрывая те значительные перемены, которые произошли в сознании казачества во время революции и в первые годы Советской власти, Шолохов добивался более глубокого объяснения закономерности вступления Кондрата Майданникова, в колхоз, рисовал его как выразителя интересов сознательной части крестьянства.

Характеристика внешности Кондрата казалась писателю не столь важной, поэтому он ограничился упоминанием о выцветшей буденовке на его голове и сосредоточился на внутренних переживаниях, мучительной борьбе между чувством и рассудком крестьянина, порывающего с привычной жизнью единоличника. Подобно старику из Нижне-Яблоновского, не спится и Кондрату. Дни и ночи проводил он раньше в заботах о своем хозяйстве. «А сейчас пусто, мертво у Кондрата на базу. Не к кому выйти.

Порожние стоят ясли, распахнуты хворостяные ворота» (VI, 147).

Вспоминая о встрече со стариком из Нижне-Яблоновского, Шолохов рассказывал В. Кетлинской: «Меня заинтересовало, что не дает спать старику, что заставляет его сидеть одиноко, глубокой ночью при тусклом огоньке. Вышел к нему покурить. Присел, разговорились. Колхозник. Живет неплохо. «Только скучно мне. Бывало, ночью встанешь, выйдешь к скотине, поглядишь. А сейчас выйти не к кому». Глубокие корни чувства собственности хорошо известны, а вот трудно бывает сказать об этом так выразительно и просто, как говорит без слов вот эта фигура старика, копающегося над старым валенком всю ночь, потому что не спится, потому что «выйти не к кому»¹.

Шолохов преодолел эту трудность, показав в ночных размышлениях, «внутренних монологах» Кондрата Майданникова, как постепенно сознание нового человека брало верх. Много работал писатель и над художественным воплощением в образе Кондрата Майданникова другой существенной стороны характера крестьянина — его отношения к труду. «Неужели я в колхоз вступил, чтобы дармоедом быть? — рассуждал крестьянин, встреченный Шолоховым январской ночью 1930 года. — Работать мне все одно надо, пока на ногах держусь, пока сила в руках есть, иначе я без дела от скуки ноги протяну!» (VIII, 187).

Крестьянин не мыслит себя вне привычного для него труда. Но Кондрат Майданников не просто трудолюбив. Он втягивается в новую жизнь, у него растет уже чувство заинтересованности не только в личном, но и в благополучии всего колхоза.

Заслуга Шолохова в том и состоит, что он в ярком художественном образе раскрыл сложные социально-психологические процессы преодоления чувств собственника, приобщения крестьянина к коллективному труду.

В работе над образом деда Щукаря Шолохов опирался на конкретные факты, переплетая их со сказочными и бытовыми мотивами, юмористическими и сатирическими сказками и анекдотами, широко распространенными в устной народной поэзии Дона. О жизненной достоверности характера Щукаря свидетельствует следующее. Хо-

¹ «Комсомольская правда» от 17 августа 1934 г., № 191, стр. 3.

рошо известный в Вешенском районе бригадир колхоза Т. И. Воробьев решил, что именно с него и ни с кого другого Шолохов «списал» деда Щукаря. Об этом он авторитетно, с гордостью сообщил корреспондентам столичных газет, прилетевшим однажды в Вешенскую. Он был многим близок к характеру, созданному Шолоховым, поэтому корреспонденты поспешили похвалиться открытием «прототипа» шолоховского Щукаря. Сам Т. И. Воробьев несколько позже так объяснил историю, которая «приключилась» с ним, когда он «прожил более, чем много лет»:

— А виноват в этой истории Михаил Александрович Шолохов. Вывел он в своей книге деда Щукаря. И получилось оно так, скажу вам, что вроде я чисто вылитый Щукарь; скажите, кубыть, с меня списал. А я ить сроду не был Щукарем. Это теперь меня многие так зовут, а все потому, что Михаил Александрович Шолохов умело подметил где-то такого старичка, дюже схожего со мною.

Я пробовал отрешиваться: «Какой я вам Щукарь?» А мне отвечают: «Такого шутника и острого на язык более нет, поди, на Дону, Ты, Иваныч, самый шукаристый...»

Мне передавали верные люди, что много теперь ходит людей в донских колхозах, которые считают, что М. А. Шолохов списывал с них героев. А я так скажу: это он, Михаил Александрович, их сотворил, пустил гулять в книгах, и они всем здорово приглянулись, полюбились, тут-то многим почудилось, что они целиком смахивают на героев книги.

Так что путаницы никакой не может быть: не я создал Щукаря, а Щукарь прилип ко мне. Даже старуха моя, — и та, в нужную для нее пору кличет меня Щукарем...»¹.

Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса встретила яростное сопротивление враждебных сил, перешедших к скрытым формам борьбы и стремившихся любым способом сорвать строительство колхозного строя. На Дону и сейчас можно слышать рассказы о тех коварных методах борьбы с колхозами, к которым прибегало кулачество: распространение ложных провокационных слухов, избивание руководителей колхо-

¹ «Большевистский Дон», стан. Вешенская, от 25 сентября 1948 г., № 78, стр. 2.

зов, растаскивание зерна из семенного фонда, поджоги, подкупы бедняков, уничтожение колхозного скота. Были и попытки создания вооруженных банд из бывших белогвардейцев и кулачества для борьбы с колхозным строительством.

Прототипом Половцева послужило конкретное лицо — есаул Сенин, который скрывался в годы коллективизации в Вешенском районе, выдавая себя за учителя. В конце второй книги «Тихого Дона» Сенин был показан Шолоховым как комендант полевого караула, расстрелявшего в 1918 году экспедицию Подтелкова и Кривошлыкова.

«Есаул Сенин,— рассказывает Шолохов,— в 1930 году ушел в подполье и начал организовывать боевую группу из бывших активных белогвардейцев и атаманов. Потом эта группа стала вербовать в свои ряды середняков и даже бедняков, попавших под кулацкое влияние.

План у Сенина был таков: вначале захватить центральную усадьбу совхоза «Красная заря», посадить на грузовые машины свой отряд, двинуться на Вешки. После ее занятия, соединившись с контрреволюционными центрами других станиц, развернуть широкое восстание. После письма товарища Сталина «Головокружение от успехов» у Сенина не стало почвы под ногами, и все планы рухнули. Подавляющее большинство середняков и бедняков вернулось в колхозы. К осени из политической банда Сенина переросла в уголовную. В конце 1930 года Сенин со своими единомышленниками был изловлен»¹.

По словам Шолохова, это был «умный, хитрый, начитанный и сильный враг». Скрываясь на хуторе Конькове, он был связан широко разветвленной сетью с соседними областями, изловить его было не так легко.

Рассказ есаула Половцева в третьей главе первой книги романа полностью совпадает с основными деталями биографии есаула Сенина. Но Шолохов не ограничивался простым воспроизведением биографии прототипа и местных условий его деятельности. По словам писателя, «образ Половцева также собирательный»².

«Врага у нас показывают плакатно, примитивно, — говорил Шолохов. — Это разоружает читателя»³. Реши-

¹ «Большевистский Дон», стан. Вешенская, от 28 июля 1935 г., № 87, стр. 2.

² «Советский Казахстан», Алма-Ата, 1955, № 5, стр. 80.

³ «Литературная газета» от 15 октября 1937 г., № 56, стр. 1.

тельно отказавшись от такого метода, Шолохов создавал различные типы кулаков-хищников, объединенных страстью накопления, индивидуализировал каждый характер (Бородин, Лапшинов, Островнов). Еще в 1929 году партия указывала на изменение форм и методов классовой борьбы, обострившейся с развертыванием колхозного движения. «Наряду с усилением прямой и открытой борьбы кулачества против коллективизации, доходящей до прямого террора (убийства, поджоги, вредительство), кулаки все чаще переходят к замаскированным и скрытым формам борьбы и эксплуатации, проникая в колхозы и даже в органы управления колхозов, чтобы разложить и взорвать их изнутри»¹. Эти явления и типизировал Шолохов, создавая сложный, реалистически яркий характер врага тех лет.

Работая над «Поднятой целиной», Шолохов внимательно изучал постановления и решения съездов нашей партии. Они помогали писателю глубже понять величие происходивших событий, осознать важность коренного перелома в развитии сельского хозяйства, отобрать из жизни те конкретные социально-исторические явления, которые определяли сущность происходивших в стране перемен. Обогащенный прекрасным знанием самой жизни, повседневной живой работы народных масс, писатель пронизывал книгу их опытом и дыханием. Он писал художественное полотно о народе, о его борьбе за новую жизнь и вместе с тем так строил повествование, чтобы ярче передать огромное историческое значение указаний партии в укреплении и росте колхозов.

Подчеркивая преимущества крупного колхозного хозяйства перед мелким индивидуальным крестьянским хозяйством, партия не раз указывала, что крестьяне в колхозах сумели значительно расширить свои посевные площади, пустить в ход заброшенные земли, «получили возможность взять целину в свои руки», «поднять целину». В пример, в частности, приводились районы бывшей Донской области, где крестьяне, объединившись, расширили посевные площади до 50 процентов.

Воплотив в самом названии романа мысль о преимуществе колхозного строя, Шолохов создал емкий худо-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, изд. 7, Госполитиздат, М., 1953, стр. 523,

жественный образ «поднятой целины», показав крестьянство, поднятое партией к новой, колхозной жизни, получившее возможность в нашей стране строить свое счастье.

Шолохов начал повествование с событий, последовавших за постановлением ЦК партии «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» (5 января 1930 г.), передавая напряженность классовой борьбы, связывая судьбы героев, работавших в обстановке Дона, с важнейшими общественно-политическими событиями этого времени.

Историческая конкретность как необходимое условие правдивой и широкой картины жизни находит выражение в сюжете романа. Писатель изображает коллективизацию как закономерное историческое явление. В самом начале романа двадцатипятилетний Давыдов уличает секретаря райкома Корчжинского в искривлении линии партии. Корчжинский дает распоряжение создавать колхоз «на базе осторожного ущемления кулачества», его интересуют лишь сводки о проценте коллективизации. Давыдов заявляет, что кулака на данном этапе надо раскулачивать, квалифицирует линию Корчжинского как политически ошибочную, смело заявляет: «Я буду проводить линию партии». Эту линию он и проводит, будучи представителем партии в Гремячем Логу.

На первом же собрании бедняков Давыдов, опираясь на высказывания В. И. Ленина, объясняет преимущества колхозов, говорит о необходимости уничтожить кулака. Хорошо понимая указания партии, что основа колхозного движения в данный момент — союз рабочих и бедноты с середняком, Давыдов стремится вовлечь колеблющегося середняка в колхоз. Создание колхоза в Гремячем Логу он начинает с раскулачивания Титка Бородина, Фрола Рваного, Семена Лапшинова, как и указывала партия, самими середнячко-бедняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию.

Гремяченская партийная ячейка допускает и грубую ошибку, принимая по настоянию Нагульнова неправильное решение — обобществить мелкий скот, домашнюю птицу. С сочным юмором рисует Шолохов кочетиный бой и деда Акима Бесхлебнова, которого «над куриями главнокомандующим поставили», а ребяташки прозвали «курошупом».

В постановлении ЦК партии «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» (14 марта 1930 г.) указывалось, что подобное головоупящее перескакивание «с артельной формы колхозов, являющейся основным звеном колхозного движения, к коммуне» — результат «прямого нарушения политики партии», что эти искривления тормозят дальнейший рост колхозного движения и являются «*прямой помощью* нашим классовым врагам»¹.

Вскоре после обобществления птицы Разметнов узнает, что проходящая монашка распускала клеветнические слухи среди женщин хутора, сообщая, что кур собрали для того, чтобы заставить неспособных к труду старух вместо паровых машин «яйца насиживать». Половцев и Островнов также пользуются ошибками гремяченских коммунистов и активизируют враждебную деятельность — в хуторе начинается массовый убой скота. Но тут завязывается новый сюжетный узел. Постановление ЦИК и Совнаркома «О мерах борьбы с хищническим убоем скота» вырывает почву из-под ног врагов, содействует укреплению колхоза.

Гремяченские коммунисты вовремя осознают свои ошибки, распускают «куриный колхоз» и ведут борьбу за создание семенного фонда. Однако во время отсутствия Давыдова Нагульнов избивает единоличника Григория Банника и, угрожая ему расстрелом, заставляет написать расписку в сдаче семенного зерна в общественный амбар, а трех колхозников, отказавшихся от вывоза семенного зерна, запирает на ночь в пустой комнате. Давыдов сурово осуждает Нагульнова за насилие, за «кавалерийские наскоки», пригодные лишь в решении задач военного характера, и прямо говорит ему: «Ты старыми, партизанскими методами работаешь, а сейчас — новое время, и не налеты, а позиционные бои идут» (VI, 200).

Через весь роман писатель проводит мысль о громадной роли партии в колхозном строительстве. Давыдов еще острее осознает, что надо больше работать «над фактическим укреплением колхоза». Даже Нагульнов начинает понимать пагубность своих ошибок. Развернув со-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, изд. 7, Госполитиздат, М., 1953, стр. 549—550.

ревнование на пашне, коммунисты сплачивают гремеченцев, и колхоз успешно проводит весенний сев.

Глубоко жизненные конфликты, своевременно вскрытые партией и положенные Шолоховым в основу романа, придали повествованию ту напряженность и драматичность, которыми обусловлено развитие его сюжета. Социально-исторические явления, общественно-политические события нашли под рукой зрелого мастера конкретное художественное выражение, определили содержание романа, ставшего по существу произведением исторического жанра.

Четко продумав сюжет и композицию романа, Шолохов писал его последовательно, страница за страницей. Лишь одна глава о социалистическом соревновании во время пахоты была написана раньше других и затем вставлена в роман. «А позже эта глава оказалась чужеродной частицей, — рассказывал писатель. — Мне стоило больших усилий, чтобы не получилось какой-то обрывистости... Легче пишется, когда повествование идет своим чередом, тут гарантия от всяких неожиданностей»¹.

Отдельные главы «Поднятой целины» Шолохов читал работникам райкома партии, советовался с ними. Однажды, закончив главу о социалистическом соревновании, он принес ее на суд товарищей, не зная еще, какую норму выработки избрать для Кондрата Майданникова. Работники райкома посоветовали увеличить норму, чтобы было на что равняться. Шолохов так и сделал.

Первая книга романа создана за короткое время, но работа над ней была напряженной и кропотливой. Завершив в 1931 году первую книгу «Поднятой целины», Шолохов, однако, не мог долгое время напечатать ее. Редакция журнала предложила писателю изъять ряд глав, выбросить политически острые места, главы, связанные с раскулачиванием. Только лишь после вмешательства ЦК партии книга увидела свет. В начале 1932 года она была опубликована на страницах журнала «Новый мир» и вскоре получила высокую оценку читателей и критики.

А. М. Горький, выступая в январе 1933 года перед мо-

¹ «Большевистская смена», Ростов-на-Дону, от 24 мая 1940 г., стр. 3.

лодыми писателями, выделил среди «наших литературных достижений» новый «интересный» роман Шолохова «Поднятая целина»¹. Горький называл это «значительное произведение» среди основных книг о становлении колхозов².

Называя роман Шолохова мастерским, А. В. Луначарский писал: «Очень большое, сложное, полное противоречий и рвущееся вперед содержание одето здесь в прекрасную словесную образную форму, которая нигде не отстает от этого содержания, нигде не урезывает, не обедняет его и которой вовсе не приходится заслонять собою какие-нибудь дыры или пробелы в этом содержании»³.

2. Партия и народ

Главный герой, активно действующее лицо «Поднятой целины» — народ, участвующий в строительстве социализма. Шолохов раскрывает те коренные изменения, которые произошли в жизни, сознании и психологии народа за годы Советской власти. Создавая в романе собирательный образ народа во всем многообразии его духовной жизни, трудовой активности и энергии, Шолохов прослеживает основные этапы его пути в коллективизации, пройденные вместе с партией.

Борьба партии и народных масс за полное торжество социалистического строя — главная мысль «Поднятой целины». Писатель в яркой художественной форме воплощает идею исторической неизбежности и закономерности победы социализма под мудрым руководством Коммунистической партии.

Роман начинается с событий, последовавших за постановлением ЦК партии о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. С важнейшими общественно-политическими событиями этого времени тесно связаны герои «Поднятой целины», действующие в конкретно-исторической обстановке.

Развивая сюжет романа о рождении колхоза, Шоло-

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 27, Гослитиздат, М., 1953, стр. 69.

² Там же, стр. 420—421.

³ А. Луначарский. Мысли о мастере, «Литературная газета» от 11 июня 1933 г., № 27, стр. 3.

хов передает напряженность классовой борьбы двух враждебных лагерей: с одной стороны — народ, возглавляемый партией, рабочим-путиловцем Давыдовым, с другой — ничтожная горстка заговорщиков во главе с бывшим есаулом, диверсантом Половцевым. Одновременный их приезд в Гремячий Лог — завязка романа. Ночью, трусливо скрывая свое лицо, пробирается коварный враг Половцев. В ясный солнечный день приезжает в тот же хутор посланец партии Давыдов и уверенно, спокойно, опираясь на широкие массы бедняцкого крестьянства, начинает работу по созданию колхоза. Он не знает, что в доме Островнова скрывается лютый враг, который занимается провокацией, готовит контрреволюционное кулацкое восстание, стремится во что бы то ни стало сорвать колхозное движение. Так создается драматичность конфликта, напряженность непримиримой классовой борьбы двух лагерей.

Шолохов сразу же вводит в повествование представителей народа, раскрывая его отношение к происходящим событиям. Облик живого народного коллектива, состоящего из множества четко индивидуализированных, типических фигур, определяет структуру всего романа.

В лагере строителей социализма и путиловский рабочий Давыдов, и гремяченские коммунисты Нагульников и Разметнов, и руководитель агитколонны луганский токарь Кондратько, не раз подпиравший «своим широким плечом молодую Советскую власть», и совсем юный комсомолец Ванюшка Найденов, и деревенская беднота, и сознательные середняки. В борьбе за создание колхоза Давыдов опирается на преданного всем сердцем Советской власти бывшего красного партизана Павла Любишкина и на казака-середняка Кондрата Майданникова. В колхозном активе — бригадир Агафон Дубцов, Демка Ушаков, кузнец-ударник Ипполит Шалый. К новой жизни тянутся бедняки Лосев и Демид Молчун, Шукарь и Аким Бесхлебнов.

Своеобразие революции в сельском хозяйстве в том и состояло, что она была произведена *сверху*, по инициативе партии, при широкой поддержке *снизу*, со стороны миллионных масс самого крестьянства, боровшегося против кулачества, за новую колхозную жизнь.

Будучи верным жизненной правде, Шолохов рисует картину массового движения крестьянства в колхозы как

результат большой работы, проведенной партией в народе.

Если в «Тихом Доне», прежде чем показывать пути казачества в революции, Шолохов раскрыл исторически сложившиеся экономические и бытовые особенности и условия его жизни, то в «Поднятой целине» он изобразил коллективизацию деревни как исторически обусловленный и закономерный революционный переворот, выражающий насущные потребности, чаяния народа. Уже первые дни коллективизации в Гремячем Логу убеждают, что переход к сельскохозяйственной артели подготовлен экономическими условиями жизни трудящегося крестьянства. Для него вступление в колхоз — единственный выход из крайней бедности и нищеты. Правление колхоза было не в состоянии удовлетворить всех бедняков вещами, отобранными при раскулачивании. Счастливицы, получившие обувь и одежду, тут же раздевались и, «довольно крякая, сияя глазами, светлея смуглыми лицами от сугубых, дрожащих улыбок, торопливо комкали свое старое, латанное-перелатанное веретье, облачались в новую справу, сквозь которую уже не просвечивало тело» (VI, 140). На десять лет помолодел от радости Павел Любишкин, может быть впервые в жизни заимевший добрые шаровары и сапоги со скрипом. В «хорошее расположение духа» пришел всегда живший в нищете дед Шукарь, получив новый полушубок, который был для него чуть ли не дорожке собственной жизни. Никогда не видевшая хорошей одежды жена Демки Ушакова «обмерла над сундуком». «А как же ей, сердяге, было не обмереть над колхозным добром, — с болью пишет Шолохов, — когда она за всю свою горчайшую жизнь доброго куска ни разу не съела, новой кофтенки на плечах не износила? Как же можно было не побледнеть ее губам, выцветшим от постоянной нужды и недоеданий, когда Яков Лукич вывернул из сундука копну бабьих нарядов? Из года в год рожала она детей, заворачивая сосунков в истлевшие пеленки да в поношенный овчинный лоскут. А сама, растерявшая от горя и вечных нехваток былую красоту, здоровье и свежесть, все лето исхаживала в одной редкой, как сито, юбчонке; зимою же, выстирав единственную рубаху..., сидела вместе с детьми на печи голая, потому что нечего было переменить...» (VI, 141).

Дрогнуло у Давыдова сердце, когда он узнал, что у этой иступленно шептавшей над сундуком женщины семеро детей и она готова отказаться от юбки ради того, чтобы одеть их прежде себя. И когда Давыдов разрешил немедленно выдать все необходимое для ее детей, стоявший позади жены Демка Ушаков «сорвался с места, побежал к выходу, левой рукой расталкивая народ, правой — закрывая глаза. Спрыгнув с приклетка, Демка зашагал с база, стыдясь, пряча от людей свои слезы. А они катились из-под черного щитка ладони по щекам, обгоняя одна другую, светлые и искрящиеся, как капельки росы» (VI, 142).

Даже середняк Кондрат Майданников никогда не выходил из нужды, а его дочурка Христиша была совсем босая — «хоть кричи — надо ей чиричонки бы!» Хорошо понимая, что не прожить ему одиночной жизнью, Кондрат одним из первых вступает в колхоз и агитирует тех хуторян, которые «за своей коровой да за своим скворечником-двором белого света» не видят. Ночи напролет думает он о новой колхозной жизни: «Как будет в колхозе? Всякий ли почувствует, поймет так, как понял он, что путь туда — единственный, что это — неотвратимо? Что как ни жалко вести и кинуть на общие руки худобу, выросшую вместе с детьми на земляном полу хаты, а надо вести. И подлюку-жалость эту к своему добру надо давить, не давать ей ходу к сердцу...» (VI, 79).

Важность подведения социалистической базы под сельское хозяйство была обусловлена не только тяжелым материальным положением трудящегося крестьянства, а потребностями социалистического строительства в стране. Об этом прежде всего и говорит Давыдов на первом собрании гремяченской бедноты: «Вы должны все соединиться в колхоз, обобществить землю, весь свой инструмент и скот. А зачем в колхоз? Затем, что жить так дальше, ну, невозможно же! С хлебом трудности оттого, что кулак его гноит в земле, у него с боем хлеб приходится брать! А вы и рады бы сдать, да у самих маловато. Среднячко-бедняцким хлебом Советский Союз не прокормишь. Надо больше сеять. А как ты с сохой или однолемешным плугом больше посеешь? Только трактор и может выручить. Факт!» (VI, 29).

Настроения широких масс крестьянства хорошо вы-

разил Любишкин: «Чего ты, чудак, нас за Советскую власть агитируешь? Мы ее в войну сами на ноги тут ставили, сами и подпирали плечом, чтоб не хитнулась. Мы знаем, что такое колхоз, и пойдем в него... Я сам до колхозного переворота думал Калинин письмо написать, чтобы помогли хлеборобам начинать какую-то новую жизнь» (VI, 31—32).

Шолохов подчеркивает прочную связь интересов партии и миллионных масс крестьянства, которое не только осознало необходимость «начинать какую-то новую жизнь», но и всей душой поддерживало проводимую партией политику коллективизации сельского хозяйства.

Рождение колхозной жизни неотделимо от роста активности народных масс. В связи с этим писатель положил в основу сюжета судьбы народа, обильно ввел в повествование массовые сцены, рисующие народ в действии, в процессе активного участия в создании колхоза, в обстановке непримиримой борьбы с врагами колхозного строя: собрание гремяченского актива и бедноты, решающих вопрос об организации колхоза, массовые сцены раскулачивания, хуторское собрание в школе, первые работы в коллективе, распределение кулацкого имущества, производственное совещание колхозного актива по сбору семенного фонда, праздничное собрание по случаю завершения подготовки к севу, «бабий бунт», коллективный труд в поле и начало социалистического соревнования.

Массовые сцены в романе — одно из главных средств широкого показа народа, становления коллектива в труде, раскрытия духовного роста народа, его политической сознательности в ходе движения к новой, социалистической жизни.

Изображая крестьянскую массу в самых различных обстоятельствах, на самых разных этапах становления колхоза, писатель всегда дает ей четкую социальную характеристику.

Часто Шолохов описывает внешний облик массы: «Казаки, бабы и девки густо стояли в коридоре, на крыльце. Из жерла настезь распахнутых дверей вылетал пар, мешаясь с табачным дымом... Толпа пахуче дышала подсолнечным маслом семечек, луком, махрой, пшеничной отрыжкой. От девок и молодых баб наносило пряным запахом слежалых в сундуках нарядов, помадой. Глухой

пчелиный гул стоял в школе. Да и сами люди шевелились черным кипящим клубом, похожим на отроившийся пчелиный рой» (VI, 69—70). Писатель указывает и на то, что эта толпа слита из отдельных, разных по своему характеру людей, она многолика и разнохарактерна: слышится «пронзительный бабий голос», «чей-то хрипчатый басок», «завистливый с высвистом вздох», «петушинный тенорок из задних рядов». Масса постоянно живет, активно реагирует на происходящее: «собрание отозвалось сдержанным смешком», «хохот грохнул залпом», «собрание ахнуло», «сзади громко захохотали, загомонили», «кто-то потерянно проронил».

Многоплановый диалог без указания, кому принадлежат отдельные реплики, дорисовывает групповой портрет народа и вместе с тем выражает его настроения, симпатии и антипатии.

«Тридцать два человека — гремяченский актив и беднота — дышали одним дыхом», — начинает Шолохов главу о собрании, посвященном организации колхоза в Гремячем Логу, и затем предоставляет слово собравшимся:

«— Согласны с колхозом!

— Артемом и батьку хорошо бить.

— Только хозяйствовать умно надо» (VI, 31).

«—Так мы же с дорогой душой в колхоз!..

— Хоть нынче ночью!

— Записывай зараз!

— Кулаков громить ведите.

— Кто записывается в колхоз, подымай руки, — предложил Нагульнов.

При подсчете поднятых рук оказалось тридцать три. Кто-то, обеспамятев, поднял лишнюю» (VI, 34).

Многоплановый диалог и скупая авторская характеристика как нельзя лучше передают сущность гремяченской бедноты. Однако и из этой массы Шолохов выделяет разных людей. Здесь и резкий, строгий Нагульнов, и готовый идти в колхоз «с потрохами» Павел Любишкин, и говорливый, злой на язык Демка Ушаков, и прославившийся страстью к любому обмену Аркашка Менок, и затуманенный классовым врагом бедняк Тимофей Борщев.

Еще более различна по своему социальному составу крестьянская масса в сцене первого хуторского собрания.

Здесь и беднота (Любишкин, Ушаков, Аркашка Менок), и Кондрат Майданников, выражающий настроения сознательной части середнячества («Я нынче же сяду заявление в колхоз писать и других к этому призываю»), и колеблющийся маломощный середняк Николай Люшня («Я так скажу: колхоз — дело это добровольное, хочешь—иди, хочешь — со стороны гляди. Так вот мы хотим со стороны поглядеть»), и ярый противник колхозного строя казак Ахваткин («Не подписуюсь на колхоз!»), и явные подкулачники, угрожающие Давыдову расправой («Нас нечего загонять дуриком! Тебе Титок раз кровь пустил и еще можно...»). Самые различные настроения массы писатель передает через отдельные выступления казаков, через безыменные реплики, вопросы, выкрики, через хор одновременно раздающихся голосов:

«— Это на время колхоз аль на вечность?

— Что единоличникам будет?

— Землю не отнимут у них?

— А жрать вместе?» (VI, 71).

«— Правильно!

— Погодим вступать!

— Нехай спробуют другие новую жизни!» (VI, 73).

Ожил хутор, «будто муравьиное гнездо тронулось». Казаки все чаще сходились вместе, спорили, толковали о колхозах. Нагульников с двумя казаками строил первые общественные ясли в Гремячем Логу, Кондрат Майданников и Любишкин долбили землю для стоянов, Разметнов с Демкой Ушаковым и другими колхозниками раскулачивал Лапшинова. Активно участвуют казаки и в собраниях, которые «созывались в течение четырех дней подряд каждый вечер и продолжались до кочетиного побудного крику» (VI, 88).

Шолохов намеренно сталкивает в массовых сценах самых различных по характеру и настроению людей, не ограничиваясь общей зарисовкой толпы, включая в нее и эпизодических, и безыменных персонажей, и главных действующих лиц. Это позволяет писателю показать коллективизацию деревни поистине как всенародное движение.

С развитием событий на хуторе связаны существенные изменения в поведении его жителей. Каждый вынужден определить свое отношение к тому, что происходит у него на глазах, что кровно затрагивает его интересы. Шоло-

хов исключительно чутко улавливает и подмечает эти перемены, показывает рост народного сознания, те изменения, которые происходят в психологии народа по мере приобщения его к новой, колхозной жизни.

Далеко не сразу и не легко расстанутся крестьяне со старыми представлениями о жизни, с собственническими навыками и традициями. Шолохов раскрывает их сомнения и колебания как исторически обусловленное и закономерное явление.

Каждый шаг деревенской бедноты, возглавляемой Давыдовым, встречает ответные действия контрреволюционных элементов, затаившихся в деревне, пробравшихся в колхоз. Заговорщически ведут себя кулаки, поодиночке собираясь в тесной хате Борщева, переманивая на свою сторону середняков и даже бедняков. Не гнушаясь никакими средствами, ярые враги колхозного строя убивают бедняка Никиту Хопрова, решившего выдать их; вредят на общественной конюшне; распускают слухи о том, что Советская власть отберет весь скот, а семенной хлеб продаст за границу и заморит хлеборобов жестоким голодом.

Поддавшись провокационным кулацким слухам, колхозники стали резать скот. В числе первых подвалил телку дед Шукарь, колхозник Семен Куженков зарезал двух овец, Аким Бесхлебнов прирезал быка, Любишкин — козу. В дни обострившейся борьбы писатель приводит Давыдова в дом Островнова. Только тонкая перегородка отделяет его от Половцева, который уверен в том, что дни жизни Давыдова сочтены.

Но тут завязывается новый сюжетный узел. Постановление ВЦИК и Совнаркома «О мерах борьбы с хищническим убоем скота» вырывает почву из-под ног врагов, способствует укреплению колхоза. Колхозники единогласно принимают решение выселить всех кулаков из пределов Северо-Кавказского края. С глубоким волнением, стоя, сняв шапки, выражают они свою любовь к партии и вслед за Разметновым клянутся лавой идти за ней «в родимый социализм».

Производственное совещание, на котором обсуждаются нормы дневной выработки на полевых работах, происходит так же бурно, как и первые собрания в Гремячем Логу («Совещание лютовало в выкриках», «от шума стёкла в тилковском курене дрожали и вызванивали»),

но колхозников объединяют теперь общие интересы. Они коллективно и горячо решают насущные дела колхоза, готовятся во всеоружии встретить сев и организованно провести его.

Несмотря на белогвардейско-кулацкую провокационную агитацию, гремяченским коммунистам, активу колхоза с помощью агитколонны удалось полностью собрать семенной фонд. Жаркая работа шла и на кузнице Ипполита Шалого, вовремя завершившего подготовку инвентаря к севу. При большом стечении колхозников, собравшихся в школе, в торжественной обстановке, под звуки «Интернационала» Давыдов от имени правления колхоза премирует Ипполита Шалого своим слесарным инструментом. Радует не только Давыдов, взволнован не только Шалый, — ликуют все колхозники, собравшиеся на торжество.

Эта массовая сцена исполнена глубокого смысла: впервые так отчетливо проявляются подлинно социалистические взаимоотношения в коллективе, основанные на уважении к трудящемуся человеку, который не пощадил сил для общего блага. «Выражать одобрение хлопаньем в ладоши гремяченцы еще не научились, но когда Шалый дрожащими руками взял красный сверток, шум поднялся в школе.

- Следует ему! Дюже работал!
- Из негодности обратно привел в годность.
- Инструмент получил и бабе сатину на платье!
- Ипполит, магарыч с тебя, черный бугай!
- Качать его!

— Брось, шалавий. Он и так возля ковадлы накачался!

Дальше выкрики перешли в слитный гул...» (VI, 212).

Писатель показывает, что проникновение социалистических идей в народные массы, становление и укрепление социалистического сознания народа — исключительно сложный процесс. Он происходил в обстановке все нараставшей и обострявшейся борьбы за крестьянина, которую вели коммунисты против контрреволюционных сил, пытавшихся любыми средствами оторвать народ от новой жизни.

Используя ошибки гремяченских коммунистов, решивших по настоянию Нагульнова обобществить весь крупный и мелкий скот и даже домашнюю птицу, враги вре-

менно укрепляют свои позиции. Этому немало способствуют и перегибы Нагульнова по отношению к середняку. Запуганные и спровоцированные врагами, гремяченцы вступают в драку с колхозниками хутора Ярского, пытаются растащить по домам семенное зерно, а «бабы» до полусмерги избивают Давыдова.

Повествование достигает предельного напряжения, своей кульминации. Статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» и постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» утверждают единство партии и народа, укрепляют гремяченский колхоз, окончательно подрывают вражеские планы.

После грабежа семенного зерна на хуторском собрании «чей-то теплый и веселый басок растроганно сказал: — Давыдов... Любушка Давыдов!.. За то, что зла на сердце не носишь... зла не помнишь... Народ тут, волнуется... и глаза некуда девать, совесть зазревает.. И бабочки сумяжутся... А ить нам вместе жить... Давай, Давыдов, так: кто старое помянет — тому глаз вон! А?» (VI, 313).

Этот голос «из задних рядов» — голос самого народа, который испытывает чувство «великой стыдобы» за то, что пошел на обман, поддался кулацкой провокации. Это — голос народа, высказывающего полное доверие партии, все глубже понимающего, что с ней, с «любушкой Давыдовым», в союзе с рабочим классом — «вместе жить».

Упрочение социалистического сознания колхозников, укрепление связей с партией обрекало кулаков и бело-гвардейцев на неизбежное и окончательное поражение.

Темной ночью собираются на хуторе Войсковом старые казаки, завербованные Половцевым в «Союз освобождения Дона», и решительно отказываются идти на восстание против Советской власти. Когда Половцев прикрикнул на одного из стариков, казак с «куцыми золотистыми усами» вызывающе, зло заявил: «Вы, товарищ бывший офицер, на наших стариков не пошумливайте, вы на них и так предостаточно ншумелись в старую время. Попановали — и хватит, а зараз надо без грубиянств гутарить. Мы при Советской власти стали непривычные к таким обращениям, понятно вам? И старик наш правильно гутарил, что был промеж нас совет, и порешили мы все через эту статью в газете «Правде» не восставать. Разо-

шлись поврозь наши с вами стежки-дорожки!» (VI, 223). Даже те казаки, которые в годы гражданской войны, обманутые белогвардейцами, эмигрировали за границу, а затем вернулись на Родину, начинают понимать, что, связавшись с Половцевым, они и на этот раз «промахнулись». Опыт их жизни подсказывает, что от так называемых иностранных «союзников», «разутюженных гадюк» ничего хорошего ждать не приходится. Пожилой казак, вкусивший горечь хлеба на чужбине, говорит Половцеву: «Мы этих союзников раскусили и поотведали! Нет уж, мы тут с своей властью как-нибудь сами помиримся...» (VI, 225).

Осознание того, что Советская власть защищает интересы крестьян, поднимает чувство гордости и достоинства простых людей.

Большую роль в становлении нового сознания крестьян Гремячего Лога играет коллективный труд. Именно в труде, в отношении к нему сталкиваются различные люди, выявляются и раскрываются их характеры.

Освобождаясь от плена собственнических пережитков, трудящиеся массы начинают осознавать себя хозяевами новой жизни. У многих гремяченцев рождается новое, творческое отношение к труду в коллективе, к колхозной собственности. Кондрат Майданников не позволяет Атаманчукову пахать на быках во время дождя, а вся бригада принимает решение выгнать Атаманчукова из колхоза за недобросовестное отношение к труду. Ипполит Шалый беспокоится о том, что в бригаде Ушакова пахут слишком мелко. Любишкин сурово осуждает лодырей, а Демка Ушаков готов помочь его отстающей бригаде. Не забывается картина коллективного труда в бригаде Любишкина. Вдохновленные личным примером коммуниста Давыдова, колхозники проникаются пафосом социалистического соревнования. Из «слабосильной команды», долгое время отстававшей на пахоте, выдвигается на первое место Антип Грач, но его обгоняет Кондрат Майданников и становится «самым фактическим ударником», «заглавной фигурой» в колхозе. Так в недрах самих масс рождаются социалистические принципы труда. Коллективный труд облагораживает и возвышает людей, укрепляет их социалистическое сознание.

Всем строем повествования Шолохов раскрывает громадное значение коллективизации в жизни крестьянства,

те благородные перемены, которые она принесла с собой. Если раньше в Гремячем Логу после сева наступала «глухая пора», то теперь гремяченцы развернули в колхозе строительные работы, а едва лишь поднялись хлеба, начали прополку. Весь хутор был в движении, в озабоченной суете. Люди жили делами колхоза, беспокоились о благополучии своего коллективного хозяйства.

В процессе роста новых производственных отношений и укрепления экономического состояния колхоза рождается духовная близость людей единого коллектива. Рисуя становление этого социалистического коллектива, Шолохов создает величественный образ народа, строящего вместе с партией социализм.

Роман начинается с картины холодной пустынной целины, которую видит Давыдов по пути в Гремячий Лог, и завершается картинами весеннего цветения. На месте поднятой целины, «на всем пространстве недавно углесто-черной пахоты нежнейшей зеленой прошвой сияли наконец-то пробившиеся всходы...» В этом образе обновленной земли раскрывается внутренний смысл названия романа, его идея. Образ «поднятой целины» символизирует сущность великих перемен, происшедших в советском крестьянстве, руководимом Коммунистической партией.

3. Партийное руководство коллективизацией

Идея руководящей роли партии, рабочего класса в коллективизации пронизывает «Поднятую целину». Все события, происходящие в Гремячем Логу, органически связаны с важнейшими решениями партии и правительства о колхозном строительстве. Они выражают сущность того процесса, который происходил в это время в деревне, приобретают обобщающее звучание, наглядно раскрывая единство народа и партии.

Шолохову впервые удалось нарисовать собирательный образ партии как строителя новой, колхозной жизни в деревне. Писатель широко и художественно конкретно раскрывает историю создания и укрепления колхоза в Гремячем Логу, показывая, как события, происшедшие в далеком степном хуторе на Дону, направлялись, как и по всей стране, мудрым разумом партии, ее коллективными усилиями. Поэтому исторические решения пар-

тии о колхозном строительстве и определили основные сюжетные узлы романа, органически вошли в него, как та жизнь, которая их порождала. Эти постановления оказывали влияние на ход событий, изображенных в романе, помогали коммунистам Гремячего Лога, в решении сложных политических вопросов того бурного революционного времени.

Шолохов выводит читателя за пределы хутора, типизирует нарисованные им картины начала коллективизации в стране, дает возможность читателю почувствовать пульс жизни того времени.

«Отделенная от Гремячего Лога полутора тысячами километров, — пишет Шолохов, — живет и ночью, закованная в камень, Москва: тягуче-призывно режут паровозные гудки, переборами огромной гармонии звучат автомобильные сирены, лязгают, визжат, скрегохотут трамваи. А за ленинским мавзолеем, за кремлевской стеной, на вышнем холодном ветру, в озаренном небе трепещет и свивается полотнище красного флага. Освещенное снизу белым накалом электрического света, оно кипуче горит, струится, как льющаяся алая кровь. Коловертью кружит вышний ветер, поворачивает на минуту тяжко обвисающий флаг, и он снова взвивается, устремляясь концом то на запад, то на восток, пылает багровым полымем восстаний, зовет на борьбу...» (VI, 144—145).

В то время как Гремячий Лог затих на ночь, стынет в нем «глухая тишина», Москва живет бурной, незамирающей жизнью. «И только на зорьке, когда с севера, изпод тучи, овеяв снег холодными крылами, прилетит московский ветер, зазвенят в Гремячем Логу утренние голоса жизни...» (VI, 145).

Московский ветер пробуждает к жизни казачий хутор — в этом смысл развернутого сопоставления пейзажа столицы и далекого донского хутора¹.

Город и деревня в романе Шолохова взаимосвязаны. Большой коллектив опытных коммунистов направляют рабочие в Гремячий Лог и соседние хутора. Посланцы города оказывают большую организационную помощь гремяченскому колхозу.

В отличие от других писателей, изображавших «год

¹ Ф. А. Абрамов, «Образы коммунистов в «Поднятой целине» М. А. Шолохова», «Ученые записки ЛГУ», Серия филологических наук, вып. 20, 1954, стр. 8.

великого перелома» в деревне, Шолохов впервые создал цельный образ партийного коллектива, состоящего из коммунистов, различных по своему политическому уровню и индивидуальному характеру. Он показал становление партийного коллектива, укрепление связей с народом, рост политической сознательности его членов.

Коммунисты гремяченской партийной ячейки даны писателем исторически-конкретно, в тех типических обстоятельствах, с которыми они были связаны и которые обусловили динамику их роста — совершенствование методов руководства и упрочение связей с массами.

Место коммунистов в романе определяется их ролью в коллективизации и политическим уровнем. Характеры коммунистов «Поднятой целины» раскрываются в процессе их общения с народом, в обстановке практической работы. Шолохов подчеркивает не только различный политический и культурный уровень и обусловленные им методы руководства коммунистов Гремячего Лога, но также индивидуальные особенности каждой личности, многообразие ее чувств.

В литературе 20-х и начала 30-х годов нередко появлялись образы коммунистов, в основе характера которых лежала аскетическая замкнутость, жертвенное служение революционному делу. Таковы «страдающие» коммунисты Шор в романе И. Эренбурга «День второй», Потемкин и Увадьев в романе Л. Леонова «Соть». Они подавляют в себе человеческие чувства, удовлетворяются сознанием исполненного долга, выполнение которого якобы не позволяет им жить повседневными радостями.

Шолохов не только осуждает в Нагульнове подобную жертвенность, но и рисует цельный образ Давыдова, лишённого противоречий между чувством и долгом, находящего личное счастье в борьбе за полное торжество народного дела¹.

*Коммунист-
рабочий
Семен Давыдов.* Семен Давыдов — один из тех рабочих-двадцатипятидесятников, которых партия послала в деревню для ее социалистической перестройки. В этом характере Шолохов типизировал основные черты коммуниста эпохи коллективизации.

¹ Ф. Абрамов. О «Поднятой целине» М. Шолохова, «Вестник ЛГУ», 1949, № 3, стр. 86, 90.

Главное в характере Давыдова выявляется сразу. В самом начале романа, в споре с секретарем райкома, вялым, бездушным бюрократом Корчжинским, особенно ярко выступают определяющие качества Давыдова: пролетарская закалка, политическая зоркость, ясность мировоззрения, преданность партии, зрелое понимание ее политики, его бескомпромиссная, активная принципиальность.

Участник гражданской войны, малознакомый с сельским хозяйством путиловский слесарь Давыдов приезжает в Гремячий Лог прямо от станка и сразу же попадает в обстановку напряженной классовой борьбы, развернувшейся в те дни на Дону, сталкивается с необычайными трудностями и непонятными для рабочего противоречиями. «Он ехал на работу в деревню вовсе не таким уж наивным горожанином, но разворот классовой борьбы, ее путаные узлы и зачастую потаенно-скрытые формы все же представлялись ему не столь сложными, какие увидел он в первые же дни приезда в Гремячий. Упорное нежелание большинства середняков идти в колхоз, несмотря на огромные преимущества колхозного хозяйства, было ему непонятно. К познанию многих людей и их взаимоотношений не мог он подобрать ключа. Титок — вчерашний партизан и нынешний кулак и враг. Тимофей Борщев — бедняк, открыто ставший на защиту кулака. Островнов — культурный хозяин, сознательно пошедший в колхоз, и настороженно-враждебное отношение к нему Нагульнова. Все гремяченские люди шли перед мысленным взором Давыдова... И многое в них было для него непонятно, закрыто какой-то неощутимой, невидимой завесой» (VI, 106).

В преодолении этих трудностей, в укреплении связей с народом, в росте коммуниста как руководителя — основные условия развития характера Давыдова, который раскрывается писателем постепенно и многообразно, в самых различных обстоятельствах, поступках и высказываниях, во взаимоотношениях с различными людьми и через их отношение к нему.

Подслеповатый секретарь райкома партии оказался вдруг «глазастым» и увидел на руке приехавшего из Ленинграда коммуниста Давыдова «тусклую синеву татуировки» — «якорек». Тут же читатель узнает от самого Давыдова о том, что он служил во флоте в годы граждан-

ской войны, а затем, после демобилизации, девять лет проработал слесарем на Путиловском заводе.

В разных местах романа Давыдов вспоминает о детских годах, о жизни до приезда в Гремячий Лог. («Я, папаша, пулеметчиком был, не на таких лошадаках мотался!» — говорит Давыдов Щукарю, распрягая лошадей; «Моего отца уволили после забастовки с завода, сослали в Сибирь... У матери нас четверо... Мне, старшему, девять лет тогда... Нечего было кушать, и мать пошла... Ты смотри сюда! Пошла на улицу мать, чтобы мы с голоду не подохли!» — задыхаясь от волнения, рассказывает Давыдов Разметнову; «Ему-то уж, наверно, не придется так, как мне пришлось после смерти матери: и белье сестренкам стирать, и штопать, и обед готовить, и на завод бегать...» — думает Давыдов о Федотке Ушакове).

Писатель подчеркивает рабочее происхождение Давыдова и характеристикой его речи, и раскрытием особенностей восприятия им окружающей жизни, тех процессов, с которыми он столкнулся в деревне («Хутор был для него — как сложный мотор новой конструкции, и Давыдов внимательно и напряженно пытался познать его, изучить, прощупать каждую деталь, слышать каждый перебой в каждодневном, неустанном, напряженном биении этой мудреной машины...»).

Биография Давыдова, становление, формирование его мировоззрения исторически конкретны, типичны для рабочего-коммуниста того времени. Отец Давыдова был сослан в Сибирь за участие в забастовках на заводе, нужда и лишения стали уделом его семьи, сын должен был рано пачать работу на том же заводе, а после смерти матери — заботиться о своих сестрах. Жизнь Давыдова складывалась так, что он всегда оказывался в самой гуще революционной борьбы, — моряк Балтийского флота, рабочий Путиловского завода, он впитал в себя самые боевые традиции русского рабочего класса. В этой борьбе закалялся характер Давыдова. Он сам ковал свою судьбу, становился хозяином своей страны.

Шолохов не дает развернутой портретной характеристики героя. Скупые описания внешнего вида Давыдова разбросаны по всему роману. Направляясь в Гремячий Лог, он «тщетно кутал лицо в потертый барашковый

воротник пальто, нахлобучил кепку», но «мерзли ноги в скороходовских стареньких ботинках». Казаки сразу же обращают внимание на его руки, «покрытые на ладонях засвинцованной от общения с металлом кожей, с ногтями в застарелых рубцах». Разметнов запоминает «его коренастую, прочного литья фигуру, лицо, напряженное, собранное в комок, с жесткими складками по обочинам щек, с усмешливо-умными глазами», и твердо решает: «Нет, этот не подведет» (VI, 51). У Давыдова — «черные, зачесанные вверх волосы», «смугловатое лицо» «щербинка во рту», он — «простой, широкоплечий и милый парень».

Столкнувшись с трудностями в создании колхоза, «Давыдов по-прежнему хранил наружное спокойствие, лишь резче легли у него над губами, по обочинам щек, глубокие складки упорства» (VI, 88—89).

При известии об убое скота у Давыдова «около глаз собрались расщепы морщинок, и лицо как-то постарело». Когда Островнов приморозил к песку колхозных быков, у Давыдова — «глаза, от гнева налитые слезами». После разговора с Федоткой он ощущает «радостную теплоту на сердце и влагу на глазах».

Писатель рисует героя в разное время, в различных ситуациях, чутко улавливая те даже незначительные перемены в его душевном состоянии, которые сказываются во внешности, в жестах, в выражении глаз, лица, в интонациях его голоса.

Получив посылку от товарищей по заводу, Давыдов смущен, растроган этим вниманием, несказанно счастлив. «По лицу Давыдова пробежала, тепля глаза, счастливая улыбка, радости он не мог скрыть, как ни пробовал сурово ежить губы.

— Получил я сегодня посылку из Ленинграда... Да, посылочку от ребят...— Он нагнулся, вытащил из-под кровати ящик и, багровый от удовольствия, поднял крышку...

Голос Давыдова был необычно мягок; таким растерянно-счастливым Андрей видел товарища Давыдова впервые. Волнение его, неведомо как, передалось и Разметнову. Желая сказать приятное, он буркнул:

— Ну, и хорошо. Ты — парень славный, вот, стало быть, и послали. Тут, гляди, не на один рубль добра положено.

— Дело не в этом! Ты же понимаешь, я, черт его подери, вроде безродного: ни жены, никого, факт! А тут — хлоп, и вот она, посылка. Трогательный факт... В письме, смотри, сколько подписей. — Давыдов в одной руке протягивал коробку папирос, в другой держал письмо, испещренное многочисленными подписями. Руки его дрожали» (VI, 122—123).

Самое главное, пожалуй, средство типизации характера Давыдова — раскрытие его органического родства с народом и заботливого отношения народа к нему. Открытой простотой, искренностью он располагает к себе самых различных людей. Казаки сразу же отмечают и высоко оценивают хозяйственность Давыдова. Приехав в Гремячий Лог, он «сам начал распрягать коней, помогая кучеру и обнаруживая давнишнее умение и сноровку в обращении с конем» (VI, 18).

Разметнов с радостью признает в Давыдове качества закаленного в боях руководителя. Нагульников вскоре на себе испытывает его принципиальность и на деле убеждается в правоте «черта шербатого». Шукарю по душе расположенность Давыдова к шутке. Кондрату Майданникову близка озабоченность Давыдова молодым и страшно необходимым колхозным строительством.

Сила Давыдова в его прочной связи с народом, в борьбе за его интересы, в том, что он не отделяет себя от народа. Поэтому гремяченцы поверили в Давыдова и приняли его как своего человека.

Давыдов — верный сын своего народа и партии. Преданность им, ясность мировоззрения, мечта о счастливом будущем своего народа, неотделимая от повседневной борьбы за это счастье — органически присущие Давыдову качества, определяющие все его поведение.

В ответ на угрозы кулаков Давыдов взволнованно, от всего сердца говорит на собрании гремяченцев: «...если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Слышишь ты, кулацкая гадина? Всю, до последней капли!» (VI, 76). И на деле он не раз доказывает, что не жалеет себя для партии. Сознывая всю ответственность работы в деревне, Давыдов решительно выступает против политически ошибочной линии секретаря райкома Корчжинского, искажавшего указания партии. Опираясь на важнейшие партийные документы, Давыдов проводит в жизнь «линию партии».

Он хорошо понимает, что лучший друг Советской власти в деревне — бедняк, что середняк, несмотря на колебания, — наш союзник, а кулак — враг и настало время его ликвидировать как класс.

На первом же собрании актива и бедноты Давыдов просто и ярко объясняет преимущества колхозов. Он с удовольствием слушает выступление бедняка Любишкина, тут же берет на учет «затуманенного классовым врагом» Тимофея Борщева, чувствуя необходимость личной беседы с ним. Чутко относится Давыдов и к гремяченским коммунистам. У Разметнова он закаляет силу воли, выдержку в борьбе с врагами, Нагульнову неустанно объясняет вред и опасность перегибов, дружески указывает на неполадки в личной жизни.

Уравновешенность и деловитость Давыдова, гибкие методы руководства противопоставляются горячности и прямолинейности Нагульнова, прибегающего к угрозам и насилию, к «кавалерийским наскокам» в решении задач колхозного строительства. Давыдов, терпеливо воспитывая крестьян, спланирует их вокруг себя. Действуя методами разъяснения и убеждения, он укрепляет свои связи с казаками, умело организует их и чаще всего достигает нужных целей.

Шолохов не раз сталкивает Нагульнова и Давыдова, показывая, как по-разному они решают одни и те же вопросы. Однажды под вечер к Давыдову пришла делегация стариков с просьбой разрешить провести молебен против засухи. «Давыдов говорил долго и осторожно, стараясь не обидеть религиозных чувств стариков», убеждал их «с наукой хозяйство вести, а не с попами» (VI, 336). Нагульнов же поступает иначе. Когда старики вышли в сени, «он плотно притворил дверь в комнату Давыдова, шепотом сказал:

— Вы, ветхие люди! Я про вас знаю: вы все норовите по-своему жить, вы напряженные черти. Вам бы все престольные праздники устраивать да с иконами по степе таскаться, хлеба вытаптывать... Ежели самовольно привезете попа и тронетесь в поле, я следом за вами выеду с пожарной командой и до тех пор буду вас из насосов полоскать, пока вы мокрее воды сделаетесь. Понятно? А поп пушай лучше и не является. Я его, волосатого жеребца, при народе овечьими ножницами остригу. Остригу на страм и пушу. Понятно вам?» (VI, 337).

В достижении целей Давыдов проявляет большую силу воли и выдержку. Во время «бабьего бунта» он с сознанием своей правоты убеждает толпу, что расхищение семян сорвет посевную кампанию. Едва передвигая ноги, через силу улыбаясь распухшими губами, Давыдов переносит тяжелые побои и надругательства обезумевших, готовых растерзать его женщин. «За вас же, сволочей!.. — неожиданно звонко сказал Давыдов и повел по сторонам странно посветлевшими глазами. — Для вас же делаем!.. И вы меня же убиваете... Ах, сво-ло-чи! Не дам ключей. Понятно? Факт, не дам! Ну?» (VI, 296).

Давыдов готов погибнуть, нежели поступиться интересами партии и народа. Но даже с теми, кто избивал его до крови во время грабежа семян, он разговаривает без личной злобы и обиды. Понимая, что это не враги, а «временно заблужденные», «качающиеся середняки», Давыдов говорит на хуторском собрании: «Мы к вам административных мер применять не будем, а будем вам фактически открывать глаза» (VI, 312). И он ведет разъяснительную работу, воспитывает ошибающихся. О Насте Донецковой, которая лишь вчера избивала его, Давыдов говорит: «...Ей хотелось, чтобы я на колени стал, пощады попросил, ключи от амбаров ей отдал! Но, граждане, не из такого мы — большевики — теста, чтобы из нас кто-нибудь мог фигуры делать!.. На коленях большевики ни перед кем не стояли и никогда стоять не будут, факт!.. Мы, граждане, сами привыкли врагов пролетариата ставить на колени. И мы их поставим» (VI, 311).

За этими патетическими фразами, полными глубокого смысла афоризмами, — страстная убежденность Давыдова, искренность его чувств. Излюбленное словечко «факт» подчеркивает непреклонность, напористость путиловского рабочего.

Выступая перед народом, Давыдов настойчиво, образно и просто разъясняет политику партии. Первое его выступление перед гремяченской беднотой Шолохов так характеризует: «Давыдов не был мастером говорить речи, но слушали его вначале так, как не слушают и самого искусного сказочника» (VI, 29). Секрет его успеха в том, что он, как опытный пропагандист идей партии, не механически воспринимает эти идеи, а глубоко продумывает их и доносит до народа сложные политические понятия в образных выражениях: «Бедняку и середняку-

одиначке купить трактор слабо: кишка тонка! Значит, чтобы купить, нужно коллективно соединиться батракам, беднякам и середнякам»; «Партия предусматривает сплошную коллективизацию, чтобы трактором зацепить и вывести вас из нужды. Товарищ Ленин перед смертью что говорил? Только в колхозе трудящемуся крестьянину спасение от бедности. Иначе ему — труба. Кулак-вампир его засосет в доску...» (VI, 30). «Кулака терпели мы из нужды: он хлеба больше, чем колхозы, давал. А теперь — наоборот. Товарищ Сталин точно подсчитал эту арифметику и сказал: уволить кулака из жизни! Отдать его имущество колхозам...» (VI, 34).

Так, опираясь на яркие примеры, четкие политические формулировки, доходчиво, убедительно Давыдов доказывал крестьянам преимущество колхозов. Его речь всегда логична и целеустремленна. Давыдов умеет связать общеполитические вопросы с практическими задачами, стоящими перед колхозниками, и мобилизовать их на конкретные действия («Сознательность у вас хорошая, факт! Но вы думаете, что войдете в колхоз и все? Нет, этого мало! Вы беднота, опора Советской власти. Вы, едрена зелена, и сами в колхоз должны идти, и тянуть за собой качающуюся фигуру середняка»; «Я вопрос ставлю круто: кто за Советскую власть — тот завтра едет в поле, кто против — тот пускай семечки лущит»).

Давыдов убеждает, воспитывает не только словом. Когда в бригаде Любишкина оказывается прорыв, он показывает пример хорошей работы, умело организует социалистическое соревнование. Никогда не державший ручек плуга, Давыдов думает: «Умру на пашне, а сделаю! Ночью при фонаре буду пахать, а вспашу десятину с четвертью, иначе нельзя. Позор всему рабочему классу...» (VI, 328). И коммунист, наученный партией преодолевать любые трудности, снова проявляет огромную настойчивость, силу воли, выдержку и показывает пример того, как надо работать.

Во всех делах колхоза Давыдов принимает непосредственное участие. Писатель рисует его в самой различной обстановке: и на собрании, и дома, и в беседах с колхозниками, и на конюшне, и в поле, и в райкоме, и на заседании партийной ячейки. Давыдов четко определяет свое место как руководителя, вовремя выделяет основ-

ной участок работы. В противоположность Разметнову, который склонен думать, что председатель колхоза «должен руководить, а не за плугом ходить», Давыдов заявляет: «Я сначала — коммунист, а потом уж... факт!.. а потом уж председатель колхоза! У меня пахота гибнет, а я тут буду?.. Я должен их научить работать и научу, факт! Это и есть руководство!» (VI, 318—319).

Давыдов всегда прислушивается к голосу коллектива и в решении самых важных вопросов опирается на его мнение. Прежде чем сказать Атаманчукову: «Удались. Ты теперь не колхозник, факт!» — Давыдов обращается к народу: «Ставлю перед бригадой вопрос: как быть с тем ложным колхозником, который обманывает колхоз и Советскую власть?..» — и, получив ответ «выгнать!», ставит вопрос на голосование: «Кто за то, чтобы вредителя и лодыря Атаманчукова выгнать?» (VI, 327). Его речи насыщены обращениями к колхозникам: «Кто за?», «Почему тишина?», «В чем дело?», «Как вы думаете?». В этих обращениях выражено постоянное стремление Давыдова получить поддержку народа.

Рост его как руководителя как раз и проявляется в укреплении единства с народом.

Давыдов не только воспитывает других, он растет и сам, расширяется его политический кругозор, крепнут его организаторские способности, накапливается опыт работы в деревне. Давыдов систематически следит за газетами, руководствуется в своей работе указаниями партии, изучает партийную литературу, агрономические журналы. Четкость его идеологических позиций писатель раскрывает в первой же сцене, когда Давыдов после спора приходит к выводу, что секретарь райкома «хромет на правую ножку».

Приступая к коллективизации Гремячего Лога, Давыдов понимает, что главная задача — укрепить колхоз, хорошо провести сев, поэтому он упорно выступает против обобществления мелкого скота и птицы и только после долгих колебаний вынужден согласиться с мнением большинства партийной ячейки.

Но вскоре Давыдов признает свою ошибку и смело заявляет Нагульнову: «Мы политически ошиблись с проклятой птицей, факт, ошиблись! Я сегодня ночью прочитал кое-что по поводу организации колхозов и понял, в чем ошибка: ведь у нас колхоз, то есть артель, а мы на

коммуну потянули. Верно? Это и есть левый уклон, факт! Вот ты и подумай. Я бы на твоём месте (ты провёл это и нас сагигировал) с большевистской смелостью признал бы эту ошибку и приказал разобрать кур и прочую птицу по домам» (VI, 153).

Разметнов застаёт Давыдова за изучением доклада Андреева на ростовском партактиве. К Островнову Давыдов идет за агрономическими журналами и настойчиво овладевает сельскохозяйственными знаниями. Ошибаясь в ряде вопросов, он смело вскрывает свои ошибки, своевременно стремится исправить их, требует такой же принципиальности и самокритичности и от других гремяченских коммунистов.

Вера в победу колхозного строительства, преданность партии, любовь к народу сочетаются у Давыдова с непримиримой ненавистью к врагам. Несмотря на прошлые боевые заслуги Титка Бородина перед Советской властью, он беспощаден к нему как к кулаку («Был партизан — честь ему за это, кулаком стал, врагом сделался — раздавить! Какие тут могут быть разговоры?»). Ненависть к врагам Давыдов воспитывает и у народа, и у гремяченских коммунистов. Высоко ценя доброту, сердечность Разметнова, он со всей силой обрушивается на товарища, когда тот отказывается от участия в раскулачивании, жалеет детей кулаков.

Шолохову удалось передать в образе коммуниста-рабочего Давыдова большое человеческое обаяние, глубокую любовь и уважение к простым людям, сердечную чуткость и теплоту в отношениях с ними, простоту и скромность, непоередственность и искренность, жизнерадостность и оптимизм.

С нежной улыбкой смотрит Давыдов на малышей, тепло у него на сердце после беседы с босоногим Федоткой Ушаковым. Обводя глазами бескрайнюю, нежно зеленющую степь, он мечтает о счастье народа о той грядущей новой жизни, которая сегодня уже пришла на Дон, которую строит донское казачество вместе со всем советским народом: «Хорошую жизнь им построим, факт! Бегаёт сейчас Федотка в отцовском картузе казачьего фасона, а лет через двадцать будет электроплугом навораживать вот эту землю... Счастливые будут Федотки, факт!» (VI, 258).

С трогательной симпатией нарисовал Шолохов цель-

ный образ славного, милого парня, «путиловского слесарька Семки Давыдова» и вместе с тем принципиального коммуниста, закаленного партийного руководителя, который, несмотря на происки замаскировавшихся врагов, преодолел все трудности, выполнил задание партии и при активной поддержке народа создал в Гремячем Логу крепкий колхоз, своими делами упрочил союз рабочих и крестьян.

*Андрей
Разметнов.* Преданность партии — основная черта характера и другого коммуниста — Андрея Разметнова, председателя сельсовета в Гремячем Логу. Рано познав горечь нищеты и унижения, он, как и Нагульнов, посвятил себя борьбе за Советскую власть, за «родимый социализм».

В пятой главе дается полная драматизма биография Андрея Разметнова, печальный рассказ о жестокой судьбе бедного казака. От покойного отца осталась Андрею в наследство лишь дедовская шашка в потертых ножнах. Когда пришло время идти на службу, не только коня, но и обмундирование не на что было купить казаку Разметнову.

Пока мотался Андрей по фронтам, «защищая чужое богатство и чужую сытую жизнь», станичное правление за дешевого рыженького «конька», за милость, оказанную при проходах на службу, отобрало надел его земли. Пришлось жене служивого батрачить, наниматься на молотьбу к зажиточным казакам.

В восемнадцатом году, вернувшись на короткий срок домой, Разметнов вместе с Нагульновым, Любишкиным и другими казаками-фронтовиками ушел к красным, отступал вместе с ворошиловскими частями на Морозовскую, храбро защищал красный Царицын.

После разгрома отряда Подтелкова хуторяне жестоко отомстили Разметнову за уход к красным, белые казаки надругались над семьей. Не снесла позора жена Евдокия, наложила на себя руки. Не застал Андрей, при скавав в хутор, и единственного сына. С тех пор на его белокуром чубе блеснули «ковыльные нити седины». Только через два года, пройдя всю гражданскую войну, вернулся Андрей Разметнов с польского фронта в родной хутор, бродил по Верхнедонскому округу с продотрядом, работал в хозяйстве.

В свое время не хватило Разметнову самообладания, мягок и доверчив был он, удержался от расправы над семьей Аникушки Девяткина, виновника трагической гибели жены, пожалел его детей. «А потом опять в работе, — пишет Шолохов, — в борьбе за кусок хлеба, в суете рассасывалась злоба, и тупая, ноющая, уходила боль, похожая на ту, которую иногда испытывал он от рубца на лбу — памятки, оставленной некогда палашом мадыарского офицера!» (VI, 49).

Злоба и ненависть отступили. Они были не в характере Разметнова, человека большой любви к людям, эмоционального, остро впечатлительного.

Завидев многочисленных детей Гаева, Разметнов снова теряет выдержку и самообладание, отказывается участвовать в раскулачивании («Наслухался я детского крику, своего парнишку вспомнил, ну и защемило...»). Широко развернутая перед этим биография Разметнова помогает глубже понять его поведение, особенности его характера. Под влиянием Давыдова Разметнов вскоре осознает и осуждает свое слабодушие, хотя впереди ему еще предстоит большая школа политического воспитания.

Разметнов — типичный представитель трудового казачества, прочно связавшего свою судьбу с новой жизнью, с партией. Став председателем Гремяченского Совета, он пользуется уважением крестьян, очень дорожит своим авторитетом, во всем стремится подавать личный пример колхозникам. Сознание ответственности перед партией и народом, чувство долга глубоко присущи Разметнову. Он беспокоится о сохранении общественного порядка на хуторе, активно участвует в коллективизации, тяжело принимает к сердцу неудачи. Шрам на его лбу багровеет, когда Разметнов узнает, что колхозники начали резать скот. Мужественно ведет себя он в самое трудное для колхоза время. С достоинством говорит подстрекаемой кулаками толпе: «Я председатель! Надо мной смеяться — над Советской властью смеяться! Хлеба я не позволю брать».

Исключительная непосредственность и даже наивность, душевная чистота Разметнова раскрываются в самом начале романа. «Из соседней комнаты вышел плотный казачок в козьей серой папахе, сбитой на затылок, в куртке из шинельного сукна и казачьих с лам-

пасами шароварах, заправленных в белые шерстяные чулки.

— Это вот и есть председатель Совета Андрей Разметнов.

Председатель, улыбаясь, пригладил ладонью белесые и курчавые усы, с достоинством протянул руку Давыдову... Он рассматривал Давыдова с наивной беззастенчивостью, часто мигая ясными, как летнее небушко, глазами. На смуглом, давно не бритом лице его с косо опоясавшим лоб голубым шрамом явно сквозило нетерпеливое ожидание» (VI, 19).

Рисуя образ этого честного, искреннего, излишне доверчивого человека, Шолохов особое внимание обращает на его открытую улыбку, на часто мигающие, ясные, светлые, «как летнее небушко», глаза.

Разметнов исключительно чуток и заботлив в отношениях с товарищами. Он во всем старается помочь Давыдову, убедить Нагульнова, когда видит, что тот не прав. Поддерживая Давыдова, Разметнов вместе с тем сурово осуждает Нагульнова за перегибы («ты рядовой боец, и ты строй соблюдай...»).

Всем сердцем преданный партии, взволнованно мечтающий о «голубом будущем», Разметнов еще плохо разбирается в сложной классовой борьбе, его политический уровень еще недостаточно высок. Утрачивая чувство бдительности, он доверяется Островнову и вводит в заблуждение Давыдова. Разметнов наивно полагает, что Хопрова убили «по бабьей части». Не хватает ему последовательности и выдержки в борьбе с собственническими настроениями Марины Поярковой. Сталкиваясь с происками врагов, он теряется, не обнаруживает политической зоркости и дальновидности. Но, как и другие коммунисты, он растет, накапливает опыт руководителя, все четче определяет свое место на хуторе. Это проявляется в осуждении Нагульнова на собрании партийной ячейки, в правильном поведении во время «бабьего бунта», в разрыве с Мариной, вышедшей из колхоза.

Преданность партии, делу революции, исключительная честность, человеческая чуткость и отзывчивость, сердечное внимание к людям и забота о них, непосредственность, искренность, высокие нравственные чувства — это те качества Разметнова, без которых не может жить коммунист.

Макар
Нагульнов.

Чуткости и человечности, свойственных Разметнову, не хватает Макару Нагульнову, секретарю Гремяченской партийной ячейки. Но Шолохов противопоставляет Нагульнова не столько Разметнову, сколько Давыдову, подчеркивая различный уровень их сознания, отличие методов работы с народом. Образ Нагульнова необычайно сложен. Революционная страстность, самоотверженная преданность партии, сердечная боль «за наших родных братьев, над какими за границами буржуи измываются», мечта о мировой революции, об уничтожении капитализма «в мировом масштабе», всепоглощающая ненависть к собственности сочетаются в нем с партизанскими наскоками в работе, с левацкими загибами, с необузданной безрассудной страстностью и политической малограмотностью.

При первой же встрече с Нагульновым Давыдов обращает внимание на своеобразную внешность этого высокого, прямоплечего человека с орденом «Красного Знамени» на широкой груди. «Над желтоватыми глазами его с непомерно большими, как смолой налитыми, зрачками срослись разлатые черные брови. Он был бы красив той неброской, но запоминающейся мужественной красотой, если бы не слишком хищный вырез ноздрей небольшого ястребиного носа, не мутная наволочь в глазах» (VI, 19). Отдельные детали портретной характеристики повторяются и в дальнейшем: «хмуря от напряжения разлатые брови», «поднял разлатые брови», «сдвинул разлатые брови», «шевелилась разлатая бровь», «раздул ноздри», «налитые кровью глаза», «загоревшиеся глаза», «огромные, расширившиеся зрачки» и т. д. Особенности характера Нагульнова подтверждаются всем его поведением, раскрытым в романе.

Определяющая черта характера Нагульнова — ненависть к собственности, к врагам социализма; она выдвигается автором на первый план, постоянно подчеркивается и в его рассказах о дореволюционной жизни, и в речах перед колхозниками, и в поведении во время раскулачивания и сбора семян. Давыдову он говорит: «Я, дорогой товарищ рабочий, легче дышу, как услышал, что сплошь надо стянуть в колхоз хлебоборбскую собственность. У меня к ней с мальства ненависть. Все зло через

нее, правильно писали ученые товарищи Маркс и Энгельс» (VI, 38).

Еще в детстве Нагульнов видел, как жадность, стяжательство калечили людей, поэтому он «восстал против собственности». Его отец был зажиточным казаком, имел большие посеы, но Нагульнов порвал с ним, «от сытой жизни и от четырех пар быков в нужду ушел, в работники». Через всю свою жизнь он пронес ненависть и презрение к собственности, все глубже осознавал необходимость борьбы с ней. С фронта империалистической войны Нагульнов вернулся большевиком, «рубил гадов беспощадно» в гражданскую войну, «на всех фронтах бился с белыми» в рядах I Конной армии, подавлял кулацкое восстание в Донецком округе в 1920 году, а вернувшись в Гремячий Лог, отказался от своего хозяйства, отдал быков, весь инвентарь соседней коммуне, всего себя посвятил борьбе за новую колхозную жизнь.

Лишенный выдержки и политической зрелости, «весь заостренный на мировую революцию», Нагульнов и в мирное время действует «как во дни гражданской войны, как на позиции». Он страстно обличает приверженцев собственности, но, ослепленный ненавистью к ней, допускает грубые ошибки и по сути дела противопоставляет себя народу. Вместо разъяснительной, воспитательной работы Нагульнов прибегает к непригодным, пагубным средствам — угрозам, насилию, принуждению. Избив наганом единоличника Банника, он заявляет Разметнову: «Кабы из каждой конторы посля одного удара наганом по сорок пудов хлеба выскакивало, я бы всею жизнью тем и занимался, что ходил бы да ударял их!» (VI, 197).

Искренне, всем сердцем преданный партии, считая, что он обороняет ее «от нападков всякой сволочи», Нагульнов утрачивает чувство такта, гибкости, политической зоркости, совершает ряд перегибов, промахов, серьезных ошибок.

Он готов расстреливать колхозников, которые поддались кулацким черным слухам и начали уничтожать скот («А вот как шлепнули бы парочку таких, какие стельных коров порезали, остальные небось поочухались бы!»), предлагает немедленно обобществить домашнюю птицу («Пускай и куры колхозом живут»). Собирая семенной хлеб, он сначала уговаривал крестьян спокойно, потом «стал постукивать кулаком», наконец

«грохнул кулаком по столу», арестовал трех колхозников, посадил в пустую комнату, избил Банника, взвел курок нагана и продиктовал ему расписку: «...хотя я и есть контра скрытая, но Советской власти, которая дорога всем трудящимся и добытая большой кровью трудового народа, я вредить не буду ни устно, ни письменно, ни делами. Не буду ее обругивать и досажать ей, а буду терпеливо дожидаться мировой революции, которая всех нас — ее врагов мирового масштабу — подведет под точку замерзания. А еще обязываюсь не ложиться поперек пути Советской власти и не скрывать посев.» (VI, 195).

Одно из главных средств типизации характера Нагульнова — его речь. Она эмоциональна, приподнята, пронизана революционным пафосом, пересыпана книжными словами и сочетаниями, политическими терминами, малопонятными для Нагульнова и своеобразно осмысленными им («Я согласен с тем, что я влево загибал с курями и прочей живностью..»). «Вот я к примеру развелся с Лушкой и распрекрасно себя сознаю... И вот даже могу сам себя обучать и образовываться»). Когда он спокойно уговаривает колхозников, его речь становится яркой, образной («А то к весне ни бычьего мыку, ни кочетиноного крику в хуторе не услышишь...»; «Бабочки, дорогие мои! Не тянитесь вы за курями, гусями! На спине не удержались, а уж на хвосте и подавно»; «Еще скажу, что они порченую ведут политику, и я их давно бы разогнал за то, что они подлегли под Советскую власть, как паршивый теленок, сосать — сосут, а росту ихнего нету»; «Он думает, что он быка режет, а на самом деле он мировой революции нож в спину сажает!»). В минуты душевных волнений Нагульнов теряет равновесие, спешит, забегает вперед, и это выражается в его речи: она становится прерывистой, предельно напряженной, насыщенной восклицаниями. Во время беседы с Давыдовым, который советует развернуть массовую работу и настойчиво разъяснять политику партии, Нагульнов вдруг вскинул голову, «как конь, почувствовавший шенкеля, загремел»: «Все порежут! Время подошло позиционное, как в гражданскую войну, враг кругом ломится, а ты! Загубите вы, такие-то, мировую революцию!.. Не приспееет она через вас, тугодумщиков! Там кругом буржуи рабочий народ истязают, красных китайцев в дым уничтожают, всяких черных побивают, а ты с врагами тут нежни-

чаешь! Совестно! Стыдоба великая! В сердце кровь сохнут, как вздумает о наших родных братьях, над какими за границами буржуи измываются. Я газеты через это самое не могу читать! У меня от газетов все в нутре переворачивается! А ты... Как думаешь о родных братах, каких враги в тюрьмах гноят! Не жалеешь ты их!..» (VI, 127—128).

Клокочущая ненависть к врагам мирового пролетариата, наивная вера в возможность немедленного свершения мировой революции и освобождения рабочего класса всего мира от капиталистической эксплуатации заставляют идти Нагульнова на любые жертвы и во многом объясняют ряд его поступков. Если Давыдов вчитывается в постановления партии, знакомится с агрономическими журналами, чтобы использовать свои знания в непосредственной практической работе, то Нагульнов изучает «ужасно трудный и чертовски нужный ему» английский язык для того, чтобы «без нежностей гутарить с мировой контрой», а когда установится в Англии Советская власть, сказать английским буржуям: «Пил кровь из своих английских рабочих классов, из индейцев и из разных других угнетенных наций? ксплотировал чужим трудом? — становися, кровяная гадюка, к стенке!» Вот и весь разговор! Эти слова я перво-наперво разучу. Чтобы мне их без заминки говорить» (VI, 268). «Мировой революцией заслонялся» Нагульнов и от жены Лушки. Считая, что «не время зараз нам, коммунистам, завлекаться разными посторонними делами», он не только сам разводится с женой, но и другим коммунистам готов запретить жениться до тех пор, пока не совершится мировая революция («Какие исстари одурели, поженились, энти пушай доживали бы с женами, а молодым вьюношам я бы по декрету запрет сделал жениться. Какой из него будет революционер, ежели он за женин подол приобыкнет держаться?.. Я на себе это испытал, категорически знаю!.. А у кого ишо дети пойдут, энтот для партии вовзят погибший человек... После мировой революции — по мне — ты хучь издохни на бабе, тогда мне наплевать, а зараз ты весь должен быть устремленный на эту революцию»).

Шолохов осуждает беспричинную жертвенность Нагульнова во имя мировой революции, его аскетизм. По справедливому мнению Разметнова, Макар несет «не-

сусветную чушь». Не без страха Разметнов думает: «Хорошо, что брухливой корове бог рог не дает, а то если б Макару дать власть, что бы он мог наделать?» (VI, 266). Подчеркивая крайности Нагульнова, явившегося результатом его политической малограмотности, Шолохов тут же раскрывает отношение к поступкам Нагульнова других коммунистов, осуждающих своего товарища («Вот опять ты загибаешь... Беда с тобой, Макар! Ну ты подумай: разве можно за убой коровы расстреливать?» — говорит Давыдов; «Макара, вот кого надо взнуздывать!» — думает Разметнов; «Ты старыми, партизанскими методами работаешь, а сейчас иное время, и не налеты, а позиционные бои идут... Ты хотя и нервнобольной, но надо, дорогой Макар, себя того... обуздывать, а?» — учит Давыдов).

Еще до статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» Нагульнов, под воздействием партийного коллектива Гремячего Лога, понял промахи с обобществлением домашней птицы и сам предложил колхозникам разобрать своих кур. С неохотой, но исполняет он и другой совет Давыдова: идет вместе с комсомольцем Найденовым по дворам и учится у него умению разговаривать с народом. Однако не легко преодолевал свои ошибки Нагульнов, с большим трудом, по-своему понимал он смысл статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов», медленно отрешался от партизанских методов. Прямо и откровенно признал он свои ошибки на собрании Гремяченской ячейки, искренне, от всего сердца заявил: «От Троцкого я отпихиваюсь. Мне с ним зараз зазорно на одной уровне стоять! Я не изменник и наперед вас упреждаю, кто меня троцкистом назовет — побью морду! До мослов побью! И я влево с курами ушел не за ради Троцкого, а я поспешал к мировой революции! Через это мне и хотелось все поскорее сделать, покруче собственника — мелкого буржуа — завернуть» (VI, 231). Стремясь глубже понять смысл своих ошибок, Макар достал из кармана полушубка «Правду», развернул ее и стал читать: «Кому нужны эти искривления, это чиновничье декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? Никому, кроме наших врагов! К чему они могут привести, эти искривления? К усилению наших врагов и к развенчанию идей колхозного движения. Не ясно ли, что авторы

этих искривлений, мнящие себя «левыми», на самом деле льют воду на мельницу правого оппортунизма?» Вот и выходит, что я перво-наперво — декретный чиновник и автор, что я развенчал колхозников и что я воды налил на правых оппортунистов, пустил в ход ихнюю мельницу. И все это из-за каких-то овец, курей, пропади они пропадом! Да из-за того, что припугивал несколько штук бывших белых, какие на тормозах в колхоз спускались» (VI, 231—232).

Не может понять Нагульнов одного — как это он, коммунист, который всем существом ненавидит врагов, оказывается их пособником.

Шолохов подчеркивает беззаветную преданность Нагульнова делу социализма, «родимой партии». Мертвенно бледнея, он говорит на бюро райкома: «Куда же я без партии? И зачем? Нет, партбилет я не отдам! Я всю жизнь свою вложил... всю жизнь... и вдруг старчески-жалко и бестолково засуетился, зашарил по столу руками, путаясь в словах, торопливо и невнятно забормотал: — Так ты уж лучше меня... прикажи ребятам... Меня тогда на распыл падо... Ничего не остается... Мне жизнь теперь без надобностей, исключите и из нее...» (VI, 278—279).

Передавая тревогу, тяжелые переживания исключенного из партии, ставшего вдруг одиноким Нагульнова, Шолохов рисует одинокий могильный курган в безлюдной степи, на вершине которого «скорбно шуршат голые ветви прошлогодней полыни», «угрюмо никнут к земле бурые космы татарника», «старчески уныло» выглядят «безрадостно-тусклые» пучки желтого пушистого ковыля. После мрачных размышлений о самоубийстве Нагульнов решает во что бы то ни стало «сражаться с гадами», даже будучи беспартийным. «Посветлевшими глазами оглядел он распростертый окрест его мир». Нагульнов видит, что земля сохнет, переставается, и спешит в хутор немедленно поднять колхозников на работу, вывести их в поле.

Вернувшись в Гремячий Лог, он мужественно защищает и спасает от разграбления семенной хлеб.

Медленно перестраивается Нагульнов, трудно по-рвать ему с методами угроз и запугиваний.

Давыдов очень метко характеризует Нагульнова: «Путаник, но ведь страшно свой же!» Писатель рисует

Нагульнова в напряженной борьбе с врагами колхозного строя и пережитками старого мира, показывает трудности роста его политического уровня.

Коммунисты «Поднятой целины» преодолевают свои ошибки, политически закаляются, поднимается их сознание, культурный уровень, крепнут связи с народом. Образы коммунистов в романе — яркое свидетельство руководящей роли Коммунистической партии, направляющей и воспитывающей коммунистов в процессе строительства социализма.

4. Рождение колхозного крестьянства

Движение народных масс к социализму было тесно связано с преодолением собственнической психологии, пережитков старого строя и формированием социалистического сознания. Колхозное крестьянство рождалось в обстановке жестокой классовой схватки с врагами колхозного строя, в процессе ломки старых производственных отношений и сложной внутренней борьбы с собственническими чувствами и инстинктами.

Шолохов показывает, что крестьянство на собственном опыте убеждалось в преимуществах колхозной жизни, тянулось к ней и в процессе коллективного труда все глубже осознавало свое единство с партией. Эту мысль писатель воплотил не только в массовых сценах романа. Он создал галерею типических представителей крестьянской массы — бедняков и середняков — и на их примере проследил процессы, связанные с рождением нового, колхозного крестьянства.

Бедняк Павел Любишкин на первом же собрании поддерживает создание колхоза в Гремячем Логу. Он хорошо сознает, что хлеборобам надо начинать «какую-то новую жизнь». Однако стремление к новой жизни, вступление в колхоз еще не означало полного разрыва со старыми привычками, собственническими настроениями. Даже бедняку Павлу Любишкину трудно было сразу порвать с тягой к единоличной собственности. Ему с немалым трудом удастся увести на общий баз свою корову, из-за которой дома «кроворазлитие вышло». Поддался Любишкин вражеским слухам и «сам опаскудился, прирезал козу». Не случайно Давыдов, замечая, что Лю-

бишкин — «парень хороший», решает: «надо над ним поработать».

В другой раз Давыдов сталкивается с новым проявлением собственнических пережитков. Поздно ночью толпятся колхозники у общественной конюшни. С озлобленной досадой рассказывает Майданников: «Как на ночь метать коням, так и их черт несет. Народ никак не может отрешиться от единоличности. Это все хозяева сидят! Приходят: «А моему гнедому положил сена?», «А буланому постелил?», «Кобылка моя тут целая?» А куда же, к примеру, его кобыленка денется? В рот я ее запхну, что ли? Все лезут, просят: «Дай подсоблю наметать коням!» И всяк норовит своему побольше сенца кинуть... Беда!» (VI, 132).

*Кондрат
Майданников.* Движение народных масс к новой жизни, процесс становления социалистического сознания и преодоления собственнических пережитков Шолохов особенно полно раскрыл в образе Кондрата Майданникова. На его примере писатель показывает те глубокие изменения, которые произошли в сознании казачества за годы Советской власти. «Был он по отцу донским казаком, теперь — колхозник», — пишет Шолохов, прослеживая процесс рождения нового крестьянина-колхозника.

Если отец Кондрата участвовал в подавлении рабочих восстаний и не раз, защищая интересы фабрикантов, «вместе со своей сотней порол плетью и рубил шашкой бастовавших иваново-вознесенских ткачей», то середняк Кондрат Майданников «рубил белополяков и врангелевцев, защищая свою, Советскую власть, власть тех же иваново-вознесенских ткачей, от нашествия фабрикантов и их наймитов» (VI, 147). Кондрат Майданников — убежденный сторонник Советской власти, понимающий, что единственно правильный путь для всего крестьянства — идти в колхоз. И он одним из первых вступает в него. «Прошу допустить меня до новой жизни, так как я с ней вполне согласный», — пишет Кондрат в заявлении. Вступая в колхоз, Майданников агитирует и других. Бесхитростно, простыми словами он раскрывает преимущества коллективного труда: «Вас ВКП пихает на новую жизнь, а вы, как слепой телок: его к корове под сиську ведут, а он и ногами брыкается, и головой мотает. А телку сиську не сосать — на белом свете не жить!» (VI, 76).

Кондрат «давно уже не верит в бога, а верит в Коммунистическую партию», «он накрепко, неотрывно прирос к Советской власти». Человек высокой сознательности и широкой мысли, он не только предан партии, понимает ее политику, поддерживает ее начинания. Кондрат борется с пассивностью хуторян, разъясняет им, что коммунисты ведут грудящихся мира «к голубому будущему». События, происходящие в Гремячем Логу, он связывает с судьбами своей великой Родины. Сознвая, что вся страна, строящая пятилетку, терпит великую нужду, он знает, почему в кооперативной лавке нет товаров, почему трудно будет первое время в колхозе. Совесть не позволяет ему просить у Давыдова обувь для босой дочери.

Обнаруживает Кондрат и глубокую заинтересованность в судьбах зарубежных трудящихся. Мысленно он обращается к ним: «Через чего до се нету у вас Советской власти? Через чего вы так припозднились? Ежели б вам погано жилось, вы бы теперича уж революцию сработали... Али вы не видите через границу, как нам тяжело подымать хозяйство? Какую нужду мы терпим, полубосые и полуголые ходим, а сами зубы сомкнем и работаем. Совестно вам будет, братушки, прийти на готовенькое!» (VI, 149).

Испытав на себе кулацкую эксплуатацию, Кондрат остро ненавидит кулаков, радуется их ликвидации, охотно участвует в раскулачивании Лапшинова и всенародно обличает его хищничество («А тебе не совестно было с меня за две меры проса, какие на семена брал, три меры взять?»). Настороженно относится он и к Островнову, всякий раз сообщая Давыдову о преступных распоряжениях завхоза, разоблачая его выступление против плановой работы в колхозе. Кондрат воплотил в себе качества нового, советского человека. Но и его характер раскрывается писателем в развитии, в борьбе высокой сознательности с собственническими чувствами. Если середняк Никита Гурьянов в «Брусках» Ф. Панферова пришел в колхоз лишь тогда, когда убедился после долгих колебаний в его преимуществе, то Кондрат Майдашиков выражает настроения той части крестьянства, которая приняла колхозную жизнь с первых дней. Подчеркнув этим социалистические начала в характере крестьянина, Шолохов вместе с тем проследил сложный

социально-психологический процесс преодоления чувств одиночника и тяги к собственности.

Ограничившись скупой характеристикой внешности Кондрата («невысокий, в сером зипуне, казак», с выцветшей буденовкой на голове), Шолохов сосредоточился на раскрытии его психологии, внутренней борьбы между чувством и рассудком. Переживания Майданникова раскрываются с помощью внутренних его монологов, ночных воспоминаний и мучительных размышлений, в процессе которых сознание нового человека брало верх, побеждало.

Речь Кондрата рассудительна, спокойна, образна. Наряду с местными речениями, в языке Кондрата появляются новые слова (трактор, бригада, ударник), без которых ему уже трудно обходиться.

Мучительно переживает Кондрат оставшиеся в наследство от старого, буржуазного мира собственнические пережитки, не спится ему по ночам: «И не спится потому, что осталась в нем жалость-гадюка к своему добру, к собственной худобе, которой сам он добровольно лишился...» (VI, 147).

Причина этой жалости к своему добру — в коренной ломке одиночной жизни, старых, привычных собственнических навыков. Дни и ночи проводил Кондрат в заботе о личном хозяйстве. «А сейчас пусто, мертво у Кондрата на базу. Не к кому выйти. Порожние стоят ясли, распахнуты хворостяные ворота...» Подлюка-жалость подкрадывается к сердцу и потому, что трудно наживал Кондрат свое хозяйство («у кого всего по ноздри, тому, небось, не так жалко...»). С тревогой ожидал он быка, сколько раз холодными ночами просыпался, бегал к корове, боялся, чтобы не замерз теленок. Кутая в полу зипуна, принес он его в хату, выходил. Хорошо потом работал бык на Кондрата, и со слезами расставался с ним хозяин. Трудно покидала Майданникова жалость, нелегко давался колхоз, со слезой и кровью рвал он нити, соединявшие его «с собственностью, с быками, с родным паем земли...» (VI, 80).

Тоскуя по ночам, лишаясь сна, вспоминает Кондрат прошлую жизнь, как защищал родную Советскую власть, как однажды, будучи в Москве на Всероссийском съезде Советов, пришел на Красную площадь. «Глянул на мавзолей, на победно сияющий в небе красный флаг

и торопливо сдернул с головы буденовку. С обнаженной головой, в распахнутом домотканом зипуне стоял долго и недвижимо...» (VI, 145). Мнится теперь Кондрату ликующее марево огней над Москвой, видит, как над Кремлем, над всем миром развевается красное полотнище, думает о том, что там, за границей, льют слезы трудящиеся люди, и ему больно за себя, за неизжитое чувство собственности.

Кровно заинтересованный в благополучии колхоза, Кондрат постепенно втягивается в новую жизнь, проявляет высокую сознательность и честное отношение к труду. Он строит первые общественные ясли, дежурит на колхозной конюшне, работает в поле, во всем подавая пример другим колхозникам. Кондрат предлагает по-хозяйски использовать объедки, не стелить их коням, а искормить овцам и козам; замечает, что Куженков сам не пошел поить лошадей, послал парнишку, а тот, не дожидаясь, пока они все напьются, пригнал их наметом к конюшне; беспокоится о птице, согнанной в один двор; требует вынести постановление, чтобы колхозники зря не ходили на конюшню и не беспокоились о своих конях; с гневом выступает против равнодушного, халатного отношения к колхозной собственности. О всех замеченных неполадках Майданников сообщает Давыдову.

Если раньше Кондрат тревожился только о своем хозяйстве, то теперь он беспокоится о благе всего коллектива, охраняет колхозную собственность, спасает ключи от общественных амбаров, по-настоящему сражается с Атаманчуковым, который хочет загубить колхозных быков, требует глубокой пахоты и выполнения нормы.

Кондрат Майданников, на которого постоянно опирается Давыдов, помогает развернуть социалистическое соревнование. В процессе коллективного труда и новых, социалистических отношений, под влиянием умелого организатора и руководителя Давыдова он приобщается к новой жизни, становится ударником, «заглавной фигурой» в колхозе. С дружеской теплотой относится Кондрат к рабочему Давыдову, всегда поддерживает его, обучает пахоте, пасет по ночам его быков, помогает ему выполнить данное колхозникам обещание — вспахать один гектар. Испытав радость коллективного труда, Кондрат, однако, еще «хворает душой» о своей собственности, поэтому вынужден отказаться от предложения Нагульнова

вступить в партию: «Раз я ишо не отрешился от собственности, значит, мне и в партии не дозволяет совесть быть. Я так понимаю» (VI, 341).

Кондрат в любое время готов защитить Советскую власть. Представитель новой, колхозной деревни, он уверенно идет за рабочим классом, за партией.

Дед Щукарь. Существенные перемены под влиянием колхозной действительности происходят даже в характере деда Щукаря, жизнь которого была слишком сильно изуродована в годы проклятого дореволюционного прошлого.

Дед Щукарь — фигура юмористическая. Это — необычайно хвастливый, лукавый и хитрый старик. Особенности характера Щукаря выражены уже во внешнем его облике, в кратких, но выразительных деталях портрета: «Старый, в белой бабьей шубе, дед, соскребая с усов сосульки, лукаво прижмурился» (VI, 17); «Волосы на обнаженной голове его были плотно прибиты дождем, в мокрой бороденке, в бровях густо торчало разваренное пшено. Щукарь был иссиня-бледен, напуган...» (VI, 320); «в клочкастой бороденке торчали обзерненные головки пырея, пересохшие травяные былки и листья, желтая осыпь донника. Лицо деда Щукаря было вишнево-красно, печать безмерного испуга лежала на нем...» (VI, 297). Но в лучшие минуты жизни оно выражало довольство, и «выцветшие ликующие глазки» его сыто или лукаво жмурились. Дедов малахай, недвижно и важно торчащий среди подсолнечных будыльев на огороде, белая длинная бабья шуба, растерзанная титковым кобелем, «свалявшаяся в клочья бороденка» сопутствуют необычайным зловключениям Щукаря.

Веселая шутка скрашивала печальное, безрадостное существование Щукаря, уделом которого до революции была нищенская бесправная жизнь. «Мне в крестьянской бытности не было удачи, — «жалится» он Давыдову, рассказывая о своем прошлом. — С мальства моя жизнь пошла наперекосяк, да и так до последних времен. Меня кубыть ветром несло всю жизнь, и то скособочит, то вдарит об какой предмет, а то и вовсе к ядрене матери ушибет...» (VI, 259).

Бабка-повитуха предсказывала его матери: «Твой сын, как в лета войдет, генералом будет. Всеми статьями шибается на генерала: и лобик у него, мол, узенький, и

головка тыклой, и пузцо сытенькое, и голосок басовитый. Радуйся, Матрена!» (VI, 259). Но уже через две недели Щукарю пришлось испытать превратности судьбы: во время крещения пьяный поп «шырнул» его в купель с кипятком. С той поры и пошли все неудачи.

Однажды его вместо шуки вытянули из воды с разодранной губой и с тех пор прозвали Щукарем, другой раз погнался за ним хуторской бугай, сломал нижнее ребро, и не взяли Щукаря на службу. Вся его жизнь в прошлом складывалась из комических и в то же время печальных происшествий, о которых он сам же с горечью и рассказывает Давыдову. Причины этих бесконечных неудач и горестей — в несправности и незащитности бедняка Щукаря («А все через то, что в хлебоборобской бытности произведенный я на свет»; «Кабы лет сорок назад меня рабочим исделать, я бы, может, другим человеком был...»).

Трагизм положения Щукаря заключается в том, что он, несмотря на все свои стремления, не мог вырваться из крайней нищеты и невежества, стал посмешищем для хуторян. Мечта о лучшей жизни, о том, чтоб в нем уважали человека, породила желание прихвастнуть, соврать. Купив у цыган надутую воздухом лошадь, Щукарь испытывает чувство небывалой радости, стремится «показать, что и он, Щукарь, теперь выбился из бедноты и едет хоть на плохой, но зато на собственной лошади» (VI, 251).

Комизм Щукаря — в несоответствии между его действительным положением и представлениями о себе. Хвастаясь, он забывал о своей бедности и несчастьях и видел себя тем, кем он хотел, но не мог быть в условиях дореволюционной действительности.

Воплотив в характере Щукаря ряд черт, порожденных дореволюционным прошлым, Шолохов показал, как выпрямляется жизнь искалеченного нищенским существованием человека.

Щукарь не только без колебаний стал на сторону Советской власти, но и осознал свою социальную близость к тем, кто ведет крестьянство к лучшей, колхозной жизни. Считая себя приятелем Давыдова, желая быть достойным человеком, Щукарь с дружеской фамильярностью обращается с ним, стремится походить на него. Он одним из первых вступает в колхоз, активно участ-

вует в раскулачивании Бородина, выступает на собраниях, поддерживая коммунистов.

Щукарь проникается сознанием значительности происшедших перемен, ощущает себя хозяином новой жизни, полноправным членом создающегося коллектива. Если раньше Щукарь стремился представить себя богатым, то теперь он с гордостью выдает себя за активиста.

Но прошлое наложило слишком серьезный отпечаток на сознание и привычки «активиста», расстаться с которыми ему было необычайно трудно. Выдавая себя за храброго и решительного человека, ясно представляющего преимущества колхозной жизни, Щукарь, однако, в трудные минуты обнаруживает страх, трусость, отсталость. Дико взвывая, он бежит со двора, когда Бородин вооружается железной занозинной, кричит «горловым голосом», защищаясь от собаки, спущенной с цепи, а после хвастливо уверяет хуторян, что именно он спас Давыдова от смерти («Пропадет, думаю, мой приятель! Сей момент же кинулся на выручку, как герой, отбил. Не будь меня — труба бы Давыдову!»). Поддавшись кулацкой провокации, Щукарь одним из первых зарезал телку и просил Давыдова смилостивиться над ним («Приятели мы с вами были, вы меня не увольняйте из колхозу. Я и так пострадамши за свое, доброе...»). Струсил Щукарь и во время «бабьего бунта». Скрывшись на сеновале, он советовал и Давыдову «вместе схорониться».

Колхозная жизнь благотворно действует на Щукаря. Он не только согласен хорошо работать, но и делом стремится подтвердить свои слова. Став кучером при правлении колхоза, Щукарь старательно и добросовестно выполняет свои обязанности. Заботясь о колхозных лошадях, он решил, несмотря на весенние заморозки, спать на конюшне. И даже тогда, когда старуха водворила его домой, «раза два за ночь ходил проведывать жеребцов, конвоируемый своей ревнивой супругой». Стремится лучше работать Щукарь и в бригаде. Всю свою хитрость и находчивость он использует для того, чтобы накормить пахарей кашей с курятиной.

Постепенно пробуждается у Щукаря чувство собственного достоинства. С гордостью он рассказывает казам: «Ноне не царские времена, чтобы кучер на облучке, а седок сзади на мягкой подушке выкачивался. Ноне я вот кучер, а с товарищем Давыдовым рядом сижу на

дрожках. Иной раз захочу покурить и прошу его: «А ну, поддержи вожжи, я цыгарку заделаю». — «С нашим удовольствием», — говорит. Берет вожжи и иной раз час правит, а я сижу важно и на природу интересуюсь...» (VI, 255).

Шолохов указывает и на то, что Щукарь «стал важен с виду и даже менее разговорчив» (VI, 255). Он искренне радуется наступлению новой жизни, в которой впервые его стали считать за человека: «Жизня эта мне, братцы, начала дюже нравиться!» (VI, 255).

Образ деда Щукаря построен Шолоховым на мотивах народных юмористических и сатирических сказок и анекдотов. Известный исследователь народного творчества донского казачества И. Кравченко сообщает: «Юмористический рассказ деда Щукаря о том, как Демида Молчуна поп лишил причастья, отдаленно напоминает записанную нами на Дону сказку «Исповедь»... В бытовых и анекдотических сказках имеют место эпизоды, близкие к рассказам деда Щукаря о том, как он принял на сеновале козла за черта, как его подняло мельничное крыло, подцепил на рога бугай и др»¹. Но Шолохов не просто механически заимствовал народные юмористические мотивы, опираясь на них, создал образ хвастуна и балагура, близкий устному творчеству русского народа.

Характер Щукаря, которому, по словам Нагульнова, «только языком балабанить, брехни рассказывать», Шолохов раскрывает с помощью ярких речевых средств. Торопливая, лишенная логичности речь Щукаря передает хитрость, изворотливость трусливого старика. В трудное время Щукарь пробует схитрить, объявляя лягушку «устрицею», которую он положил в общий котел якобы для «скусу». Речь Щукаря пересыпана местными речениями. Просторечные выражения, бытовая лексика переплетаются с исковерканными и своеобразно осмысленными словами и политическими терминами. Щукарь заявляет, что со дня революции стоит «на платформе» и что именно он вместе с Давыдовым «сочинил» колхоз в Гремячем Логу, хвастает казакам, что обсуждал с Давыдовым «планты» об устройстве колхоза, требует у Нагуль-

¹ И. Кравченко, Шолохов и фольклор, «Литературный кри- тик», 1940, № 5—6, стр. 220.

нова «ливольверт», чтобы «решить» жизни кобеля вместе с его хозяйкой. Намереваясь вступить в партию, он заявляется к Нагульнову и говорит: «Затем и пришел, чтобы узнать, какая мне выйдет должность, ну и прочее. Ты мне дай такой придмер, что писать и как писать?..» (VI, 342). На собрании гремяченцев Щукарь «засветил вопрос» про Демида Молчуна. В его подлинно народной речи проявляется лукавство и хитрость, изворотливость и находчивость, веселость нрава и мастерство сказителя.

Образом Щукаря Шолохов показал духовное возрождение человека под влиянием новой жизни, постепенное преодоление рабской покорности и трусливости теми крестьянами, которые были искалечены своей бесправностью и беззащитностью в дореволюционном прошлом.

5. Лицо классовых врагов

Классовая борьба в Гремячем Логу — типическое явление в жизни нашей страны конца 20-х и начала 30-х годов, одно из проявлений жестокой битвы двух социальных систем — социализма и капитализма. Не случайно Половцев и Лятевский, возглавляющие кулацко-белогвардейский заговор, выступают как агенты империализма, которые пускают в ход клевету, ложь, убийства, диверсии и всякие другие средства, чтобы подорвать доверие народных масс к партии, одурманить и запугать крестьянство, поднять его против Советской власти.

Темной ночью, кутая лицо в казачий башлык, приезжает в Гремячий Лог таинственный верховой и скрывается в доме Островнова. Из разговора с хозяином выясняется прошлое приезжего. Еще в первую империалистическую войну отличался есаул Половцев жестокостью, варварским обращением с казаками. В годы гражданской войны служил он Корнилову и Деникину, расстреливал подтелковскую экспедицию, а после неудачной попытки скрыться за границей, вступил в Красную Армию. Бежав от ревтрибунала, Половцев жил под чужой фамилией и после окончания гражданской войны, затаившись, учительствовал в своей станице до начала коллективизации. Это — страшный и сильный враг. Уже в первой портретной характеристике писатель обнажает его звериную сущность: «Приезжий снял башлык и белого курпя папаху, обнажив могучий угловатый череп, прикрытый редким

белесым волосом. Из-под крутого, волчьего склада, лысеющего лба он бегло оглядел комнату и, улыбочиво сощуриив светло-голубые глазки, тяжело блестящие из глубоких провалов глазниц, поклонился...» (VI, 10).

Портретная характеристика Половцева, прячущего от людей свое лицо, приобретает большое значение в типизации характера врага. Шолохов часто наделяет его чертами хищника. Половцев страшен в своем одиночестве, «как коршун-стервятник на могильном кургане», багровел, наливаясь кровью, «как крупный хищный зверь перед прыжком». У него «тяжелый взгляд», «лающий бас», «волчий склад» лысеющего лба, торчащие «как у хищного зверя, хрящеватые уши», «огромная, будто из камня тесанная, нижняя челюсть», жилистая ладонь, негнушиеся, скрюченные пальцы, «крохотные, с булавочную головку зрачки», страшные своей неподвижностью «глазки», тяжело блестящие «из глубоких провалов глазниц». Сцена убийства Хопрова и его жены обличает в Половцеве опасного хищника. После зверских истязаний, выйдя на крыльцо, он «губами припал и стал хватать нападавший на перильце свежий и пушистый снег», а в ночь разбудил хозяйку, попросил попить узвару, «достал разваренную грушу, зачавкал». С одинаковым равнодушием он убивает и человека и овцу, тут же спокойно свертывая папиросу окровавленными пальцами.

Определяющая черта характера Половцева — его ненависть к существующему строю, презрение к народу. Лишенный каких-либо связей с ним, скрывающийся от людей, он цинично заявляет, что «народ — как табун овец» слепо идет за ним. Сжимая кулаки до отека в суставах, с гневом и хрипом Половцев говорит: «Ккаккой народ! Подлецы!.. Дураки, богом прокляты!.. Смерть от казачьей шашки будет им расплатой, так и скажи!» (VI, 227). Совершенно одинокий, в глухой горенке, скрипя зубами, он бормотал по ночам: «Рвут из-под ног землю! Опоры лишают... Рубить! Рубить! Рубить беспощадно!» (VI, 174). Узнав о распределении среди бедноты кулацкой одежды и обуви, Половцев с бешенством, с клетотом в горле кричит: «Весною глотки повырвем тем, кто брал! Всех этих... всю эту сволочь возьми на список! Слышишь?» (VI, 176). С «щемящей ненавистью» вслушивается он в голос Давыдова. Отеч-

ной кровью набухают кулаки Половцева в это время, ногти вонзаются в ладони.

Половцева прежде всего пугает «полнейшее уничтожение собственности» Советской властью. Ради защиты интересов собственников он готов продать русский народ зарубежным империалистам. Подготавливая контрреволюционное восстание, Половцев надеется на иностранные пароходы, самолеты, орудия. Бледнея, полупрошептом рассказывает он Островнову: «Мы связаны с Москвой, с генералами, которые сейчас служат в Красной Армии, с инженерами, которые работают на фабриках и заводах, и даже дальше: с границей. Да, да! Если мы дружно сорганизуемся и выступим именно сейчас, то к весне при помощи иностранных держав Дон уже будет чистым» (VI, 26).

Голодом и разрухой, восстаниями и диверсиями намерен Половцев задушить молодую Советскую власть, подорвать новую жизнь. Но даже его сообщник, окончательно разложившийся авантюрист, иностранный агент, поручик Вацлав Лятевский понимает неизбежность провала контрреволюционного выступления. Он цинично-откровенно признается Островнову, что им некуда деваться, что они обречены на гибель, насмешливо и едко высмеивает Половцева: «Кто вы такой, милостидарь?.. Патриот без отечества, полководец без армии и, если эти сравнения вы находите слишком высокими и отвлеченными, — игровишка без единого златого в кармане» (VI, 363).

Рисуя различные типы кулаков-хищников (Тита Бородин, Фрола Рваного, Лапшинова), Шолохов индивидуализирует их характеры, раскрывает социальное лицо врагов, объединенных страстью накопления и стяжательства.

Тит Бородин лишь своим обрезаем напоминает плакатный рисунок кулака, распространенный в литературе 20-х годов. Причем он сам указывает на эту связь: «Кулак должен быть с отрезом, так про него в газетах пишут. Беспременно, чтобы с отрезом. Я, может, им хлеб насущный добывать буду, а? Селькоры мне без надобностей...» (VI, 157). Несмотря на то, что фигура Бородина представлена лишь на первых страницах романа, Шолохов раскрыл сложность этого характера и показал, как мелкотоварное производство неизбежно порождает соб-

ственника-стяжателя. Будучи в прошлом бедняком, Тит Бородин добровольно вступил в Красную Армию, стойко сражался в ее рядах, был отмечен наградой за свои боевые революционные подвиги. Вернувшись в родной хутор, Бородин «осатанел», «как кобель в падаль, вцепился в хозяйство». «До крайности приверженный к собственности», он по-своему понял завоевания Советской власти. С трудом нажив пару быков, он нанял работников, прижимал и морил их голодом, с помощью кабальных сделок приобрел просторный дом, мельницу, соорудил маслобойку, спекулировал скотом. Жажда обогащения победила бедняка Тита Бородина, сделала злобным собственником, жестоким врагом новой жизни. Шолохов типизировал в нем первый этап борьбы кулачества, когда оно еще не замаскировалось, а выступало открыто.

Значительно хитрее Тита Бородина «сладенький», почти «святой», матерый кулак Лапшинов, «высокий клинобородый седой старик». Самыми черными средствами обогащения не брезговал он, всеми известными ему путями наживал состояние: давал в долг под проценты, скупал ворованное, через него шли краденые кони, смолоду сам воровал у соседей, а «под старость стал он вовсе на чужое прост: брал все, что плохо лежало». Ожидая раскулачивания, он заранее припрятал все ценное. Намереваясь скрыть свою хищническую, стяжательскую сущность, «прожженный плут» Лапшинов прикинулся «богоборцем», смиренным «христианином» («Не кричи, мать, наши страдания зачтутся господом. Он, милостивец, все зрит...»). «В святом писании сказано: «Падающего не пихай», «Не шуми, мать! Господь терпел и нам велел»).

Пытаясь разжалобить казаков, тронуть «доходчивые к жалости женские сердца», Лапшинов безропотно покинул дом во время раскулачивания, стал на колени, истоиво кланялся гремаченцам, крестился, говорил нарочито громко, чтобы все слышали: «Прощайте, православные! Прощайте, родимые! Дай бог вам на здоровье... пользуйтесь моим кровным. Жил я, честно трудился... в поте лица добывал хлеб насущный...» (VI, 87).

После раскулачивания Лапшинов притворился «юридивым» и, затаив злобу, примкнул к кулацкой банде.

Обнажает Шолохов и лицо изворотливого, осторожного Якова Островнова.

«Нынешние кулаки и подкулачники, — говорил И. В. Сталин, — нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди «тихие», «сладенькие», почти «святые». Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут — «долой колхозы». Они «за» колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится»¹.

Островнов подвизается под маской активного члена колхоза. Действуя «тихой сапой», он втирается в доверие Давыдова, становится заведующим хозяйством гремяченского колхоза.

Островнов — убежденный собственник, ярый враг новой жизни. «Советская власть Якову Лукичу и он ей — враги, крест-накрест. Яков Лукич, как ребенок к огоньку, всю жизнь тянулся к богатству» (VI, 113). До революции начал крепнуть, думал учить сына в юнкерском училище, копил деньги на маслобойку, хотел приобрести паровую мельницу, но революция разбила его мечтания о сытой собственнической жизни. «Потому-то он и против Советской власти... потому-то теперь ему Половцев и ближе жены, роднее родного сына» (VI, 114).

Считаясь на хуторе «человеком большого ума, лисьей повадки и осторожности», «культурным хозяином», Островнов «со всей присущей ему трезвостью и хитрецей» вовремя разглядел надвигающиеся события и подготовился к ним: распродал лишний скот, свернул посев, припрятал в кубышку золото и серебро, стал считаться «крепким середняком» и затаился до времени.

Доверчивый Разметнов считает Островнова «своим человеком», приезжего Давыдова подкупает в нем рачительность, хорошее знание сельского хозяйства, и лишь Нагульников постоянно сомневается в искренности и надежности нового завхоза. Пряча свое истинное лицо, Яков Лукич по приказу Половцева вступает в колхоз и горячо призывает гремяченцев последовать его примеру, а уже на другой день, обходя дворы и спаивая середняков, выступивших против колхоза, вербует казаков в «Союз спасения Дона». Со злорадством вредит Остров-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 229.

нов колхозу, сеет контрреволюционные слухи, уничтожает овец, чтобы не достались они «на прокорм вражеской власти», добросовестно докладывает Половцеву о всех своих гнусных делах, ежедневно получает новые инструкции, активно помогает в подготовке восстания, подстрекает казаков во время «бабьего бунта» на убийство Давыдова. Как бык на льду, раздирается он между Половцевым и колхозом. Выполняя замыслы Половцева, он в то же время втягивается в хозяйственную работу колхоза, организует снегозадержание, берется за постройку теплой общественной конюшни, руководит строительством колхозного амбара, предлагает вырыть новые пруды, участвует в укреплении оврага, разрушавшего богатые земли возле хутора.

Однако ненависть к народу, строящему социализм, ни на минуту не покидает Островнова. Хмурясь, с затаенной злобой раздает он кулацкую одежду беднякам, жалуется Половцеву на то, что не дала ему разбогатеть Советская власть, с неукротимой ненавистью думает о Давыдове: «Ходит-то, сукин сын! Будто всей земле хозяин! Будто по своему куреню идет!» (VI, 116).

Трусливый и ничтожный, Островнов постоянно испытывает звериный страх за свою шкуру, лицо его часто становится «белее отсевной муки», «под цвет седоватым усам». В трудные минуты Островнов вздрагивает, испуганно оглядывается по сторонам, губы и руки дрожат, на лбу выступает холодная испарина, гортань пересыхает. Во время убийства Хопрова его «бьет лихорадка, подламываются ноги», «страшный припадок рвоты» выворачивает внутренности; он становится «зеленый, словно капустный лист».

Если в портретной характеристике Половцева писатель подчеркивает хищничество лютого врага, то внешний облик Островнова обычен, на его лице выражается лишь смятение, страх, ужас, испуг. И Давыдов, не подозревая в завхозе врага, замечает эти перемены и удивляется им («Чего он испугался, чудак?»).

Социальная сущность Островнова обнажается через внутренние его монологи. «Лучше выкинуть овечьи тушки вот этому черному кобелю, который у ног есаула Половцева жадно лижет дымящуюся овечью кровь, чем пустить овец в колхозный гурт, чтобы они жирели и плодились на прокорм вражеской власти! — думает Яков

Лукич. — И правильно говорил ученый есаул Половцев: «Надо резать скот! Надо рвать из-под большевиков землю. Пусть дохнут быки от недосмотра, быков мы еще наживем, когда захватим власть! Быков нам из Америки и Швеции будут присылать» (VI, 114). После разговора с Лятевским, который откровенно заявляет, что «шансов на победу прискорбно мало», Яков Лукич одиноко размышляет: «Может, и не надо бы вязаться с Половцевым, потерпеть тихочко в колхозе годок-другой? Может, власти и колхозы-то через год пораспускают... И опять бы я зажил человеком... Ах, боже мой, боже мой! Куда теперь деваться? Не сносить мне головы... Зараз уж, видно, одинаково... Хучь сову об пенек, хучь пеньком сову, а все одно сове не воскресать...» (VI, 185—186).

Речевой структурой этих внутренних монологов вскрывается раздвоенность, трусость и страх Островнова, непримиримость его собственных интересов с колхозной жизнью, ненависть к народу. Избегая грубых слов, он, однако, со злобой про себя называет Давыдова «вражина», «сукин сын», «черт шербатый», думает: «окаянная власть», «народ проклятый», «куда же супротив силы попрешь», а вслух говорит: «Мне, товарищ Давыдов, наша кормилица, Советская власть, не зря похвальный лист преподнесла!»; «Я вам так скажу, дорогой наш руководитель колхоза...»; «Ошибка вышла, дорогой товарищ Давыдов! Да я... бож-же мой... Быкам хотел... Видит бог, — не знал!»; «Да что вы! Господь с вами! Кому же я говорил? Сроду никому не говорил...»

Расчувствовавшись, Островнов отказывается рубить старый дуб для плотины. Он «с чувством сожаления и грусти взирал на обреченное дерево» и думал: «Сколько годов жил ты, браток! Никто над тобой был не властен, и вот подошла пора помереть... И будешь ты гнить в колхозном пруду, покуда не сопреешь. А потом взломной водой по весне уволокет тебя куда-нибудь в исход балки, — и все тебе, конец!»

От этих мыслей Яков Лукич вдруг больно ощутил какую-то непонятную тоску и тревогу. Ему стало не по себе. «То ли уж помиловать тебя, не рубить! Не все же колхозу на пропастишшу... — И с радостным облегчением решил: — Живи! Расти! Красуйся! Чем тебе не жизнь? Ни с тебя налога, ни самооблогу, ни в колхоз те-

бе не вступать... Живи, как господь тебе повелел!» (VI, 360).

Размышлениями Островнова о судьбе дуба Шолохов подчеркивает неизбежную гибель заходящего в тупик, скрытого, хитрого и опасного врага.

Вскрывая истинную сущность половцевых и островных, лятьевских, лапшиновых, Шолохов следовал горьковским традициям в изображении врагов социалистического строя, показывал моральное вырождение их, воспитывал органическое отвращение к ним.

6. Выдающееся произведение социалистического реализма

Роман «Поднятая целина» — классическое произведение социалистического реализма, яркое свидетельство художественной зрелости советской литературы.

Рассказывая о создании одного из колхозов, делая его жизнь содержанием романа, Шолохов развивает сюжет на основе конкретных социально-политических событий. Писатель повествует о борьбе народных масс за социализм, передает всю остроту схватки с враждебными силами. Конкретно-исторические события, реалистически описанные в романе, позволили Шолохову выдержать последовательную хронологию, начать роман с картины первой оттепели в январе 1930 года и закончить первую книгу описанием конца мая этого же года. Эпичность повествования, драматизм и лиризм его обусловлены отражением судеб народа, размаха коллективного строительства в стране, укрепления социалистического сознания народа, растущего в процессе преобразования жизни.

Шолохов развивает действие по двум линиям, связанным с борьбой двух противоположных лагерей — народа, возглавленного партией, и лютых врагов коллективизации, агентов иностранного империализма и кулаков-хищников. Предельной напряженности повествование достигает в сценах, раскрывающих провал контрреволюции, торжество партии и народа.

Так, уже в самом сюжете романа, в основу которого положены конкретно-исторические события, борьба народных масс за социализм, соблюдено одно из основных требований метода социалистического реализма — необходимость изображения действительности в ее революци-

онном развитии, в непрерывном движении и изменении. Опираясь на опыт живой работы народных масс по строительству социализма, на «теоретическую правду века» — решения партии по вопросам коллективизации, Шолохов рисует жизнь с позиции социалистического идеала, раскрывает единство интересов, творческое содружество рабочего класса и крестьянства, строящих коммунизм, поэтизирует романтику нашей действительности с ее постоянным устремлением вперед, с ее героикой и грандиозными перспективами.

Шолохов утверждает неизбежность гибели старого, собственнического мира, ведет борьбу с его пережитками, показывает полное моральное опустошение врагов народа. Весь строй повествования писатель подчиняет главной задаче метода социалистического реализма, которая, по словам Горького, «сводится к возбуждению социалистического, революционного миропонимания, мироощущения». Шолохов подчеркивает торжество социалистических начал в жизни, духовный рост народа, прочно связавшего свои судьбы с миром социализма. Так, правдивость, историческая конкретность повествования сочетаются в «Поднятой целине» с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма.

Следуя горьковским традициям, Шолохов тесно связывает судьбы отдельной личности с судьбами эпохи, народа, глубоко раскрывает психологию героя в связи с конкретно-историческими событиями, в процессе участия в них. Индивидуальные качества героя не заслоняют его социальной характеристики. Писатель часто делает экскурсы в прошлое героев, определяет их место в борьбе народа за свое освобождение. Социальная сущность характеров раскрывается в портретных характеристиках, в поступках и взаимоотношении с народом, в речи, размышлениях и переживаниях. Применяя многообразные способы типизации характеров, Шолохов наделяет героев чертами, обусловленными теми социально-историческими явлениями, с которыми они связаны.

В образе Давыдова типизированы основные качества русского рабочего класса, обогащенного большим революционным опытом. Давыдов — верный сын этого класса. Он воплотил в себе высокую политическую сознательность, ясность мировоззрения и четкость идеологических позиций, преданность своему народу, прочную связь с

Коммунистической партией и убежденность в торжестве ее дела. Эти черты характера Давыдова проявляются в типических обстоятельствах периода коллективизации и могут быть глубоко поняты только в связи с ними. Многообразие качеств Давыдова свидетельствует о его духовном богатстве, способствует широте обобщения, глубокому выражению сущности той силы, к которой он принадлежал.

Если Горький в романе «Мать» типизировал рост политической сознательности и организованности рабочих, вступивших в революционную борьбу с царизмом и возглавивших ее, если Фурманов в «Чапаеве» и Фадеев в «Разгроме» изобразили руководящую роль рабочего класса в гражданской войне, а Гладков в «Цементе» показал героическую борьбу рабочих за восстановление народного хозяйства после войны, — то Шолохов в «Поднятой целине» нарисовал рабочего в период коллективизации деревни и ознаменовал новый этап в изображении положительного героя в советской литературе.

Шолохов часто достигает типичности образа заострением ведущих черт характера героя. Подчеркивая необузданность и горячность натуры Нагульнова, Шолохов показывает, какой вред могут нанести даже преданные партии люди.

Шолохов с партийных позиций советского писателя замечает и осуждает ошибки Нагульнова, показывая его трудный политический рост. Коммунистическая партийность «Поднятой целины» — в заострении идеи руководящей роли партии в социалистическом преобразовании деревни, в показе пагубности искажения ее политики, в раскрытии движения народа к новой жизни, его победы и неизбежной гибели сил, враждебных социалистическому строю.

Композиция. Напряженная борьба двух противоположных социальных сил, лежащая в основе сюжета романа, изображение больших революционных событий в жизни народа, строящего социализм, — все это обусловило эпичность композиции «Поднятой целины».

Важное место в романе занимают массовые сцены — собрания гремлянцев, ликвидация кулаков, распределение их имущества, борьба с убоим скота, «бабий бунт», коллективная работа на пашне, — в которых раскрыва-

ются и характеры различных представителей народа, и перемены в их сознании, и острая классовая борьба, в обстановке которой проходила коллективизация, и первые успехи колхоза.

Главы, посвященные показу колхозного строительства, Шолохов чередует с главами, изображающими то сопротивление, которое оказывали народу скрытые враги. Роман начинается описанием тайного ночного приезда в Гремячий Лог есаула Половцева. Во второй главе сообщается об открытом прибытии в тот же хутор рабочего-путиловца Давыдова, в третьей — объясняются цели приезда Половцева и вступления Островнова в контрреволюционный «Союз освобождения Дона», в четвертой — рисуется картина хуторского собрания гремяченской бедноты, которую Давыдов призывает вступить в колхоз.

Так, уже в самом начале романа его композиция передает напряженность той обстановки, в которой создавался колхоз.

Особенности построения романа определяются тем, что в центре повествования стоит народ. Поэтому следующие восемь глав (4—11) целиком посвящены организации колхоза, раскрытию характеров людей, участвующих в строительстве социализма (сцены раскулачивания, вступления Кондрата Майданникова, Любишкина и других гремяченцев в колхоз, первые работы в нем). И только в 12-й главе Шолохов вновь обращается к показу лагеря врагов (тяга раскулаченных к Половцеву, убийство Хопрова). Однако народ, объединившийся в колхоз, принимает решение выселить кулацкие семьи из пределов края, еще теснее сплачивается вокруг партии. Враги идут на новые провокации. Островнов уничтожает своих овец, распускает слух о том, что весь скот у гремяченцев отберут на мясозаготовку. На хуторе начинается массовый убой скота, борьба обостряется.

В 15—22-й главах автор рисует широкую картину колхозной жизни, показывая разъяснительную работу коммунистов в массах, распределение среди бедняков кулацкого имущества, посещение Давыдовым райкома партии, производственное совещание колхозного актива, приезд на хутор агитколонны. Тесно связывая героев с этими событиями, Шолохов включает в композицию романа взволнованно-патетическое описание столицы как

центра нового, социалистического мира. Эта сцена расширяет рамки повествования, придает обобщающее звучание тем событиям, которые происходят в Гремячем Логу.

Попытки врагов подорвать колхоз изнутри, использовать ошибки гремяченских коммунистов показаны в 23-й главе: вредительская деятельность Островнова, приезд подпоручика Лятевского, связь белогвардейцев с другими хуторами и станицами.

Такое соотношение сил, выраженное в композиции романа, сохраняется вплоть до кульминационных глав, в которых раскрывается историческое значение решений партии по вопросам колхозного строительства. Эти главы являются кульминационными не только в развитии сюжета. Они стоят в центре композиции произведения. Шолохов показывает направляющую роль Коммунистической партии в строительстве социализма.

Гремяченские коммунисты сосредоточивают все силы, чтобы устранить перегибы, крепнет единство партии и народа, рушатся последние надежды врагов колхозного строя. Половцев и Лятевский вынуждены скрыться из хутора, а Островнов — временно прекратить подрывную работу в колхозе. Последующие главы романа вплоть до завершения первой книги повествуют об организационном укреплении колхоза, торжестве колхозного строя.

Историзм эпического повествования сочетается в «Поднятой целине» с мастерскими описаниями природы, лирическими отступлениями, экскурсами в прошлое героев, бытовыми юмористическими сценами. Композиция и все другие художественные средства передают значительность происходящих в Гремячем Логу перемен, движения народа к социализму.

Пейзаж. Важное место в композиции романа занимают описания природы. Часто главы пейзажами открываются и завершаются. Иногда пейзажные зарисовки вкрапливаются в авторскую речь и речь героев, сливаются с внутренним состоянием отдельных лиц (ночной ветер и переживания Островнова; весенние ночи, соловьиное пение и тоска Давыдова; ночь в Москве и Гремячем Логу и размышления Майданникова).

Выполняя различные функции, шолоховские пейзажи всегда подчинены раскрытию идейной проблематики ро-

мана. Они тесно связаны с той напряженной борьбой, которая разворачивается в донском хуторе. Уже в первой главе, перед приездом Половцева в Гремячий Лог, Шолохов пейзажной зарисовкой предупреждает о надвигающейся опасности: «...заглохнут дневные запахи и звуки, и по чернобылу, по бурьянам, по выцветшей на стернях брице, по волнистым буграм зяби неслышно, серой волчицей придет с востока ночь, — как следы, оставляя за собой по степи выволочки сумеречных теней» (VI, 7).

Описанию напряженных событий в Гремячем Логу, связанных с массовым уничтожением скота, предшествует картина лютых февральских морозов: «Февраль... Жмут, корежат землю холода. В белом морозном накале встает солнце. Там, где ветры слизали снег, земля по почам гулко лопается»; «Полночь так тиха, так выморочно студеное небо в зыбкой россыпи многозвездья, что кажется — мир покинут живыми. В голубой степи снежной целиной пройдет волк»; «В темных окнах хат багрово полыхающие зарева огней; отсвет топящихся печек». Возможность наступления тревожных событий усиливается частым упоминанием сурового морозного месяца, которым открывается и замыкается пейзаж.

Однажды поднялся сильный, холодный ветер. Он заходил по гумну, взлохматил скирды, смел с них сухой снежок. «В соломе — потревоженные ветром — завозились мыши. Попискивая, бегали своими потайными тропами». Это было днем, а в полночь от Половцева прискакал нарочный с приказанием развернуть среди казаков агитацию против сбора семенного зерна.

Суровые картины темных зимних ночей почти всегда предупреждают о столь же черных делах врагов.

Пейзаж в «Поднятой целине» служит средством передачи движения времени.

Начиная роман описанием овечьего первой оттепелью январского дня, Шолохов как бы обращает внимание на пробуждение новой жизни в Гремячем Логу, направляясь в который Давыдов видит необъятную глазом степную целину.

На смену январю приходит февраль с лютыми морозами, и Шолохов рисует яркую картину февральских суток: по утрам из труб куреней «высытятся прямые оранже-

вые стволы дыма», «в белом морозном накале встает солнце», «снежные наносы слепяще нестерпимо блещут», в тихую полночь — «студеное небо в зыбкой россыпи многозвездья», ночная тишина сменяется предрассветной тишиной — «меркнет пустынный Млечный Путь», просыпается хутор — «в темных окнах хат багрово пылающие зарева огней: отсвет топящихся печек», на реке «хрупко позванивает лед». Затем начала порошить мокрая метель, подул влажный ветер: «зима вытряхала последние озимки...»

Долго зима не желала уступать весне. Именно в это время обостряется борьба двух противоположных социальных сил в Гремячем Логу. Но наступление весны неотвратимо, и вот «10 марта с вечера над Гремячим Логом пал туман, до утра с крыш куреней журчала талая вода», вскоре туман рассеялся, под солнцем начали оседать снега, а через три дня оголились бугры, «промытые до земли склоны засияли влажной глиной», «вышла из берегов речка», плыли по ней «источенные солнцем голубые крыги льда», «за хутором призывно чернела освобожденная от снега зябь», «взвороченные лемехами пласты тугого чернозема курились на сугреве паром», волнуяще выщелкивали жаворонки, отталкивая отживший прошлогодний стебелек, к солнцу потянулись зеленые жала листьев, поднималась озимая рожь, «протягивая листки навстречу светоносным лучам».

Шолохов поэтизирует наступление весенней поры, пробуждение жизни, подчеркивает торжество всего светлого в ней, усиливает оптимистическое звучание повествования. С этими радостными явлениями природы тесно связана жизнь гремяченцев: они засыпают в общественные амбары семена, ремонтируют инвентарь, готовятся к севу. Шолохов рисует картину шумного, «взволнованного собрания». Колхозники оживляются, почуяв весну, радуются ее приходу.

В дни весеннего половодья подоспели в Гремячий Лог газеты со статьей Сталина «Головокружение от успехов». В это же время по бездорожью пробирается на хутор мокрый, уставший, одинокий Половцев. Именно в это время рушится почва под его ногами.

А жизнь в колхозе кипит. Над хутором всходит «омытый дождями молодой месяц», распускаются тополя, нежно зеленеет степь. В течение двух дней щедро поливали

землю дожди. Но вскоре дождливая погода сменилась засушливыми днями, солнце нещадно выжигало, сушило землю, степь «молчаливо покорно ждала дождя». И Шолохов рисует яркую картину весеннего дождя, который ускори́л сев колосовых, а затем и пропашных культур.

Весна 1930 года оказалась стремительной, земля быстро высыхала, брошенные в нее зерна мучительно тянулись к солнцу, пашни зарастали живучими сорняками. И лишь после того как «над Гремячим Логом спустился проливной дождь», набухла влагой земля, омытые ливнем, зазеленели хлеба: «На всем пространстве недавно углесточерной пахоты нежнейшей зеленой прошвой сияли наконец-то пробившиеся всходы...» (VI, 363).

Изображая природу в движении, подчеркивая торжество в ней жизнетворящего начала, Шолохов и через пейзаж выражает мысль о неизбежности и закономерности победы новой жизни

Шолоховские пейзажи помогают не только передать движение времени. Часто они — одно из средств проникновения во внутренний мир героев, созвучны их настроениям, переживаниям. Так, описание одиноко стоящего в безлюдной степи могильного кургана перекликается с тяжелыми переживаниями исключенного из партии Нагульнова. Превозмогая душевную травму, возвращаясь к жизни, он просветлевшими глазами начинает смотреть на «распростертый окрест его мир», приходит к решению продолжать борьбу.

Давыдов обводит «глазами бескрайнюю, нежно зеленоющую степь», прислушивается «к певучим высвистам жаворонков», видит вдаль согбенного над плугом пахаря и, вздохнув полной грудью, верит в счастливое будущее народа, в наступление тех дней, когда «машина будет все тяжелое работать за человека». Давыдов не только участвует в переделке сознания крестьян. Он активно преобразует природу, железным лемехом взрывает заклекую, спрессованную столетиями почву. С присущим коммунисту оптимизмом он заявляет: «Наша земля, нам принадлежащая: что захочем, то из нее и выжмем, факт!».

Нередко пейзаж составляет контраст психологическим переживаниям героя. Не спит по ночам Кондрат Майданников, не спокойно у него на душе, мучит его жалость к своему добру, много у него забот, а в Гремя-

чем Логу стоит глухая тишина: «Было так тихо, что издалека слышались трески лопающейся от мороза земли, шорох зябнувшей ветки» (VI, 78). Вою и крику «бабьего бунта» противостоит тишина, томящая духота в воздухе.

Еще в «Тихом Доне» Шолохов показал себя мастером изображения природы. В «Поднятой целине» пейзажное мастерство писателя проявилось с особой силой. Он воспринимает природу со всеми едва уловимыми оттенками, разноголосыми звуками, тончайшими запахами и многообразными красками, описывает ее в различные времена года — и в суровые зимние морозы, и в дни весеннего цветения, и в знойное лето. С особой любовью рисует Шолохов донскую степь. Зимой — это огромное белое полотно, которое не объять глазом, ранней весной — она призывно чернеет, закипает в ней плодотворящая работа, буйно растут травы. В жару степь замирает, стоит над нею «великая благостная тишина».

Красочны, многоцветны шолоховские пейзажи: через голые ветви проглядывает «крытый прозеленью рог месяца», снежные наносы «слепяще нестерпимо блещут», «неярко светится на стволе вишни янтарный натек замерзшего клея», зимней ночью «по бурьянам пролиты густосиние тени», весенней порой рассеиваются «порозовевшие туманы», в летнюю жару «угрюмо никнут к земле бурые космы татарника», «стелются пучки желтого пушистого ковыля», обугливаются под солнцем, пугают «мертвой чернотой пашни».

Но Шолохов не ограничивается зрительным восприятием внешней красоты окружающего мира. Он всегда передает жизнь природы, слышит ее разноголосые звуки: от лютых февральских морозов «земля по ночам гулко лопается», «звенит, колдовски бормочет родниковая струя, стекая в речку»; весной слышится «выщелк раннего жаворонка да манящий клик журавлиной станицы»; летом, перед дождем, «тревожно засвистели суслики, отчетливей зазвучал перепелиный бой», «степь наполнилась сухим ропотом прошлогодних бурьянов», «стерня оцетинилась, зашуршала», «с оглушительным, сухим треском ударил гром».

Остро чувствует и тонко передает писатель разнообразные запахи природы, улавливая «чуть внятный запах вишневой коры», «тончайшее дыхание опаленной мороза-

ми полыни», приторно-сладкий, «медвяный аромат набухающих почек тополей», «пресный запах сохнувшей земли и невыбродивший виноградный дух молодых трав».

Пейзажи Шолохова лиричны, эмоциональны, проникнуты чувством взволнованной любви писателя патриота к своей Родине. Описания природы нередко перерастают в лирические авторские обращения к читателю: «Вслушайся в мнимое безмолвие ночи, и ты услышишь, друг, как заяц на кормежке гложет, скоблит ветку своими желтыми от древесного сока зубами» (VI, 145).

Цельный и многообразный образ природы способствует углубленному раскрытию идеи романа. Пейзажи не только сопутствуют знаменательным переменам, происшедшим в жизни народа, но и активно вскрывают сущность этих перемен, несущих счастье и радость колхозному крестьянству.

Пейзажи Шолохова проникнуты светлым и радостным восприятием жизни, оптимистическим жизнеутверждением. Писатель воспевает величие героической борьбы человека за свое счастье. Народ поднимает целину, и «борозда за бороздой валится изрезанная череслом и лемехом земляная спрессованная столетиями почва, тянутся к небу опрокинутые мертво-скрюченные корневища трав». Даже Островнов с огорчением и досадой решает, что «вся природность стоит за Советскую власть».

Язык. «Поднятая целина» — роман глубоко своеобразный по творческой манере и языковому мастерству автора. Выразительный, впитавший в себя все богатство живого общенародного языка, стиль Шолохова свидетельствует о том, что корни творчества писателя — в народе.

Связь Шолохова с народным творчеством сказывается не только в использовании мотивов старинных казачьих песен, легенд и сказов, но и в изобразительных средствах языка романа, в его синтаксисе и лексике. Меткие песенные выражения, развернутые сравнения, параллелизмы, метафоры и эпитеты, характерные для поэтического языка устного народного творчества, пословицы и поговорки, обороты живой народной речи типичны для авторского языка и особенно для речи персонажей «Поднятой целины» («Ноне Симоны-гулимоны, крестный ход по кабакам»; «бык на казака, а казак на быка работают»; «на быках — одной рукой погонять, другой слезы

утирать»; «у нас именья — одни каменя»; «с длинной рукой под церкву»; «нет молодца сильнее винца»; «едим свой, а ты рядом постой»; «бежит — земля дрожит, упадет — три дня лежит»; «сидит скучает, тебя увидеть не чаает»).

Изобразительные средства авторской речи конкретны, глубоко реалистичны. Писатель охотно использует эпитеты, метафоры, сравнения, связанные с жизнью казаков, их бытом, с окружающей природой («Жизнь в Гремячем Логу стала на дыбы, как норовистый конь перед трудным препятствием»; «Курганы в степи, — как переспелые арбузы, — в змеистых трещинах»; «на прямой траве еще висели литые, тяжелые зерна дымчато-сиреневой росы»; «копна бабьих нарядов»; женщины на собрании «дремали, как куры на шестке»; «позеленел, словно капустный лист» и т. д.). Сравнения, заимствованные из мира природы, эмоциональны, лиричны («Будто листья на тополе, отроптали ласковые тимофеевы слова»; «с губ его медленно, как капля росы с желоба листа, стекала улыбка»; дрожал, «как убитый заморозком поздний дубовый лист» и т. д.).

В основе донского говора, из которого черпал Шолохов все лучшее, лежит национальный русский язык. В лексике донских казаков выразилось и своеобразие крестьянского быта, и их историческое прошлое. Издавшие связи с украинским народом оставили в языке донского казачества большой запас слов украинского происхождения. Это своеобразие донского говора нашло отражение и в лексике «Поднятой целины». Считая, что «писать надо на общепринятом литературном языке», Шолохов вместе с тем указывает: «Употребление местных диалектов в какой-то мере допустимо, но надо это делать умело и со вкусом». «Злоупотребление диалектами в произведениях литературы, — говорил Шолохов, — считаю бесспорно слабостью. В новом издании я очищаю свои книги от местных слов».

Подготавливая «Поднятую целину» к изданию в 1952 году, Шолохов сохранял уместно использованные жизнеспособные диалектные слова и местные обороты и решительно отказывался от употребления малопонятных, художественно не оправданных диалектизмов. Он или опускал их, или заменял словами из общепринятого литературного языка.

Шолохов, однако, сохранил живую, разговорно-бытовую речь как важное средство индивидуализации характеров героев. Особенно много местных выражений и слов осталось в речи деда Щукаря: «брухливый», «восчувствие поиметь», «ухандокиться». Они сплетаются с произносимыми по местному образцу литературными словами: «вустрица», «для скусу», «рестовать», «спектакля», «планты» и т. д.

Революционная эпоха несла новые слова, которые проникали в язык народа, становились обиходными. Лексика казаков обогащается такими словами, как *ударник*, *колхоз*, *партячейка*, *коммуна*, *раскулачивание*, *трактор* и др. Активно употребляя подобные малознакомые и плохо освоенные ими слова и понятия, колхозники вначале искажали их. И в этом отношении дед Щукарь мало отличается даже от Разметнова и Нагульнова.

В речи Щукаря иная, ярко выраженная, только ему присущая особенность — многословие, хвастливая болтливость, слова, идущие от его забитости в прошлом.

В многообразных языковых наслоениях, в лексике и складе речи Нагульнова сказываются особенности человека иного уровня, иной жизни: тяга к освоению политической терминологии, революционных идей и низкий культурный уровень («контрреволюционный *гадский элемент*»; «к расправе над *мировой капитализмой*»; «я поспешал к *мировой революции*»; «я перво-наперво *декретный чиновник*»; «я воды налил на *правых оппортунистов*»; «*классовая вражина* в голом виде»; «*угнетенных нациев*», «*ксплотировал чужим трудом*» и т. д.), крайняя резкость и грубость бывшего кавалериста («*рубануть*», «я тебя, *гада*, как *гробану*, что всем *чертям* мурторно станет!», «*Цыц!* Брешешь, *гад!*», «он же, *подлюга*, с генералом *Малиновским* таскался», «*Удались* зараз же отседова, *контра*» и т. д.). В его речи много и местных слов с особенностями донского говора: «супротивничал», «упреждаю», «до мослов», «взналыгиваете», «кужённок», «отпихиваюсь», «гутарить», «зараз», «завладали», «обойтись», «ихний», «трошки» и т. д.

Иными речевыми особенностями характеризуется язык Половцева. Он почти не употребляет диалектных слов. В его речи официальная лексика царских воззваний, ложная торжественность («всевеликое войско *Донское*»; «принести свое достояние на алтарь *православно-*

го отечества»; «господа казаки»), сочетается с грубыми словами и вульгаризмами («*П-а-а-адлец!* что же ты, *образина седая*, погубить меня хочешь?!»; «Да говори же, *пенек гремяченский!*»; «*Подлецы!*.. Дураки, богом проклятые!»; «*Черт с ним! Сволочь...*»).

Речь Корчжинского полна канцелярских штампов, сухих, официальных выражений, раскрывающих сущность оторвавшегося от народа бюрократа: «со всеми вытекающими отсюда последствиями»; «подорвать всякое доверие»; «на базе осторожного ущемления кулачества»; «примем за основу нашего решения»; «вопреки указаниям райкома вел левацкую линию»; «вопиющие нарушения... революционной законности» и т. д.

Широко используя многообразные формы общенародного языка, Шолохов органически сочетает в «Поднятой целине» устно-разговорную речь с публицистическим стилем, литературно-художественный язык с языком делового отчета, газетно-хроникального сообщения. Иногда авторская речь сливается с речью героев романа, и тогда писатель охотно прибегает к просторечной лексике, народным выражениям, диалектным словам, юмористическим репликам: «Да с тем как *шарахнет* в деда Шукаря кашей из своей миски!»; «Опухшая от слез курносая хозяйская дочь *ревела белугой!*»; «Но дед Шукарь вдруг *зарычал лютым зверем, лягнул лекарку* ногой и обеими руками *вцепился в горшок*».

К несобственной прямой речи Шолохов обращается в тех случаях, когда необходимо без специальной характеристики от автора передать душевное волнение, сложные психологические переживания героя. Так Шолохов поступает, описывая ночные размышления Кондрата Майданникова, переживания Любишкина во время распределения кулацкого имущества и в ряде других сцен. В таких случаях в авторскую речь проникает разговорная интонация, просторечные слова и обороты, язык авторского повествования приближается к речи персонажей. Правда, в последних изданиях романа Шолохов во многих случаях освобождал несобственно прямую речь от местных, диалектных слов.

Многообразие языковых средств и образов особенно характерно для поэтических описаний природы, лирических отступлений. Шолохов использует слова с суффиксами ласкательного значения («зорька», «речушка»,

«стебелек»), эмоционально окрашенные эпитеты («горчайшее дыхание опаленной морозами полыни», «тягостно-высокое небо»), свежие метафоры («колдовски бормочет родниковая струя»), малоупотребительные синонимы («пылает багровым *полымем* восстаний»; «на *вешнем* ветру»; «месяц золотой насечкой красовался на сизостальной *кольчуге* неба») ¹. Стилиевые переходы в авторской речи всегда непринужденны и обусловлены особенностями изображаемого. Хроникальными сообщениями, лишенными поэтических языковых образов, Шолохов обычно открывает главы, для того чтобы затем в образной форме передать происходящие события, или завершает отдельные сцены, расширяя тем самым рамки повествования, связывая его в единое целое. («Заседание бюро ячейки райкома началось в одиннадцать. На повестке дня стоял доклад заврайзо Беглых о ходе сева в первой пятидневке. Помимо членов бюро, присутствовали председатель районной контрольной комиссии Самохин и районный прокурор» (VI, 269). Хроникальное введение предваряет сцену награждения кузнеца Шалого. В стиле газетного сообщения дан конец 29-й главы. Деловым стилем, в котором встречаются производственные расчеты, цифры, канцелярские обороты, написано начало 21-й главы: «*По плану* площадь весенней пахоты в Гремячем Логу должна была составить в этом году 472 гектара, *из них* 110 — целины... Общую посевную площадь предполагалось разбить по хлебным и масляничным культурам *следующим порядком*: пшеницы — 667 гектаров, ржи — 210, ячменя — 108, овса — 50... *Итого* — 1325 гектаров *плюс* 91 гектар отведенной под бахчи песчаной земли...» (VI, 159—160). Язык делового отчета помогает Шолохову глубже проникнуть в экономику колхоза, конкретнее обрисовать его преимущества перед единоличным хозяйством.

Авторская речь синтаксически многообразна. Но в отличие от «Тихого Дона» Шолохов чаще использует простые предложения («Над хутором бесновался влажный ветер. Шумовито гудели над речкой в левадах тополя и вербы. Черная — глаз коли — наволочь крыла хутор. Придушенные сыростью, по проулкам долго звучали го-

¹ О. Немчинова, Некоторые особенности языка романа М. А. Шолохова «Поднятая целина», «Русский язык в школе», 1952, № 6.

лоса. Валил снег»). Встречаются и сложные предложения без развернутых подчинений и сложных соподчинений («Нагульнов ежедневно созывал собрания, при помощи бригады разъяснял, опровергал нелепые слухи, грозил жесточайшими карами тем, кто будет изобличен в «антисоветских пропагандах», но хлеб продолжал поступать крайне медленно»).

Значительно реже, чем в «Донских рассказах» и «Тихом Доне», употребляет Шолохов назывные и неполные предложения («Ночь... Тишина...»; «Кашель, шаги...»; «Морозный день. Конец декабря. Гремячий Лог. Курени, сарай, плетни, деревья в белой опуши инея. За дальним бугром бой»). Такие предложения играют важную роль в композиции отдельных сцен, открывая или завершая их.

Опираясь на многообразие речевых стилей и изобразительных средств общенародного русского языка, автор «Поднятой целины» по-своему использовал и художественно совершенствовал его. В своеобразном характере отбора и использования языковых средств проявилась творческая индивидуальность Шолохова, оригинальная, только ему присущая манера письма.

«Поднятая целина» — крупнейшее достижение социалистического реализма, одно из классических произведений советской литературы. Шолохов создал эпическое полотно о коллективизации как глубочайшем революционном перевороте в жизни и сознании крестьянства, мастерски, правдиво передал пафос трудового подъема, рождение новых, социалистических отношений в процессе коллективного труда, направляющую роль Коммунистической партии в один из решающих этапов построения социализма.

«Поднятая целина» оказывает плодотворное влияние не только на развитие советской литературы. Роман Шолохова вдохновляет на достижение новых побед в строительстве социализма. Он проник в самые отдаленные уголки нашей Родины, рассылался в райкомы партии в качестве «учебника классово-борьбы» вместе с директивными указаниями партийных органов о проведении коллективизации. Уже в начале 30-х годов «Поднятая целина» была переведена на украинский, белорусский, гру-

зинский, азербайджанский, армянский, казахский, таджикский, туркменский, узбекский, карельский, молдавский, марийский, удмуртский, татарский, чувашский и другие языки народов СССР. Почти в это же время книга стала известной в Китае и Болгарии, Испании и Норвегии, в Чехословакии и Польше, Америке и Турции, Швейцарии и Японии, Франции и Германии.

С выходом первой книги «Поднятой целины» по всей стране прокатилась волна диспутов, конференций и заседаний партийных организаций, посвященных обсуждению этого романа.

Ко дню начала Тюменцовской районной партийной конференции разыгралась пурга, замело все дороги. Пурга сменилась крепким сибирским морозом. И, несмотря на это, делегаты конференции вовремя съехались в отдаленный от железной дороги райцентр. О героях «Поднятой целины» они говорили так, будто это были «не литературные типы, а живые члены их тюменцовской партийной организации»¹.

На имя Шолохова поступали письма с сообщением, что книга «проработана», тщательно изучена членами бюро райкома или горкома партии, партийным активом города или села. Настолько жизненно важные вопросы поднимал новый роман Шолохова, настолько реалистически изображались в нем события тех лет, что его «прорабатывали» так же тщательно, как изучают у нас важный партийный документ. Роман оказывал такое мобилизующее воздействие, что тут же, после чтения, колхозники намечали мероприятия по сбору семян, подготовке к весеннему севу, а в ряде случаев разоблачались и матери кулаки, пролезшие в колхоз².

Председатель одного из колхозов прямо заявлял, что он «в руководстве колхозом подражает Давыдову»³. Во время читки романа в чувашском колхозе «Победа» колхозница заявила своему председателю: «Ты не председатель колхоза, а «шляпа». В поле мало бываешь, а больше коптишь в канцелярии. Посмотри, как работает в

¹ Н. Алексеев, «Поднятая целина» на районной партийной конференции, «Сибирские огни», Новосибирск, 1936, № 1, стр. 149.

² «Поднятая целина» в колхозе, «Литературная газета» от 23 марта 1933 г., № 141.

³ «Селькор», 1936, № 24, стр. 23,

«Поднятой целине» председатель колхоза Давыдов. С таким можно горы своротить!»¹.

«Товарища Давыдова» ставили в пример везде, где дело шло еще плохо. В героях «Поднятой целины» читатели искали черты знакомых им людей, узнавали своих односельчан; в событиях, происходивших на Дону, видели свои местные события. «Поднятую целину» воспринимали как «исторический документ в художественной форме», верили, что партия и народ, преодолев трудности, победят и на колхозном фронте»². «Книга поднимает дух, хочется больше и лучше в колхозе работать»³, — говорили читатели о ней. Голос народа был самой высокой оценкой «Поднятой целины».

Большая художественная зрелость и совершенство формы, боевая партийность и жизненная актуальность романа, реалистическое изображение народа и великих идей нашей эпохи — эти качества, присущие роману Шолохова, ставили «Поднятую целину» в число самых выдающихся произведений советской и мировой литературы. «Поднятая целина», как справедливо утверждалось в критике, «орудие воздействия на дальнейший ход развития колхозного движения», «своеобразное пособие колхозного строительства».

Роман Шолохова, запечатлев ведущие социалистические тенденции нашего времени, — важный этап в развитии советской литературы, в утверждении метода социалистического реализма. Вклад Шолохова в раскрытие характеров «героев нашего времени» стал определяющим в оценке «Поднятой целины» как этапного произведения советской литературы.

«Поднятая целина» живет и сегодня, не утрачивая своей молодости. Когда молодежь по призыву партии направлялась на целинные земли, роман зазвучал с новой силой. Он и теперь близок нашему народу пафосом торжества социализма, воспитывает гордое сознание того, какой громадный путь прошли крестьянство и рабочий класс с тех пор, как совершился революционный перелом в деревне, каких успехов добились они под руко-

¹ «Поднятая целина» в чувашских колхозах», «Правда» от 16 сентября 1934 г., № 256, стр. 3.

² «Новый мир», 1934, № 9, стр. 197.

³ Б. Брайнипа, Колхозный читатель о книге, «Новый мир», 1935, № 8, стр. 265—266.

водством партии в строительстве социализма. «Поднятая целина» помогает глубже осмыслить поступательный процесс социалистического преобразования жизни, яснее и конкретнее увидеть торжество нового, ту революционную энергию, которая обогащает нашу страну и учит зарубежных трудящихся активному отношению к жизни.

По словам А. Твардовского, сказанным на XXI съезде КПСС, «Поднятая целина» Шолохова — яркое свидетельство художника о революции в деревне, то, что произошло, «приобрело для всех нас и для наших друзей (и не только друзей) за рубежами страны значение достоверной картины новой, социалистической действительности деревни с ее героями, людьми, которых мы с тех пор как бы знаем лично»¹.

¹ Речь А. Т. Твардовского, «Правда» от 2 февраля 1959 г., № 33, стр. 4.

Глава IV.

В СРАЖЕНИЯХ ЗА РОДИНУ

1. Публицистика военных лет

Шолохов принимал активное участие в борьбе против фашизма, против угрозы новой войны. Он остро чувствовал ее приближение и не мог скрыть своей горячей ненависти к фашизму. Выступая в марте 1939 года на XVIII съезде партии, Шолохов взволнованно говорил:

«Если враг нападет на нашу страну, мы, советские писатели, по зову партии и правительства отложим перо и возьмем в руки другое оружие, чтобы в залпе стрелкового корпуса, о котором говорил товарищ Ворошилов, летел и разил врага и наш свинец, тяжелый и горячий, как наша ненависть к фашизму!.. Разгромив врагов, мы еще напишем книги о том, как мы этих врагов били. Книги эти послужат нашему народу и останутся в назидание тем из захватчиков, кто случайно окажется недобитым...» (VIII, 123—124).

Готовясь к военным испытаниям, Шолохов был полон мирных планов и замыслов. Он работает над завершением второй книги «Поднятой целины», задумывает новый роман о труде колхозной интеллигенции и о больших переменах в деревне. Много сил отдает писатель общественной деятельности. С дальних степных хуторов, с придонских станиц тянутся к своему депутату ходоки, чтобы вместе с ним решить насущные вопросы своей жизни. Вместе с коммунистами Вешенского района и всей Ро-

стовской области Шолохов утверждает социалистическую новь на родном Дону.

Громадная созидательная и творческая работа писателя и общественного деятеля была нарушена Великой Отечественной войной. Писатель встретил начало тяжелых для Родины испытаний в родной станице, полный, как и весь народ, решимости отстоять независимость своей великой Отчизны.

23 июня 1941 года в Вешенской, на старой станичной площади, собрался многолюдный митинг. Жители станицы и окрестных хуторов пришли проводить уходивших на фронт казаков. Шолохов, выступив перед одностаничниками, выразил уверенность в победе нашего народа над гитлеровскими захватчиками. «Фашистским правителям, — говорил он, — основательно позабывшим историю, стоило бы вспомнить о том, что в прошлом русский народ не раз громил немецкие полчища, беспощадно пресекая их движение на восток, и что ключи от Берлина уже бывали в руках русских военачальников»¹.

В этот же день Шолохов послал в Москву телеграмму, в которой просил зачислить в фонд обороны СССР присужденную ему Сталинскую премию первой степени за роман «Тихий дон» и выражал готовность в любой момент «стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину»².

Советские писатели становились участниками великой народной битвы. С первых дней войны они разили врага острым оружием слова. Беспощадно громить озверелого врага, верить в победу, силу и неистребимость русского народа призывал в статьях о Родине Алексей Толстой. Ненавидеть учила гневная, документально точная, раскрывавшая звериное лицо фашизма публицистика Ильи Эренбурга. «Песня народного мщения», по словам Тихонова, заменила все песни советской поэзии. «Стихи о ненависти» писал Сурков, к отмщению звали Твардовский, Исаковский, Симонов и другие советские поэты.

¹ «Большевистский Дон», стан. Вешенская, от 24 июня 1941 г., № 76, стр. 2.

² «Большевистский Дон», стан. Вешенская, от 26 июня 1941 г., № 77, стр. 2.

М. А. Шолохов — фронтовик.

Призыв беспощадно громить фашистские полчища, вера в победу пронизывали и шолоховскую военную публицистику.

В самом начале войны один за другим появляются в «Правде» и «Красной звезде» близкие по форме и содержанию очерки Шолохова «На Дону» и «В казачьих колхозах». Не легко было переключиться писателю на необычный для него оперативный жанр очерка. Но Шолохов и в романах шел «по горячим следам» современности, всегда жил дыханием народа, рассказывал о небывалом патриотическом подъеме на Дону. Бывший красный партизан, высокий, могучий батареец Яков Земляков хочет идти в бой коммунистом и просит зачислить его в одну часть с сыном; молодой казак Роман Выпряжкин уходит на фронт добровольцем; старый рабочий Правденко дает отцовский наказ сыновьям — «бить врага беспощадно до полного уничтожения». Едины в своей священной ненависти к врагу жители станиц и хуторов Советского Дона. Они горят желанием отстоять свою Родину в бою и труде. Эти чувства владеют и уходящим на фронт трактористом, и случайно встреченным в поле бывалым казакom, который просит писателя передать в Москву, что «донские казаки всех возрастов к службе готовы», и колхозниками Моховского сельсовета, и тружениками хутора Ващаевского.

Шолохов показывает народное единство и утверждает, что в сердцах советских людей живут два чувства — любовь к Родине и ненависть к фашистским захватчикам. «Великое горе будет тому, — восклицает Шолохов, — кто разбудил эту ненависть и холодную ярость народного гнева!»

Во втором очерке Шолохов рисует горячую пору уборки хлебов в бескрайних донских полях: «Грохочут гусеничные тракторы, над сцепами комбайнов синий дымок смешивается с белесой ржаной пылью, стрекочут лобогрейки, подминая крыльями высокую густую рожь» (VIII, 131). В эти дни писатель не раз бывал во многих полевых станах, бригадах, правлениях колхозов, задушевно беседовал с казаками и видел, как на всем, что делают люди, лежит строгая печать войны.

Шолохов привлекает большой фактический материал, метко характеризует встреченных им людей, дает выразительные портретные зарисовки.

«Прослышал я в воскресенье про войну, и все во мне перевернулось, — раздумчиво делится своими мыслями бывалый казак с тронутыми сединой усами. — Ночью никак не могу уснуть, все думаю: в прошлом году черепашка нас одолевала, сейчас Гитлер приступает, все какое-то народу неудовольствие. И опять же думаю: что это есть за Гитлер, за такая вредная насекомая, что он на всех насыкается и всем покою не дает? А потом вспомнил за германскую войну, а мне довелось на ней до конца прослужить, вспомнил про то, как врагов рубил... Восьмерых вот этой рукой пришлось уложить, и все в атаках. — Казак смущенно улыбается, вполголоса говорит: — Теперь об этом можно вслух сказать, раньше-то все стеснялся... Двух георгиев и три медали заслужил. Не зря же мне их вешали? То-то и оно! И вот лежу ночью, об прошлой войне вспоминаю, и пришло на ум: когда-то давно в газетке читал, что Гитлер будто тоже на войне германской был. И такая горькая досада меня за сердце взяла, что я ажник привстал на кровати и вслух говорю: «Что же он мне тогда из этих восьмерых под руку не попался?! Раз махнуть — и свернулся бы надвое!» А жена спросонок спрашивает. «Ты об ком это горюешь?» — «Об Гитлере, — говорю ей, — будь он трижды проклят! Спи, Настасья, не твоего это ума дело» (VIII, 127—128).

В июле 1941 года полковой комиссар запаса Шолохов был призван в армию и вместе с другими советскими писателями ушел на фронт. Он участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте, под Ростовом — на Южном фронте, делил с бойцами суровые дни Сталинградской битвы, шел фронтовыми дорогами до самых границ Германии.

Летом 1943 года Шолохов обратился с письмом к американскому народу, в котором от имени граждан союзной страны предлагал дружбу, призывал к борьбе с фашистами, указывал на возможные последствия медлительности и колебаний союзников. «В судьбу каждого из нас, — писал Шолохов, — война вошла всей тяжестью, какую несет с собой попытка одной нации начисто уничтожить, поглотить другую... События фронта, события тотальной войны в жизни каждого из нас уже оставили свой нестираемый след...

...Враг перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой вой-

ны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с вами так прямо» (VIII, 158—160).

В очерках и статьях военных лет («На Смоленском направлении», «Гнусность», «Военнопленные», «На юге») Шолохов рисовал жестокую и тяжелую войну советских людей с фашистами, показывал неизбежный процесс распада, разложения гитлеровской армии. Он рассказывал о чудовищных злодеяниях вражеских солдат, когда они, выгнав из сел женщин и детей, располагали их перед своими окопами и, позабыв стыд, прятались за спины безоружных мирных жителей, чинили бессмысленные разрушения и убийства. Шолохов не раз рисовал портреты фашистских солдат. Это — трусливый и голодный, изрядно потрепанный войной ефрейтор, который начинает понимать, что Гитлер, напав на Россию, совершил непоправимую ошибку; это — безусый двадцатилетний солдат-нацист с юркими, вороватыми глазами затравленного кровожадного хорька, говорящий заученными фразами о превосходстве германской нации, это — пожилой солдат-крестьянин с большими мозолистыми руками. Насильно мобилизованный в гитлеровскую армию, он полон ненависти к «собаке Гитлеру», тяжело переживает несчастья, которые принесли фашисты народам Европы, и хорошо понимает, что «за все это Германии придется нести страшную расплату». «Он отворачивается и долго молчит,— пишет Шолохов.— Что ж, это хорошее раздумье. И чем скорее сознание тягчайшей ответственности и неизбежной расплаты придет к немецким солдатам, тем ближе будет победа демократии над взбесившимся нацизмом» (VIII, 148).

Словами пожилого колхозника Колесниченко, вырвавшегося из фашистского плена, Шолохов утверждает, что у фашистов нет армии. Солдаты, занятые грабежом, мародерством, насилием и разбоем, — это не армия. Фашистское воинство не знает, за что оно воюет. Эту мысль Колесниченко из очерка «На юге» Шолохов повторяет несколько раз как народную оценку фашистской армии. Писатель противопоставляет армии грабителей

единый борющийся лагерь советских людей, всех, кто добывает победу своей великой Родине.

«С востока на запад по широкому шоссе, — пишет Шолохов в очерке «На юге», — движутся черные колонны людей. В задних рядах одной из колонн несколько человек, сбавив шаг, на ходу делают самокрутки, закуривают. Мой спутник спрашивает:

— Что за народ? На оборонительные работы идете, что ли?

Коренастый широкоплечий человек в замасленной ватной стеганке, сладко дохнув махорочным дымом, отвечает:

— Хозяева Донбасса — вот кто мы такие, а идем приводить в порядок взорванные и затопленные шахты. Понятно?

Оставшиеся бегом догоняют колонну, и снова в морозном воздухе шаги их сливаются с гулкой и согласной поступью сотен таких же настоящих хозяев Донбасса, идущих восстанавливать свои разрушенные шахты» (VIII, 149).

2. «Наука ненависти»

В первую годовщину войны Шолохов напечатал в «Правде» проникнутый публицистической страстностью и непоколебимой уверенностью в торжестве правого дела рассказ «Наука ненависти». Давая высокую оценку этому произведению, «Правда» спустя несколько дней писала: «Как рождается в сердце бойца Красной Армии неугасимая ненависть к врагу, недавно рассказал в своей замечательной художественной повести «Наука ненависти» писатель Михаил Шолохов»¹.

В основу этого рассказа автор положил действительные события, о которых поведал ему на фронте один из участников войны. Боец очень не хотел, чтобы родные узнали о его военных лишениях, о тяжелых испытаниях, познанных им в фашистском плену, и просил не называть его фамилию. Да и у Шолохова не было необходимости замыкаться в рамках частной судьбы. Рисуя крупным планом характер лейтенанта Герасимова, проходившего в суровых боях с врагом «науку ненависти»,

¹ «Лицо врага», «Правда» от 28 июня 1942 г., № 179, стр. 1.

писатель художественно зримо раскрывал национальный характер русского человека, оторванного войной от мирного труда, показывал становление и закалку советского воина.

«Наука ненависти» и «Наука побеждать» органически связаны между собой, немыслимы одна без другой. И Шолохов показывает, как наука ненависти учит побеждать. Он начинает повествование яркой поэтической метафорой: «На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу» (VIII, 13). Огромный участок леса был срезан огнем нашей артиллерии; смерть величественно и безмолвно властвовала на созданной и взрытой снарядами поляне; как скошенные, попадали сосны, и только чудом уцелела единственная березка, и «ветер раскачивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых, глянцеви́то-клейких листках». Рядом — могучий, надломленный вражеским снарядом дуб: «Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весной дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветки искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...» (VIII, 14).

Дуб надломлен, но он ожил весной, покрылся свежей листвой и потянулся к солнцу, к жизни. Олицетворяя в этом образе могучую жизненную силу своего народа, писатель взволнованно рассказывает о судьбе лейтенанта Герасимова, и перед читателем постепенно раскрывается его характер.

«Высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами», лейтенант Герасимов имел привычку изредка скрещивать на груди крупные узловатые пальцы рук, «и странно не вязался с его сильной фигурой, с энергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье» (VIII, 14). Шолохов обращает внимание на его спокойное, почти бесстрастное лицо, на устало прищуренные, воспаленные глаза.

Писатель был поражен тем, как мгновенно преобразился лейтенант, увидев проходивших невдалеке военнопленных: побледнел, порывисто вскочил, глаза вспыхнули неугасимой, лютой ненавистью. Причина такой резкой

перемены во всем облике и поведении Герасимова становится понятной из дальнейшего повествования, которое ведется уже от имени самого героя.

Герасимов — потомственный рабочий. Их фамилия сотни лет железо для родины делала. До войны он честно работал механиком на одном из сибирских заводов. С уважением относясь к немецкому народу, Герасимов не раз удивлялся, почему этот «трудолюбивый и талантливый народ терпит у себя самый паскудный гитлеровский режим». В первом же бою лейтенант Герасимов лицом к лицу встретился с пленными солдатами Гитлера. «Помню, как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к этому времени остыли от боя и вот каждый из них тащит пленным все, что может: кто — котелок шей, кто — табаку или папирос, кто — чаем угощает. По спинам их похлопывают, «камрадами» называют: за что, мол, воюете камрады?..

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «Слюни вы распустили с этими друзьями. Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются». Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел» (VIII, 18).

Вскоре Герасимов воочию увидел дикие зверства, творимые фашистами на его родной земле: «сожженные до тла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев». С каждым днем росла ненависть к врагу у незлобивых русских людей, надевших фронтовые шинели. Рота Герасимова отчаянно защищала украинскую землю, не скупясь проливали сибиряки кровь за каждое село и деревню; скрепя сердце, не глядя друг другу в глаза, отступали на восток. Раненный на Полтавщине, лейтенант попал в плен. С болью и горечью рассказывает он о своих мучениях и страданиях в фашистском плену. Мысль о победе никогда не покидала Герасимова, даже изощренные пытки озверевшего врага не могли сломить его воли к сопротивлению и борьбе. Он учился ненавидеть врага всеми силами души, потому что по-настоящему, всем сердцем любил свою Родину. Герасимов уверен, что «именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу». Вспоминая о днях

фашистского плена, о чудовишно тяжких испытаниях, выпавших на его долю, лейтенант убежденно заявляет: «Фашисты могли убить нас, безоружных и обессилевших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу» (VIII, 28).

Воля к жизни и сопротивлению, желание жить, чтобы сражаться, высокий воинский дух Герасимова, прошедшего школу ненависти к врагу, неистребимая жажда победы раскрываются Шолоховым как типические национальные черты русского народа, со всей силой развернувшиеся в годы великой битвы.

Финал рассказа связан с метафорическим вступлением к нему. Развернутое художественное сравнение, на котором построен весь рассказ, писатель наполняет большим внутренним смыслом, озаряющим все повествование и придающим ему художественную цельность. Тридцатидвухлетнего, с седыми висками Герасимова, улыбнувшегося вдруг «простой и милой, ребяческой улыбкой», Шолохов сравнивает с могучим дубом. Лейтенант надломлен пережитым, но чиста его «добытая большими лишениями седина», не сломлена его жизненная сила. Он могуч и крепок, как дуб. Таков весь народ, питающийся живительными соками своей родной земли. Его не сломят никакие, пусть самые тяжкие, испытания и трудности. Народ, полный жизни и воли к борьбе, проникнутый священной ненавистью к заклятому своему врагу и горячей сыновней любовью к матери-Родине, непобедим. Вот что утверждал великий гуманист и патриот Шолохов в самые суровые дни Великой Отечественной войны.

3. «Они сражались за Родину»

В мае 1943 года «Правда» начала печатать главы из нового романа Шолохова «Они сражались за Родину». Это будет, по замыслам писателя, трехтомная эпопея о героической борьбе советского народа в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков. В первой, частично опубликованной книге повествуется о начальном этапе войны; второй том будет посвящен небывалой в истории битве за Сталинград; третий — героическому наступлению Советской Армии, изгнанию врага и его уничтожению.

Опубликованные в 1943—1944 годах главы из романа «Они сражались за Родину» (с ними связаны и послевоенные публикации из этого романа в 1949 году) сразу же вводили читателя в атмосферу суровых дней, тяжелых фронтовых будней, напряженных боев летнего отступления на втором году великой народной войны. Лишь в 1954 году в «Ленинградском альманахе» появилась первая глава романа. Ею писатель предполагает открыть широкое эпическое повествование о тех, кто сражался за Родину в годы Великой Отечественной войны.

Первый по-настоящему весенний день 1941 года. В оврагах с хрустом начал оседать последний ноздреватый снег, и на дорогах еще скованные ночным заморозком появились лужи талой воды. «Пластаясь над землей, поплыли в черном небе гонимые на север черные паруса туч», и, «опережая их медлительное и величавое движение, со свистом, с тугим звоном рассекая крыльями повлажневший воздух, наполняя его сдержанно радостным гомоном, устремились к местам вечных гнездовий заждавшиеся на полдороге тепла бесчисленные стаи уток, казарок, гусей». Но безрадостно начался этот весенний день для агронома Николая Стрельцова. В его семье назревает тяжелая драма, и он гонит мысли о своей нескладной жизни с женой, «обо всем том, что последнее время лежало у него на сердце, как постыдная и горькая тяжесть, ни днем, ни ночью не шло с ума и мешало по-настоящему жить и работать». Раздавленный горем и ревностью, Стрельцов ушел в себя, замкнулся. Тяжело переживает он все это и в дни войны, когда судьба сводит его с новыми фронтовыми друзьями, Иваном Звягинцевым и Петром Лопахиним.

Динамично разворачиваются события на фоне словно вымершей от зноя донской степи — идут тяжелые кровопролитные бои с превосходящими силами противника. Печальные пейзажи воссоздают тревожные, полные скорби дни: «На синем, ослепительно синем небе — полыхающее огнем солнце да редкие, раскиданные ветром, неправдоподобной белизны облака. На дороге — широкие следы танковых гусениц, четко отпечатанные в серой пыли и перечеркнутые следами автомашин. А по сторонам — словно вымершая от зноя степь: устало полегли травы, тускло, безжизненно блистающие солончаки, голубое и трепетное марево над дальними курганами и та-

кое безмолвие вокруг, что изредка слышен посвист суслика и далеко дрожит в горячем воздухе сухой шорох красных крылышек перелетающего кузнечика».

Суровыми, скупыми и горькими красками рисует Шолохов отступление нашей армии на первом этапе войны: «Было что-то величественное и трогательное в медленном движении разбитого полка, в мерной поступи людей, измученных боями, жарой, бессонными ночами и долгими переходами, но готовых снова, в любую минуту развернуться и снова принять бой».

Полк сильно потрепан в последних неравных боях. Всего лишь сто семнадцать солдат и офицеров осталось в живых. С осунувшимися, почерневшими лицами идут они «сомкнутой колонной, устало переставляя ноги, глотая клубившуюся над дорогой горьковатую степную пыль». Бойцы выбиваются из последних сил, но полк сохранил себя как боевую единицу и способен еще оказывать врагу ожесточенное сопротивление. В изнурительно тяжелых боях, изо дня в день, мужественно отстаивают свою Родину герои романа «Они сражались за Родину» — агроном Николай Стрельцов, колхозник Иван Звягинцев, шахтер Петр Лопухин. Со страниц мужественной, пропитанной запахом боев книги встает образ воюющего народа, силы которого подвергались самой жестокой проверке в годину испытаний. Вместе с народом, мужают в борьбе герои шолоховского романа.

Нелегко отрешиться от мирной жизни хлеборобу Николаю Стрельцову. Как во сне, вспоминает он картины недавнего боя, убитого пулеметчика, усеянного «золотистыми лепестками подсолнуха, причудливо и страшно окропленными кровью», и тут же несвязно думает о том, что «подсолнух не пропололи, наверное, потому, что в колхозе не хватало рабочих рук; что во многих колхозах вот так же стоит сейчас ни разу не прополотый с весны, заросший сорняками подсолнух». И, когда после изнурительных боев и трудного перехода вступил Николай Стрельцов вместе с разбитым полком в маленький степной хутор, увидел мирные казачьи хаты, окруженные садами, рыжих телят, лениво пощипывавших выгоревшую траву, белую занавеску в распахнутом окне, миром и покоем пахло на него; широко открыл он глаза и затаил дыхание, «словно боясь, что эта знакомая и

когда-то давным-давно виденная картина мирной жизни вдруг исчезнет, растворится, как мираж в знойном воздухе».

Иван Звягинцев, забыв об усталости, на первом же привале помогает чинить застрявший на дороге тягач и, довольный таким случаем, сияет бесхитростным счастьем, радуется, что такая машина «смело три сеча комбайнов поперет».

Герои Шолохова жестоко сражаются за Родину, но все они жаждут мира и труда, а сегодня, по-солдатски наспех отдохнув, курят в холодке под плетнем, вдумчиво и обстоятельно толкуют о хозяйственных делах, о том, что «хлеба хороши в этом году повсеместно, что лобогрейками трудно будет косить такую густую, полегшую пшеницу, что женщинам тяжело будет управляться с уборкой». Эти люди и думать не хотят о смерти, хотя она каждый день ходит с ними рядом. Не теряя веры в победу, они идут трудной дорогой войны. И Стрельцов с радостью думает о тех, с кем связала его боевая дружба: «Какой дьявол сможет остановить их? Ногти обрвут, кровью будут истекать, а подъем все равно возьмут. Хоть на четвереньках, но долезут!»

Из всех писавших о войне, пожалуй, особенно близки друг другу по идейно-творческим устремлениям и художественной манере Шолохов и Твардовский. Им удалось раскрыть характер вчерашнего и завтрашнего мирного рядового труженика, на плечи которого пала вся тяжесть войны. Оба писателя рисуют своих героев в повседневных буднях войны, разделяют с ними все горести и скупые фронтовые радости, проникают в их внутренний мир, многосторонне передают психологию, настроения и чувства, заветные мечты и мысли.

Советский воин в изображении Шолохова всегда обнаруживает социалистическое отношение к жизни, и, сражаясь за Родину, он осознает горе всего народа как глубокое личное горе. Это человек того поколения советских людей, которых породила, по словам Твардовского, «революция, коллективизация, весь строй жизни», а война выявила все их новые качества.

В суровых боях за Родину герои Шолохова проявляют выносливость, находчивость, упорство русского воина, терпение и стойкость.

Стыдно разговаривать Лопяхину с суровой и властной старухой. Всю жизнь она «до старости на работе хрип гнула, все налоги выплачивала и помогала власти». Она выстрадала право сказать всем своим сынам: «Взялись воевать, — так воюйте, окаянные, как следует, не таскайте за собой супротивника через всю державу, не срамите перед людьми свою старуху мать!» Лопяхин мучительно переживает неудачи первого этапа войны. «Мы иной раз города почти без боя сдаем, мелкой рысью уходим, — говорит он с болью. — Брать-то их нам же придется или дядя за нас возьмет? А происходит это потому, что воевать мы с тобой, мистер, как следует еще не научились и злости настоящей в нас маловато».

Хозяйская совесть Лопяхина не позволяет напервое оставлять врагу технику. Звягинцев негодует на летчиков, прилетевших после «шапочного разбора», чтобы «государственное горючее зря жечь». Много ему приходилось видеть смертей, людского горя и страданий, но по-особому тоскует его душа, когда он видит горящий спелый хлеб на огромном степном просторе. Сухими глазами глядит он «на угольно-черные, сожженные врагом поля, иногда срывая чудом уцелевший где-либо возле обочины дороги колос пшеницы или ячменя, думая о том, как много и понапрасну погибает сейчас народного добра и какую ко всему живому безжалостную войну ведет немец».

Как всегда, поражают мастерски исполненные Шолоховым картины родной русской природы, «мельчайших проявлений всеильной жизни». На войне его герои особенно жадно живут жизнью «этого голубого, осиянного солнцем мира», остро ощущают «духовитый запах только что обмолоченной ржи», слышат «родной, знакомый с детства голос перепела», радует их «и шелест ветра в сожженной солнцем траве, и застенчивая, скромная красота сияющей белыми лепестками ромашки». Война везде оставляет свои следы. Там, где «утром сиял зеленой листвой и полнился звонкими птичьими голосами сад», «теперь чернели одни обугленные пни», «в диком беспорядке лежали вырванные с корнем, изуродованные и поломанные деревья с иссеченными осколками ветвями». Сильны горькие суровые запахи войны, но и они, по словам Шолохова, не в силах заглушить нежнейшего, пленительного и сладостного дыхания жизни.

Со всей силой разворачивается в новом романе Шолохова его эпическое дарование, мастерство масштабного изображения жизни, лепки человеческих характеров, проникновения в народные думы и чувства. В опубликованных главах запечатлены самые трудные дни войны и связанные с ними сложные, складывавшиеся порой трагически человеческие судьбы. В страданиях и горечи военных утрат закаляются характеры советских воинов, крепнет их решимость отстоять родную землю, накапливается боевой опыт.

Главные силы врага основательно измотаны на дальних подступах к Сталинграду. Герои шолоховского романа переправляются через Дон, выходят из боя, чтобы занять вскоре новые рубежи. Впереди еще много суровых дней борьбы, но читатель верит в слова старшины Поприщенко, сказанные им на могиле лейтенанта Голощекова: «Пополнится наш полк людьми, и вскорости опять пойдем мы хоженной дорогой, назад, на заход солнца. Тяжелыми шагами пойдем... Таковыми тяжелыми, что у немца под ногами земля затрясется!»

Новый шолоховский роман был особенно дорог фронтовому читателю. «Вашу книгу, — писал Шолохову капитан Хондочий, — я ношу так же, как и мои товарищи, всегда с собой в сумке. Она нам помогает жить и сражаться»¹. Фронтовики отмечали, что автор «хорошо показал, как в суровой школе войны закаляется дух и воля солдата, как растет его военное мастерство»².

Такая оценка романа фронтовиками была для писателя самой высокой наградой. «Вы доставили мне большую радость, прислав отзывы на отрывки из романа, — писал Шолохов в редакцию газеты «Красная звезда». — Для меня эти короткие отзывы дороже больших критических статей»³.

Еще в годы войны Николай Тихонов говорил: «Шолохов начал писать роман «Они сражались за Родину». Это только еще куски, и трудно представить себе целое, так как мы не знаем судьбы героев. Но видно, что Шолохов

¹ Писатели в Отечественной войне, Гослитмузей, М., 1946, стр. 32.

² «Литература и искусство» от 19 июня 1943 г.

³ «Красная звезда» от 14 мая 1944 г., № 114, стр. 3.

задумал трудное дело. Он и не хотел легкого дела. Это будни войны. Это тягость дней отступления, когда народ смотрит на тебя, своего защитника, почти с презрением и в сердце бойца рождается ярость. Мы знаем, что позже такая ярость приведет к победам под Сталинградом, под Орлом, под Киевом, Ленинградом. Это правда войны»¹.

Летом 1944 года, после долгого перерыва, Шолохов вернулся в родную станицу Вешенскую. Тут еще были свежи следы разрушений. Фронт в 1942 году подходил к самой станице. Фашистам не удалось форсировать Дон и занять Вешенскую, но они варварски бомбили ее. На том месте, где вешенцы с помощью Шолохова выстроили казачий театр, осталась груда развалин, было уничтожено большое новое здание райисполкома, сгорело немало домов станичников, огромная пробоина зияла в старинном соборе, описанном в «Тихом Доне». Был сожжен и дом Шолохова, погибла его библиотека, рукописи «Тихого Дона» и второй книги «Поднятой целины».

С сыновней гордостью за великий русский народ и его армию встретил Шолохов День победы. В статье «Победа, какой не знала история» он взволнованно писал: «Если в мировой истории не было войны столь кровопролитной и разрушительной, как война 1941—1945 годов, то никогда никакая армия в мире, кроме родной Красной Армии, не одерживала побед более блистательных, и ни одна армия, кроме нашей армии-победительницы, не вставала перед изумленным взором человечества в таком сиянии славы, могущества и величия.

В Восточной Пруссии после занятия нашими войсками города Эйдкунена на стене вокзала, рядом с немецкой надписью «До Берлина 741,7 километра» появилась надпись на русском языке. Размашистым почерком один из бойцов написал: «Все равно дойдем. Черносов».

Какая великолепная уверенность в этих простых словах русских солдат! И они дошли, да еще как дошли, навсегда похоронив под развалинами разбойничьей сто-

¹ Н. Тихонов, Отечественная война и советская литература, «Большевик», 1944, № 3—4, стр. 28,

лицы бредовые мечтания гитлеровцев о мировом господстве» (VIII, 165).

Вскоре после окончания войны жители Вешенской торжественно отметили сорокалетие со дня рождения своего земляка. С самых отдаленных хуторов приходили в станицу колхозники, чтобы от всей души приветствовать своего писателя, крепко пожать ему руку, пожелать здоровья и успехов.

Народ высоко оценил заслуги писателя патриота в годы Великой Отечественной войны. 23 сентября 1945 года Шолохов, в связи с выходом десятитысячного номера газеты «Правда», был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Глава V.

НА СТРАЖЕ МИРА

1. Литература и жизнь

Всем творчеством, своей общественной и публицистической деятельностью Шолохов доказывает плодотворность связи литературы с жизнью народа. «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии, — сказал Шолохов на II съезде писателей. — Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством» (VIII, 289—290).

Разъясняя смысл и значение послевоенных решений партии по вопросам литературы и искусства, Шолохов отстаивает необходимость повседневной связи с жизнью, глубокого проникновения в сущность ее процессов, подчеркивает, что литература должна помогать решать те задачи, которые партия ставит перед страной. Шолохов от имени всех советских писателей взволнованно обещал с трибуны XX съезда КПСС до последнего дыхания «служить своим словом делу партии Ленина и свято хранить и в жизни и в литературе ее благородные интересы» (VIII, 304).

Гордясь тем, что «за время своего существования наша литература создала немало полноценных произведений и по праву стала ведущей литературой в мире» (VIII, 303), отмечая достижения многонациональной советской литературы, называя среди них книги Фадеева,

Федина, Ауэзова, Павленко, Гладкова, Леонова, Паустовского, Упита, Твардовского, Якуба Коласа, Гончара, Некрасова, Шолохов на II съезде писателей и XX съезде КПСС выразил большую и глубокую тревогу за судьбу послевоенной литературы, громко говорил о ее серьезных бедствиях, о сером потоке «бесцветной посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок» (VIII, 281). Призыв Шолохова — преградить дорогу этому мутному потоку — прозвучал как забота большого художника о будущем литературы, о подъеме ее на новые высоты художественного мастерства.

Одна из главных причин снижения качества послевоенной литературы, по мнению Шолохова, в недопустимом ослаблении требовательности к себе некоторых писателей, в падении «оценочных критериев», прочно обосновавшихся среди критиков, в завышенной оценке посредственных и прямо бездарных произведений, что дезориентировало читателей, отталкивало от литературы наиболее требовательных и непримиримых в оценках читателей. Шолохов настаивает на повышении идейно-художественного уровня литературы. «Иначе нам грозит, — предупреждает он, — потеря того уважения наших читателей, которое немалыми трудами серьезных литераторов завоевывалось на протяжении многих лет» (VIII, 281).

Серьезное предостережение и большая, идущая от сердца тревога писателя о будущем литературы созвучна в условиях современного литературного развития с той борьбой против «работы неумелой, небрежной, недобросовестной», которую вел в 30-х годах великий Горький.

Суровая критика Шолоховым послевоенной литературы определяется горячим желанием художника «сделать нашу литературу еще более могучей помощницей партии в деле коммунистического воспитания масс, еще более достойной нашего великого народа и того великого литературного прошлого нашей страны, прямыми наследниками которого мы являемся» (VIII, 290).

В речи на XX съезде КПСС Шолохов вновь возвратился к насущным вопросам современного литературного развития и призвал писателей к тесной связи с жизнью своего народа. Об утрате этой связи некоторыми писате-

лями Шолохов говорил полемически запальчиво, горячо и взволнованно. Литератор, по его мнению, должен жить среди героев своих книг, а не в отрыве от них. «Жить жизнью народа, страдать страданиями людей, радоваться их радостям, целиком войти в их заботы и нужды — вот тогда у писателя и будет настоящая, волнующая сердца читателей книга» (VIII, 313).

Целенаправленность шолоховского выступления, своевременность основных его положений, острота постановки важных литературных вопросов привлекли внимание общественности и нашли авторитетную поддержку в партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Передовые силы советской литературы спланивались на принципиальной партийной основе и выходили на главную линию развития.

«А главная линия развития состоит в том, — указывал Н. С. Хрущев, — чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма»¹.

Особенно бережно, заботливо относится Шолохов в послевоенные годы к воспитанию литературной смены. В молодежи он видит будущее, залог «вечного нестарения литературы». На старшем поколении советских писателей лежит, по его мнению, огромная ответственность за воспитание и рост литературной смены. Выступая на III съезде писателей Казахстана, Шолохов образно сравнил воспитание молодых писателей старшими с тем, как беркут учит летать своих птенцов: «Подняв их на крыло, он не дает им опускаться, а заставляет набирать высоту и гоняет их там до полного изнеможения, заставляя подниматься все выше и выше. Только при таком способе воспитания повзрослевший беркут научится парить в поднебесье... Своих молодых писателей мы должны учить таким же способом, должны заставлять их подниматься

¹ «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Сборник документов, Госполитиздат, М., 1958, стр. 32.

все выше и выше, чтобы впоследствии они были в литературе настоящими беркутами, а не мокрыми воронами, не домашними курами» (VIII, 276).

Молодым писателям Шолохов не устает напоминать, что творчество должно быть максимально приближено к своему сердцу, что писатель — совесть народа, творить для него — высокая честь. Он сам, как всегда, чувствует биение пульса современности и взволнованно откликается на ее бурные события, на героические дела соотечественников. Он не раз приезжает в Сталинград и видит, как возрождается город-герой; едет на строительство Волго-Донского канала, пишет статью «Первенец великих строек»; как самый близкий человек, приходит в дома колхозников, встречается с рабочими Ростова и Таганрога, Москвы и Ленинграда, с солдатами и офицерами Советской Армии. На областной партийной конференции он выступает с отчетом о своей работе; в Алма-Ате и Киеве дружески беседует с товарищами по перу, писателями Казахстана и Украины; в родной станице выступает на совещании передовиков сельского хозяйства с призывом быстрее провести сев, а на совещании садоводов и виноградарей Ростовской области добивается того, чтобы больше было садов и виноградников на Дону.

Вместе со всем советским народом Шолохов активно борется за мир. Он подписывает открытое письмо советских писателей «С кем вы, американские мастера культуры»; в августе 1948 года едет во Вроцлав и участвует в работе Всемирного конгресса деятелей науки и культуры в защиту мира; вскоре после этого выступает с речью на I Всесоюзной конференции сторонников мира, избирается членом Советского комитета защиты мира. В декабре 1952 года его яркая речь звучит с трибуны IV Всесоюзной конференции сторонников мира.

В 1955 году Шолохов написал «Письмо в редакцию журнала «Иностранная литература», в котором поднял важные вопросы о создании творческой атмосферы и необходимости широкого обмена опытом между советскими и зарубежными писателями. Пользуясь большим авторитетом среди писателей мира, он призывает их сесть за «свой круглый стол» для «взаимного духовного обогащения и познания». Крупнейшие прогрессивные художники мира горячо поддержали предложение Шолохова.

«Значение инициативы Шолохова очень велико...— писал Пабло Неруда. — Я надеюсь, что предложение Шолохова о «круглом столе» воплотится в жизнь и мы, писатели всех стран, сможем по-братски поделиться плодами нашего труда, нашими заботами и нашими общими надеждами»¹. «С огромной радостью прочел я обращение товарища Шолохова к писателям мира, — писал Мао Дунь, — и полностью согласен с его своевременным, ценным предложением. Писателям уже давно следовало бы собраться за своим «круглым столом» для содействия международному культурному обмену и для установления дружеских отношений и единства писателей всех стран»². Шолохов не раз выезжал за границу, был в Польше, Болгарии, Чехословакии, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Италии, Франции, Англии. Везде его встречали как посланца мирной Советской страны, как полпреда советской культуры.

Находясь в гостях у Шолохова в станице Вешенской, Н. С. Хрущев пригласил его с собой в Америку, и Шолохов принял участие в великой миссии мира и дружбы.

Горячо и страстно зазвучало в послевоенное время шолоховское слово о Родине. С большой художественной силой рисует Шолохов ее образ, советских людей, мирно строящих новую жизнь.

Писатель, отобразивший переломные эпохи в жизни Родины, движение народных масс в революции, находит проникновенные слова для выражения сыновней любви к своей «милой, светлой Родине». Так рождаются новогодние обращения к ней, опубликованные в «Правде», по жанру своему близкие к стихотворению. Повышенная эмоциональность, лирическая взволнованность автора подчас ритмически организуют структуру обращений, а сочные обобщенные пейзажи создают не только широкий эпический фон, — они выражают взволнованность автора, его любовь к Родине.

«Зимней, синеющей дымкой; — пишет Шолохов, — покрыты просторы нашей Родины, ходят туманы над вечно устремленными ввысь горными вершинами величественных горных хребтов, над древними морями и океана-

¹ «Иностранная литература», 1956, № 1, стр. 205.

² «Иностранная литература», 1956, № 7, стр. 214.

ми, омывающими родные берега отчизны. Влажным, ласково мягким туманом повиты поля, возделанные и взлелеянные трудовыми руками советских людей. Мелкой изморозью, серебряным бисером светится каждый листок озими, вороненой сталью отливают каждый пласт поднятой под зябь земли...

...И кажется в эту зимнюю ночь: только чайки — над безднами наших морей и океанов, только ястреб парит над заснеженным морем колхозных полей, только — клетот орлиный над вышними отрогами наших недоступных гор...

И кажется, что земля, извечная кормилица, притихла, задумалась в тишине, как будущая мать, собирает житнетворящие силы для новых свершений» (VIII, 250).

Автор как бы окидывает всевидящим взором всю свою великую Родину-мать, ее необъятную ширь. Эпически развернутая пейзажная картина вступает в сложное взаимодействие с последующим повествованием. Новогодняя тишина — только кажущаяся тишина: ни на секунду не слабеет могучий пульс страны социализма. «Могучее племя советских людей давно уже поднялось на крыло, и светлая тень этих крыльев, несущих свободу всему исстрадавшемуся под гнетом капитализма человечеству, покрывает земной шар» (VIII, 251). Насыщенная яркими и сочными красками, смелыми поэтическими метафорами, традиционными народными эпитетами, повторами, единоначатиями, высокой патетикой, речь Шолохова звучит как торжественная клятва сыновней верности своему народу и Родине.

Мастер больших полотен, Шолохов и в статьях, и в очерках сочетает задушевный лиризм с эпической широтой повествования. Эта особенность Шолохова-публициста обнаруживается уже в первом послевоенном очерке «Слово о Родине».

Открывается очерк задушевым разговором автора с читателем о героизме русского народа, вынесшего на своих плечах неслыханные страдания величайшей из войн, о партии — организаторе победы. Обращение к читателю подчеркивает единство чувств и мыслей писателя и народа: «Побудь немного в тишине и одиночестве, мой дорогой соотечественник и друг, закрой глаза, вспомни недавнее прошлое...» Вместе с читателем он взором любящего сына окидывает родную землю, видит, как воз-

рождается, со сказочной быстротой расцветает она после войны: там, где еще недавно рос на полях бурьян, — золотится хлебная стерня; где были глушь и запустение, — дымят трубы восстановленных заводов. Шолохов разговаривает с читателем как с другом, как с самым близким человеком, которому можно доверить глубинные тайны своего сердца. Отсюда и искренность авторских лирических интонаций и его пафоса: «Поистине невиданно могущественна партия, сумевшая организовать, воспитать, вооружить и повести за собой народ на свершение небывалых в истории подвигов! Поистине велик и непобедим народ, сумевший не только отстоять свою независимость и разгромить всех врагов, но и стать светочем надежды для трудящихся во всем мире! Быть верным сыном такого народа и такой партии — это ли, мой друг, не самое высокое счастье в жизни для нас и наших современников?» (VIII, 176).

Очерк «Слово о Родине» обрамлен лирико-эпическим вступлением и эпилогом. Мысли автора, обобщенные в лирическом вступлении, раскрываются затем в двух контрастных эпизодах. Обе части очерка идейно и композиционно связаны между собой — Шолохов прослеживает духовный рост русского человека, перемены в нем, вызванные самой жизнью, величайшими преобразованиями в стране.

Первая часть тематически обращена ко времени, запечатленному в «Поднятой целине», она так и начинается: «В январе 1930 года, когда на Дону проходила сплошная коллективизация, мне пришлось ехать со станции Миллерово в Вешенскую» (VIII, 178). С подкупающим, чисто шолоховским юмором нарисованы здесь образы возницы Игната Прокофьевича и старика из хутора Нижне-Яблоновского. Автор словно бы любит возницей, бородачатым, пожилым, но по-молодому статным казакон «с шельмовскими, глубоко запрятанными глазками и лихо зачесанным чубом». За внешним балагурством и шутивым отношением к колхозу этого самого «что ни есть колеблющего середняка» происходит серьезная внутренняя борьба («опасаешься колхоза, а там, глядишь, как бы от единоличной жизни не пришлось поволчиному выть»). Борьба завершается победой коллективного начала над собственническим чувством. «Чума его знает, куда податься... — уже без игривых ноток, по-

грустневшим голосом сказал Прокофьевич и с остервенением хлестнул лошадей. — Прислушались к чужому разговору, чертовы одиноличники! Вот я вам покручу хвостами!»

Глубокие переживания томят и крестьянина-одиночника из хутора Нижне-Яблоновского. Он только что с радостью вступил в колхоз, сам отвел на общий баз быков, коня и корову, а потом словно «умом тронулся», перестал есть и спать, мучительно переживая тягу к собственности, от которой сам же и отказался. Нелегко давался колхоз старому, всю жизнь прожившему своим хозяйством крестьянину, даже во сне он «боялся расстаться с ягненком — этой последней жалкой собственностью, живое тепло которой еще как бы связывало его с недавней одиноличной жизнью...» (VIII, 189).

Вспоминая недавнее прошлое, Шолохов в следующей части очерка сопоставляет его с настоящим одного из колхозов, расположенных неподалеку от Калача. Совсем иную картину видит писатель, новых людей встречает он в 1947 году.

С мягким юмором рассказывает Шолохов о беспокойной ночи, проведенной в доме председателя этого колхоза. Пожилой крестьянин, хозяин дома Корней Васильевич — человек, выросший в колхозе. Он не мыслит свою жизнь вне коллективного труда. Если крестьянин-середняк из хутора Нижне-Яблоновского беспокоился только о личном добре, о своей собственности, то Корней Васильевич прежде всего заботится о благосостоянии колхоза. В его характере выступают совершенно новые качества, воспитанные в крестьянине за годы Советской власти, — вера в силу коллектива, социалистическое отношение к жизни, личная ответственность за судьбу своей Родины.

Несмотря на преклонный возраст, Корней Васильевич добровольно уходит на фронт. Он хорошо понимает, что судьба Родины — его судьба. Острая ненависть к врагу, нарушившему мирное созидание, ощущение неразрывного единства со всем народом, неистребимая вера в его силы, высокая духовная культура — вот что важно для Шолохова в этом неутомимом и энергичном человеке, черпающем силы в народе для борьбы за новые успехи колхоза. И Корней Васильевич не один — «миллионы советских людей во всех областях нашей

жизни трудились и трудятся не покладая рук, движимые одним могучим желанием: служить своей величавой Родине» (VIII, 201).

Переключаясь с лирическим вступлением, снова, как торжественная клятва, звучит в эпилоге шолоховское «слово о Родине»: «Милая, светлая Родина! Вся наша безграничная сыновья любовь — тебе, все наши помыслы — с тобой!»

«Свет и мрак» выразительно назвал Шолохов другой очерк. Отчетливое преимущество социализма над прогнившей капиталистической системой, противопоставление двух миров воплощено в самом названии и композиции очерка: с одной стороны — свет, величественная картина мирного труда советского народа, широко развернувшаяся, титаническая борьба за преобразование природы, обновление земли; с другой — мрак.

«На голых, извечно грустных песчаных увалах Обдonya, — пишет Шолохов, — в унылых и безжизненных разливах песков по Заволжью и Ставрополю — всюду, где тысячелетиями безнаказанно и неотвратимо, со змеиным шипением ползли с востока гибельные пески, из года в год поглощая ненасытным желтым зевом плодородную почву, — теперь уже протянуты плугами первые борозды, и на дне их, там, где падал в горячий песок железный меч лесопосадчика, зелеными брызгами малахита чудесно расцвели крохотные, прячущиеся между бровками борозд, как бы прилипшие к влажному песку сеянцы сосен. Им от роду всего лишь по году, от силы — по два, но в жаркий полдень стань на колени, склонись над малюткой-деревцом, и ноздри уловят молодой и нежнейший запах сосновой смолы, а глаза увидят на игрушечно тоненьком, шершавом и гибком стволе-стебельке несоразмерно большие по сравнению с ним, величиною с булавоочную головку, искрящиеся, как роса, капельки смолы. Стало быть, сосенка принялась, она живет, она будет жить, долгие годы неся бессменную караульную службу, оберегая благополучие и счастье наших черноземных голей от вторжения мертвящей пустыни» (VIII, 207).

Слова нежности, ласки, с которыми Шолохов описывает молодые зеленые побеги как символ неодолимо растущей жизни, выливаются в горячую благодарность партии, величайшему из великих — Ленину, тому, «кто

воплотил в живую действительность чаяния многих поколений трудящихся» (VIII, 208).

Любовно, с сердечной теплотой относится писатель к советским людям, преобразующим природу.

«Пережив в жесточайшую из войн, — пишет Шолохов, — самые суровые испытания и обретя булатную крепость, самоотверженно трудится наш народ на лесах новостроек, на заводах и шахтах, безгранично раскинувшихся колхозных полях, на промыслах и в лабораториях, трудится во имя мира, во имя своего счастья и счастья поколений» (VIII, 217).

Галерея персонажей, созданных Шолоховым, пополняется образом старого колхозника-горючевоза деда Трифона. Многими чертами он напоминает Щукаря. Но это уже не забитый, темный, искалеченный прошлым человек. Советская власть выпрямила таких людей, приобщила к культуре. Трифон Платонович с подкупающей непосредственностью радуется обновлению земли, садам, которые опояшут Родину.

В очерках, как и романах, Шолохов охотно прибегает к любимому народом юмору, к шутке, к острому меткому слову.

Шолохов утверждает в публицистике непоколебимое единство народа и партии. В статье «Вечно здравствуй, родная партия!» он провозглашает: «Мирный труд на протяжении десятилетий и кровь, обильно пролитая в битвах за свободу и независимость Родины, навсегда спаяли народ и партию. Какая же сила сможет разъединить их теперь? Да нет же такой силы и никогда ее в мире не будет!» (VIII, 273).

Самые суровые слова, отлитые в афоризмы, слова негодования и презрения находит Шолохов, чтобы заклеить сборище людского непотребства и гнуса, заклятых поджигателей войны.

В гневном памфлете «Не уйти палачам от суда народов!» с бичующим сарказмом, как художник-карикатурист, Шолохов разоблачает слащаво улыбающегося ханжу с галстуком, завязанным бантом, с занятыми руками: «Одной он любовно и бережно прижимает к груди атомную бомбу, а другой, обогрелой кровью корейского народа, пытается задушить Корею» (VIII, 240).

Послевоенные статьи, очерки, памфлеты Шолохова — «Борьба продолжается» (1948), «Свет и мрак» (1949),

«Не уйти палачам от суда народов!» (1950), «С родным правительством за мир!» (1951), «Любимая мать-отчизна» (1952), «Первенец великих строек» (1952), «Вечно здравствуй, родная партия!» (1953), «Солдаты моей Родины» (1958) и другие — пронизаны горячей уверенностью в победе дела мира. Они озарены светом жизнетворящего солнца. Вместе со всем народом писатель радуется твердой поступи социализма, торжеству коммунистических идей: «По моим родным степям идет канал Волга — Дон, создается громадная оросительная система. Грандиозными стройками большевики преобразуют лик всей советской земли. Радостно жить и творить, будучи сыном такой великой Родины, такой великой партии» (VIII, 247).

Публицистика Шолохова — яркий пример живой связи писателя с жизнью народа, его непосредственного участия в общенародном труде, в борьбе за мир на земле.

2. «Судьба человека»

В самом конце 1956 года Шолохов закончил и в канун Нового года опубликовал на страницах «Правды» рассказ «Судьба человека». Сам писатель оценивает это произведение как «подступ к большому разговору о большой войне»¹. В нем с новой силой раскрылись основные особенности могучего шолоховского дарования. Писатель-романист остается верен себе и в жанре рассказа. Смысловая емкость, художественный синтез эпического, драматического и лирического начал в «Судьбе человека» значительно расширяют наши представления о возможностях «малых форм». Уже в самом названии — «Судьба человека» — писатель концентрирует художественную мысль всего произведения. Это — рассказ о судьбе рядового, обыкновенного русского человека Андрея Соколова, рассказ о его жизни, полной лишений и тяжелых испытаний, о жизни, прожитой вместе с народом. Человеческая судьба сливается с судьбой того великого дела, за которое сражался и победил вместе со всем советским народом шолоховский герой.

¹ В. Куприн, В гостях у М. А. Шолохова, «Советская Россия» от 25 августа 1957 г., № 201, стр. 3.

Казалось бы, рассказ сюжетно замкнут развернутым в нем эпизодом, частной судьбой одного человека. На самом же деле, всепроникающая художественная мысль рассказа, его драматическая сила приобретают эпический размах и романтическую полноту. Русский человек прошел через все ужасы навязанной ему войны и ценой громадных, ничем не возместимых личных утрат и трагических лишений отстоял Родину, утвердив свое великое право на вечную жизнь на Земле, на светлое и счастливое будущее. В этом обобщающий смысл драматического по характеру и эпического по звучанию рассказа Шолохова. «Этот рассказ о судьбе Андрея Соколова, — говорил Н. С. Хрущев в станице Вешенской, — является не только грозным обличением тех, кто вызвал ужасы второй мировой войны, но и страстным протестом против тех, кто сегодня пытается развязать новую войну, которая угрожает народам еще большими ужасами и страданиями»¹.

Активным участием автора в повествовании определяется двуплановая композиция «Судьбы человека». Сюжетная его часть — рассказ Андрея Соколова о своей жизни. Но автор далеко не безразличен к повествованию человека, ставшего ему родным и близким. Писатель не только обрамляет этот рассказ авторским зачином и лирической концовкой. Он пронизывает его своим взволнованным отношением к тем судьбам и к тем событиям, о которых повествует второй рассказчик — Андрей Соколов. Шолохов сливает свои раздумья и переживания с раздумьями и переживаниями героя.

Авторский зачин — «первая послевоенная весна» на Верхнем Дону, весенний разлив, бурное пробуждение жизни — «в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лед, бешено выгнали степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны» (VIII, 32). Вспоминая о недалеком, но трудном пути в эту «недобрую пору бездорожья» из Вешенской в Букановскую, о переправе через разлившуюся речку Елшанку на «ветхой лодчонке» с прогнившим днищем, Шолохов реалистически зримо выписывает время и место действия, краски, звуки и запахи окружающего мира: «Хутор раскинулся далеко

¹ Н. С. Хрущев, Воля народов всех стран — обеспечить мир во всем мире, Госполитиздат, М., 1959, стр. 10.

в стороне, и возле причала стояла такая тишина, какая бывает в безлюдных местах только глухою осенью и в самом начале весны. От воды тянуло сыростью, терпкой горечью гниющей ольхи, а с дальних прихоперских степей, тонувших в сиреновой дымке тумана, легкий ветерок нес извечно юный, еле уловимый аромат недавно освободившейся из-под снега земли.

Неподалеку, на прибрежном песке, лежал поваленный плетень. Я присел на него... ..Солнце светило так горячо, что я уже пожалел о том, что надел в дорогу солдатские ватные штаны и стеганку. Это был первый после зимы по-настоящему теплый день. Хорошо было сидеть на плетне вот так, одному, целиком покорясь тишине и одиночеству, и, сняв с головы старую солдатскую ушанку, сушить на ветерке мокрые после тяжелой гребли волосы, бездумно следить за проплывающими в блеклой синеве белыми грудастыми облаками» (VIII, 33—34).

Шолоховский пейзаж, как всегда, активен, органически связан с повествованием. Картина бурной весны насыщена ярким солнцем, ароматами пробуждающейся жизни и вместе с тем полна благостной тишины. Многие бытовые детали, казалось бы, незначительные в зачине, не только напоминают о прошедшей войне. Они скрепляют зачин с сюжетной частью, с рассказом Андрея Соколова о своей судьбе.

«Вскоре я увидел, — продолжает Шолохов, — как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вел за руку маленького мальчика, судя по росту — лет пяти-шести, не больше. Они устало брели по направлению к переправе, но, поравнявшись с машиной, повернули ко мне. Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском:

— Здорово, браток!

— Здравствуй. — Я пожал протянутую мне большую, черствую руку.

Мужчина наклонился к мальчику, сказал:

— Поздоровайся с дядей, сынок. Он, видать, такой же шофер, как и твой папанька. Только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую машину гоняет.

Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс ее, спросил:

— Что же это у тебя, старик, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?

С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивленно приподнял белесые бровки.

— Какой же я старик, дядя? Я вовсе мальчик, и я вовсе не замерзаю, а руки холодные — снежки катал потому что» (VIII, 34).

Так в действие вступают главные герои рассказа «Судьба человека», люди разных поколений, но, как выясняется позже, во многом общей судьбы. Пока же внешняя характеристика мужчины и мальчика подчеркнута контрастно. Один — высокий, сутуловатый, заговорил приглушенным баском, протянул большую, черствую руку, устало присел, сгорбился. Когда автор сбоку взглянул на него, ему стало не по себе: глаза случайного собеседника были «словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть». Другой — маленький, лет пяти-шести, глядел светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, смело протянул розовую холодную ручонку, прижался с трогательной детской доверчивостью, удивленно приподнял белесые бровки. Мальчик был одет просто, но добротнo, с женской заботой, мужчина — небрежно, в прожженный, грубо заштопанный ватник, в защитные выношенные штаны, наскоро залатанные широкими мужскими стежками.

Андрей Соколов включается в беседу и постепенно, взволнованно рассказывает всю свою жизнь. Чужое волнение передается не только автору, но и нам, читателям, по мере того как мы узнаем, что Андрею Соколову пришлось хлебнуть во время войны «горюшка по ноздри и выше». «Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила?» Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке...» (VIII, 36).

Речь Андрея вначале течет спокойно и неторопливо, когда он вспоминает, как жил до войны в мире и достатке, деля с народом радости и горести. С каждым новым эпизодом мы многое узнаем об этом мужественном человеке. Это — вечный труженик и бывалый солдат, никогда не щадивший себя для Родины. Его речь — исповедь

человека большой души, исполненной трогательной нежности и сурового мужества, великой любви к человеку и неистребимой ненависти к врагам. С присущей ему народной мудростью он размышляет, раздумывает о своей судьбе: «Ох, браток, нелегкое это дело понять, что ты не по своей воле в плену. Кто этого на своей шкуре не испытал, тому не сразу в душу въедешь, чтобы до него по-человечески дошло, что означает эта штука» (VIII, 43). Он с легким юмором подсмеивается над своими слабостями, с горечью вспоминает о расставании с семьей, как, прощаясь, случайно оттолкнул повисшую на шее жену («Да разве так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!»), с ужасом думает о том, как, будучи в плену, разговаривал по ночам с женой и детишками, подбадривал их, не зная, что они мертвы. Священной ненавистью дышат его слова, когда говорит он о лютых врагах своих: «Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались» (VIII, 54).

Война разрушила счастье Андрея Соколова и его семьи, как она разрушила счастье многих других семей. Пережил он и фронтовые лишения, и ужасы фашистского плена вдаль от Родины. Смерть не раз смотрела ему в глаза, но он выжил, не уронив достоинства советского человека. После побега из плена, целуя родную землю и задыхаясь от радости, он еще не знает, что война уже нанесла ему новый удар — в Воронеже от фашистской бомбы погибла его семья.

В эту скорбную минуту, как и во время рассказа о страшном прощании с семьей в начале войны, Андрей умолкает, уступая место собеседнику-автору: «В залитом водой лесу звонко выстукивал дятел. Все так же лениво шевелил сухие сережки на ольхе теплый ветер; все так же, словно под тугими белыми парусами, проплывали в вышней синеве облака, но уже иным показался мне в эти минуты скорбного молчания безбрежный мир, готовящийся к великим свершениям весны, к вечному утверждению живого в жизни» (VIII, 59).

Через несколько месяцев лишь на время, как солнышко из-за тучи, блеснула радость Андрею Соколову — сын Анатолий прислал письмо с фронта. И стал отец по-ста-

риковски мечтать ночами о том, как будет жить с сыном после войны, плотничать и внучат нянчить. Но тут новый удар — погиб сын под Берлином от пули вражеского снайпера. Невыплаканные слезы отца застыли на сердце, потухли глаза — тяжело легло все это на душу солдата Соколова. Тоска о погибшей семье, о самых родных и близких людях точит и преследует осиротевшего человека. Война искалечила жизнь Соколова, исказила его, но не сломила. Андрей Соколов не утратил любви к людям, нашел в себе силы жить, трудиться, верить.

После войны, работая в Урюпинске шофером, он случайно встречает беспризорного мальчика, у которого война отняла все: родной дом, отца, погибшего на фронте, мать, убитую бомбой в дни эвакуации. Кормился ребенок тем, кто что даст, скитался без пристанища «этаким маленький оборвыш: личико все в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, как прах, нечесаный, а глазенки — как звездочки ночью после дождя» (VIII, 61). Не своему делу научилась эта «мелкая птаха» — взглянет «из-под длинных своих загнутых кверху ресниц, вздохнет».

«Закипела тут во мне горячая слеза, — продолжает Андрей Соколов, — и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети» (VIII, 62). Приютив осиротевшего мальчонку, Соколов заменил ему родного отца, возвратил этой «мелкой птахе» то, что она так искала и во что верила. И оттого на душе мужчины «стало легко и как-то светло», и оттого теперь мальчик смотрит на мир «светлыми, как небушко, глазами». Отходит, мягче становится закаменевшее от горя сердце Андрея Соколова, рядом, как воробушек, щебечет его новый сын. Но гложет тоска испепеленного войной человека, «не дает на одном месте долго теперь мальчик смотрит на мир «светлыми, как неон с малюткой-сыном по русской земле. Подорваны силы, ослабло сердце Андрея Соколова («сердце у меня раскачалось, поршня надо менять...»), но пока бьется это сердце — оно с народом. И никакими силами не оторвешь от народа Андрея Соколова, человека, ставшего родным и близким автору и читателю.

Коротка была встреча с этим настоящим человеком. Прощаясь, он «протянул большую, твердую, как дерево,

М. А. Шолохов (1955 г.).

руку», «мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменил рядом с широко шагавшим мужчиной» (VIII, 66). Глубокого раздумья полон автор, поведавший об их судьбе и зовущий «к вечному утверждению живого в жизни»:

«Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина» (VIII, 66).

Писатель скорбит о человеке, созданном для мирной жизни, для труда и созидания на земле, о человеке, изуродованном страданиями безжалостной войны. Он не мог не сказать о своем участии в трагической судьбе этого человека. Но Шолохов верит в его будущее и будущее мальчика, который вырастет у отцовского плеча и все преодолеет на своем пути, еще не раз встретит весну своей родной земли. В этом пафос раздумий автора в финале рассказа.

«С тяжелой грустью смотрел я им вслед... Может быть, все и обошлось бы благополучно при нашем расставанье, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножонками, повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и на яву. Тут главное — уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное — не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...» (VIII, 66).

Национальная гордость и достоинство русского человека, выносливость, душевная человечность его, непокорность и неистребимая вера в жизнь, в свою Родину, в свой народ — вот что типизировано Шолоховым в истинно русском характере Андрея Соколова. В рассказе «Судьба человека» вновь раскрылась народность шолоховского таланта, громадная сила его жизнеутверждающего искусства, великий гуманизм писателя-патриота, вера в свой народ, в его будущее.

3. В работе над второй книгой «Поднятой целины»

Вскоре после опубликования первой книги «Поднятой целины» и третьей книги «Тихого Дона» Шолохов встал перед необходимостью выбора, какой из романов завершать раньше другого. В это время он довольно напряженно работал над второй книгой романа «Поднятая целина» и даже намеревался закончить его к 1934 году. «Вторая книга, как и первая, — говорил Шолохов, — покажет становление колхозной деревни. Она охватывает примерно тот же период (1930—1931 годы), но более поздний его этап. Все основные персонажи первой книги переходят во вторую. Но, помимо них, читатель встретит и новых героев. Это главным образом партийные работники из района»¹.

Шолохов не мог стоять в стороне от бурного разворота коллективизации. Он активно участвовал в борьбе с перегибами в колхозном движении. Находясь в гуще событий, он собирался провести через них и действующих лиц романа, проследить культурный и политический рост районных партийных работников, показать моральный распад и закономерность гибели врагов колхозного движения. «Во второй книге, как и в первой, мне хочется бытописать, — рассказывал Шолохов. — Уж больно ядрен и любопытен колхозный быт. И представляется мне, что несколько иронический термин «бытописатель» теперь теряет остроту иронии. Нужно бытописать и лестно быть бытописателем!»². Предупреждая, что «вторая книга будет скучнее первой», что в ней для героев небольшой разворот событий, Шолохов уже тогда замыслил обратить внимание на становление новой жизни внутри колхоза, на развитие характеров в обстановке ежедневной будничной работы. Стремительность разворота событий, характерная для первой книги, отступала на задний план. В последней книге романа Шолохову хотелось «показать людей в годы мирного строительства при Советской власти» (VIII, 89).

В это же время Шолохов предполагал переделать роман для театра, но потом, отказавшись от возникшей

¹ «В работе «Тихий Дон» и «Поднятая целина» (Беседа с т. М. Шолоховым), «Литературная газета» от 6 февраля 1934 г., № 13, стр. 4.

² «Известия» от 10 марта 1935 г., № 60, стр. 3.

мысли, решил создать оригинальную пьесу на том же колхозном материале. В пьесе его опять-таки интересовал «крестьянин в коллективизации, его психология, показ людей в колхозе»¹. Однако Шолохов вскоре отошел от замыслов, связанных с темой «Поднятой целины», и отдал все силы завершению «Тихого Дона». Но даже во второй половине 30-х годов, в период напряженной работы над «Тихим Доном», Шолохов не раз возвращался к «Поднятой целине». Летом и осенью 1938 года совместно с С. Ермолинским он пишет сценарий фильма «Поднятая целина», вводя ряд новых сцен, изменяя отдельные эпизоды в связи с сюжетной линией фильма². Очевидно, эта работа возвратила писателя к замыслам, связанным с окончанием «Поднятой целины». Шолохов посылает в «Правду» телеграмму, сообщая о намерении завершить роман в 1939 году³. Но нагрянувшая война нарушила его творческие планы. Участвуя в великой битве советского народа за свою национальную независимость, Шолохов обратился к созданию нового романа «Они сражались за Родину» работа над которым вновь оторвала Шолохова от «Поднятой целины». Только в 1951 году Шолохов вернулся к этому роману с твердым намерением завершить его⁴.

Выступая перед избирателями Ростова-на-Дону, Шолохов говорил:

«Недавно получил письмо из Китая: просят написать очерк о коллективизации, чтобы помочь социалистическому строительству нового народного государства. А я так думаю: лучше, чем сегодня отделаться очерком, — завтра закончить «Поднятую целину». Отложив все в сторону, я работаю сейчас над подготовкой к печати второй книги этого романа»⁵.

Значительная часть второй книги была написана еще до войны, но рукопись погибла вместе со всем архивом писателя. «Теперь, — говорил Шолохов, — я пишу вто-

¹ «Комсомольская правда» от 29 июня 1934 г., № 150, стр. 4.

² Сценарий «Поднятая целина», «Кино» от 17 октября 1938 г., № 48, стр. 2.

³ М. Шолохов, Последняя книга «Поднятой целины», «Правда» от 4 января 1939 г., № 1, стр. 3.

⁴ «Комсомольская правда» от 17 марта 1951 г., № 63, стр. 4.

⁵ «Литературная газета» от 27 февраля 1954 г., № 25, стр. 1,

рую книгу романа заново и по-новому, так как то, что было написано до войны, мне не нравилось»¹.

Взросшая взыскательность писателя к результатам своего творчества усложняла его работу. Шолохов указывал, что некоторые главы давались ему с огромнейшим трудом, многие из них приходилось переписывать по семь и десять раз. Писатель заново переживал вместе со всеми героями бурные события прошедших лет, стремясь раскрыть перед читателем сложные повороты и изгибы жизни.

«Содержание второй книги, — говорил Шолохов, — это ожесточенная борьба двух миров, тьмы и света. В сущности это последняя схватка в великой борьбе «кто кого?» Это будет ответ на вопрос, поставленный еще в «Донских рассказах». В этой схватке и с нашей стороны не обошлось без жертв. Но побеждает новое, побеждает колхозный строй, социализм»².

В апреле 1954 года Шолохов публикует в журнале «Огонек» первые главы второй книги «Поднятой целины», а затем с марта 1955 года новые главы печатались на страницах газеты «Правда».

Читатели с большим волнением следили за судьбами героев романа, жадно вчитывались в каждый новый отрывок из него. К Шолохову приходили сотни писем и откликов. Отвечая на вопросы, как завершится роман, Шолохов не раз подчеркивал, что финал будет драматичен, что и с нашей стороны в этой борьбе не обошлось без жертв. И писатель, вскрывая глубинные места острой и напряженной борьбы тех лет, вновь не поступился жизненной правдой.

В канун 1960 года Шолохов завершил свою многолетнюю работу над романом. В переполненной затихшей коммунистической аудитории Московского университета писатель прочитал финальные страницы «Поднятой целины».

Между книгами романа почти нет временного разрыва, читатель возвращается к тому сюжетному узлу, который был завязан три десятилетия назад. Оглядывая раскинувшуюся вокруг Гремячего Лога степь, хлеба, омы-

¹ К. Прийма, Шолохов в Вешках, «Советский Казахстан», 1955, № 5, стр. 82.

² Там же, стр. 83.

тые ливнем, Островнов с великой досадой думал: «Вся природность стоит за Советскую власть, этак когда же дождешься износу ей?» Он радуется, что покинули его опасные постояльцы Половцев и Лятевский, что не рискует он теперь собственной шкурой, но, возвратившись с порубки под тягостным впечатлением от встречи с Тимофеем Рваным, Яков Лукич услышал в горенке «глухой половцевский басок», «обессиленно прислонился спиной к стене, схватился за голову... Старое начиналось сызнова».

Вторая книга открывается яркой картиной цветения жизни. «К концу первой половины июня погода прочно установилась, ни единой тучки не появилось на небе, и дивно закрасовалась под солнцем цветущая, омытая дождями степь! Была она теперь, как молодая, кормящая грудью мать, — необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства».

С лирически-взволнованным пейзажем-вступлением контрастируют совпадающие с финалом первой книги злые размышления Островнова, все больше утверждавшегося в мысли, что «будет хороший урожай», «отгрузится зерном колхоз», Томятся в одиночестве, настораживаются от каждого шороха постояльцы Островнова, скрытые, как в могиле, в темноте горенки. Тревожно на душе и у самого хозяина.

Полной жизнью живет в это же самое время Гремячий Лог, собственными руками люди куют свое счастье, и радостно светит им жизнетворящее солнце! Верный своему желанию бытописать, Шолохов медленно разворачивает повествование. Не динамика событий, а сложность взаимоотношений людей, открытие глубинных родниковых ключей их внутреннего мира, сложных поворотов и неожиданных оттенков в психологии движет развитие сюжета второй книги романа. Герои «Поднятой целины» предстают перед читателем в самой обычной будничной, повседневной жизни. Большие революционные события поры коллективизации раскрываются преломленными в сознании народа, воплощенными в судьбах простых людей.

В центре внимания Шолохова, как и прежде, партия и народ на одном из решающих этапов борьбы за торжество социализма. Но писатель, обращаясь теперь к прошлому, освещает все с высоты нашего сегодняшнего

отношения к тем событиям и процессам, которые он изображает и над которыми размышляет вместе с читателем. Углубляя наше знакомство с Давыдовым, Шолохов вносит много нового в понимание его характера и методов его руководства народом. Образ Давыдова неизмеримо обогащается, расцветивается новыми красками и, не теряя индивидуальности, приобретает все более обобщающий смысл, впитывает в себя черты подлинного героя своего времени.

Цельность характера Давыдова, его душевное богатство и обаяние, подлинно большевистская чуткость к людям, за которую так беззаветно любят его гремяченцы, приобретают художественную конкретность и зримость. В работе, движении, горении — таков Давыдов даже в дни тревожного затишья в борьбе со скрытыми врагами новой жизни. Беспокойство за судьбы людей, ставших ему родными, постоянная тревога за общее колхозное дело никогда не покидают неутомимого в своей деятельности Давыдова.

Не только Давыдов учит гремяченцев, но и они многому учат его. Задушевные беседы с рассудительным колхозным кузнецом Ипполитом Шалым, доверительная исповедь Ивана Аржанова, острое столкновение с Устином Рыкалинным раскрывают Давыдову глаза на то, чего он раньше не только не видел, но и не подозревал.

Однажды случай свел Давыдова с молчаливым пожилым колхозным возницей Иваном Аржановым. По общему мнению хуторян, это был человек «слегка придурковатый», «умом тронутый», но Давыдов, беседуя с ним по пути в бригаду, близко разглядев его «хитро смеющиеся глаза и доброе забородатевшее лицо», все больше убеждался, что «возница его — человек отнюдь не ущербленного ума; обо всем он рассуждал толково и здраво, но ко всякому явлению и оценке его подходил с какой-то своей, особой и необычной меркой». Только большое доверие к Давыдову заставило замкнутого и молчаливого Аржанова поведать то, о чем он молчал всю жизнь, чего даже хуторяне не знали. Перед потрясенным Давыдовым разворачивается тяжелая жизненная драма человека, искалеченного уродливыми нравами прошлого. Как и у Давыдова, нелегкое было детство у Ивана Аржанова, вдоволь хлебнул он нужды и горя, рос одинокий, нелюдимый, полный ненависти к убийцам от-

ца. Потрясающе прост и страшен рассказ Аржанова о свершившейся все-таки мести. Он доверительно обнажает перед Давыдовым суровые отметины прошлого в своей душе. Перед Давыдовым встает судьба человека «с чудинкой», по-своему умного, глубоко и здраво разбирающегося в людях. Неожиданная исповедь Аржанова наталкивает собеседника на серьезные размышления о сложности человеческой жизни, о невозможности одинакового подхода к разным людям с заранее готовой меркой. Человек — не вишневое обструганное и отполированное рукой кнутовище. Как вишневое деревцо, он в сучках, листьях, в своей красе, на нем много разных веток, а «без чудинки», он «голый и жалкий, вроде этого кнутовища». Своя «чудинка», что-то обязательно свое, отличает его от других людей, и, только доверяя людям, ценя желание понять его судьбу, он раскрывается лучшими своими сторонами.

Так неожиданно раскрылся перед Давыдовым и Устин Рыкалин. Еще издали, подъезжая к стану бригады, Давыдов увидел, что добрая половина косилок стоит, а казаки играют в карты. Бледный от бешенства, он подскочил к игрокам вплотную и накричал на них. Давыдов взволнован, а пожилой приземистый казак Устин Рыкалин удивительно спокоен в своих язвительно-издевательских репликах. Нагло улыбаясь, он обвиняет Давыдова в желании выслужиться перед районным начальством, наносит ему тяжкое оскорбление, ставит под сомнение его бескорыстие как руководителя. Давыдов «напрягал всю волю, чтобы обуздать в себе слепую, не рассуждающую ярость, чтобы как-нибудь не сорваться». Запасаясь выдержкой, действуя убеждением, он все-таки срывается на окрик, называя Устину «белячком», «контриком», «кулацким подпевалой», «кулацким прихвостнем», «бездельником». Но словесный поединок постепенно входит в деловое русло. Давыдов овладевает собой, стремясь раскусить язвительного собеседника, смять и растоптать его вредные доводы, убедить силой своей большой и святой правды, разоружить этого «драчливого кочета», озлобившегося забияку, Давыдов лишь только теперь, увидев изуродованную гранатой правую руку Устина, начинает понимать, почему он работает не на полную нагрузку. Узнает он и о тяжелой нищенской жизни большой семьи этого извечного бедняка, и им ов-

ладевает горькое чувство недовольства собой, злая досада на свое опрометчивое поведение.

«Кто же по нынешним временам так с народом обращается? Он, народ-то, при Советской власти свою гордость из сундуков достал и не уважает, когда на него кидаются с криком», — говорит Устин, и Давыдов убеждается, что этот не в меру бойкий казачишка кое в чем прав. Мысль Давыдова работает напряженно. Тщательно анализируя свои поступки, он во что бы то ни стало хочет разобраться в людях, с которыми строит новую жизнь: «Удивительный народ эти казачишки! Раскуси, попробуй, что за фрукт этот Устин. Оголтелый враг или же попросту болтун и забияка, у которого что на уме, то и на языке? И вот, что ни день, то они мне все новые криворды устраивают... Разберись в каждом из них, дьявол бы их побрал. Ну что ж, буду разбираться! Понадобиться, так не то что пуд — целый мешок соли вместе с ними съем, но так или иначе, а все равно разберусь, факт!»

Давыдов сурово осуждает себя за незаметно усвоенную грубую, нагульновскую манеру обращения с людьми. Постоянное общение с народом, укрепление связей с ним обогащает и поднимает Давыдова как руководителя, придает ему новые силы в труде и борьбе. Он мучится в догадках, кто же стрелял ночью в Нагульнова, все чаще идет за советом к простым казакам, ведет с ними задушевные беседы, все больше узнает людей, настороженно начинает относиться к Островнову.

Не скрывает Шолохов и слабостей своего героя, его нескладно сложившейся личной жизни. С мягким юмором выписаны взаимоотношения Давыдова с беззащитной и самовлюбленной Лушкой. Давыдов ослеплен внезапно подкравшимся чувством, вместе с тем, боясь за свой председательский авторитет, он прячет свои чувства от людей, стыдится связи с Лушкой. Вскоре пришедшая чистая и светлая любовь к Варе Харламовой облагораживает Давыдова, очищает его душу от тревог первого увлечения непутевой бабенкой.

Проникновенное раскрытие всего человеческого в Давыдове как руководителе деревни поры ее коллективизации, трудностей завоевания им народного доверия и любви делает образ живым и близким читателю.

По-новому, с неожиданной стороны предстал теперь и Нагульнов. Под внешней его суровостью и аскетичнос-

тью скрывались, оказывается, настоящие большие человеческие чувства и переживания.

Искренность, честность, доброта и чуткость Разметнова, его большое горе, связанное с утратой дорогих и самых близких людей, подкупающе непосредственны и трогательны в этом кристально чистом человеке.

Однако Шолохов не только завершает характеры «основных персонажей первой книги». Он вводит в повествование новых лиц. Большой светлой мыслью озаряется образ человека чистого сердца и яркого ума Ивана Нестеренко, нового секретаря райкома партии. Крупным планом вырисовывается теперь образ честного труженика Шалого, умного, рассудительного человека, кровно заинтересованного в делах артели. Он становится добрым советчиком и задушевым другом Давыдова, находит в себе силы открыто выступить против Островнова. Вместе с Кондратом Майданниковым и Агафоном Дубцовым Шалый одним из первых на хуторе вступает в Коммунистическую партию.

В страшной судьбе своей встает, выпрямляется, входит в новую жизнь Иван Аржанов. Подлинно драматична в финале романа фигура Щукаря, как-то сразу постаревшего после смерти Давыдова и Нагульнова. Солнечными, утренними красками освещает Шолохов образ чистой и светлой, как «зоренька ясная», сохнувшей по Давыдову, своенравной семнадцатилетней «Варюхи-горюхи».

Многое сближает героев «Поднятой целины», но каждый из них — и Кондрат Майданников, и Ушаков, и Дубцов, и Шалый, и Любишкин — нарисованы писателем в их неповторимом своеобразии, со своими живыми человеческими «чудинками».

Неумолима и логика развития образов врагов колхозного строя. Все более плотная стена отделяет их от настоящей человеческой жизни, все больше утрачивают они подлинно человеческое. Бездна, запутавшись в связях с Половцевым, страшаясь за свою шкуру, Островнов решается на звериное по своей жестокости убийство родной матери, обрекая ее на голодную смерть. С огромной силой обнажает писатель античеловеческую сущность врага, моральный распад личности, изменившей самому заветному и дорогому — вспоившей и вскормившей родной земле, своему народу.

Широко и свободно течение «Поднятой целины», полноводной рекой народной жизни разливается повествование, в сложных жизненных взаимоотношениях, в задушевных беседах, в острых спорах, в размышлениях о самом насущном раскрываются характеры простых людей, тружеников новой, советской деревни. Нарочито, быть может, замедленное вначале течение этой реки народной жизни убыстряется, становится стремительным, напряженным. Драматическая развязка приближается. В схватке с врагами, затаившимися в темной горенке куреня Островнова, гибнут Давыдов и Нагульнов, люди, без остатка отдавшие себя строительству новой жизни. Дрогнул здесь мужественный голос писателя: «Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безыменная речка, текущая откуда-то с верховодьев Гремячего буерака... Вот и все!»

Как и в «Тихом Доне», как и в «Судьбе человека», автор не в силах сдержать своего волнения, связанного с утратой людей, которым отдано было большое сердце писателя-гражданина, которые стали близкими не только ему — миллионам людей на земле.

Но жизнь продолжается. Шолохов скупой рассказывает, как убийца настигла кара, как закончилась «отчаянная, заранее обреченная историей на провал попытка контрреволюции поднять восстание против Советской власти на юге страны». На смену Давыдову и Нагульнову пришли возмужавшие вместе с ними Разметнов и Майданников.

Верный правде жизни Шолохов вскрыл напряженность и суровость последней схватки в великой борьбе за торжество социализма, озарив вместе с тем повествование ярким светом веры в новую жизнь, пришедшую на берега «тихого Дона». Неистребимость жизни на земле утверждается последним пейзажным аккордом: «За невидимой кромкой горизонта алым полымем озарялось сразу полнеба и, будя к жизни засыпающую природу, величавая и буйная, как в жаркую летнюю пору, шла последняя в этом году гроза».

Алексей Толстой, высоко оценивая «Тихий Дон», писал: «Роман будет в нас жить и будить в нас глубокие переживания и большие размышления, и несогласия с автором, и споры; мы будем сердиться на автора и лю-

бить его... Таково бытие большого художественного произведения».

Эти слова русского художника, высоко ценившего великое дарование Шолохова, написаны, кажется, не только о «Тихом Доне»... «Поднятая целина» так же будет жить, пробуждая в людях большие раздумья о сложности жизни, о суровой борьбе и красоте рождения нового.

Вторая книга романа «Поднятая целина» — свидетельство расцвета творческих сил художника, его нестареющего, щедрого, согретого большой любовью к людям таланта. Прочно связав всю свою жизнь с судьбой родного народа, Шолохов, как верный его сын, радуется могучему движению советской Родины к коммунизму. Исполнены глубокой веры в свой народ, в ведущую его партию, взволнованны, как все, что пишет Шолохов, его строки: «Родной народ, для кого устремлены все помыслы и заботы нашей мудрой партии, создатель того, что служит для мира и счастья, радуйся своим великим творениям!»

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Н. С. Хрущев, Воля народов всех стран — обеспечить мир во всем мире. Госполитиздат, М., 1959, 32 стр.

I. Собрания сочинений М. А. Шолохова

Собрание сочинений в семи томах. Тексты исправлены автором, изд. «Молодая гвардия», М., 1956—1960. (Приложение к журналу «Молодой колхозник».)

Т. 1. Рассказы 1923—1925 гг., 1956, 350 стр.

Т. 2. Тихий Дон, кн. первая, илл. О. Г. Верейского, 1956, 400 стр.

Т. 3. Тихий Дон, кн. вторая, илл. О. Г. Верейского, 1956, 398 стр.

Т. 4. Тихий Дон, кн. третья, илл. О. Г. Верейского, 1956, 430 стр.

Т. 5. Тихий Дон, кн. четвертая, илл. О. Г. Верейского, 1957, 494 стр.

Т. 6. Поднятая целина, кн. первая, илл. А. Лаптева, 1957, 360 стр.

Т. 7. Поднятая целина, кн. вторая, 1960, 400 стр.

Т. 8. (доп.) Рассказы, очерки, фельетоны, статьи, выступления, 1959, 350 стр.

Собрание сочинений в восьми томах, Гослитиздат, М., 1956—1958.

II. Отдельные издания произведений М. А. Шолохова

«Донские рассказы». С предисловием А. Серафимовича, изд. «Новая Москва», М., 1926.

«Лазоревая степь». Донские рассказы. 1923—1925, изд. «Московское т-во писателей», М., 1931.

«Донские рассказы», Гослитиздат, М. 1958, 248 стр.

«Тихий Дон», кн. первая — четвертая, авториз. обработка для учащихся X класса, илл. О. Верейский, Детгиз, М., 1956, 756 стр., 20 л. илл. (Школьная б-ка. Для средней школы.)

«Тихий Дон», в четырех кн., илл. О. Верейского, Гослитиздат, М., 1957 (Б-ка советского романа). Кн. первая и вторая, 763 стр., 16 л. илл. и порт.; кн. третья и четвертая, 856 стр. 16 л. илл.

«Поднятая целина», кн. первая, авторизов. переработка для детей старшего возраста и подростков, Детгиз, М., 1934, 200 стр.

«Поднятая целина», кн. первая, рис. А. Лаптева, Детгиз, М., 1954, 352 стр. (Школьная б-ка. Для средней школы.)

«Наука ненависти», изд. «Правда», М., 1942, 24 стр., с илл. обл. (Из фронтовой жизни.)

«Они сражались за Родину». Главы из романа, Гослитиздат, М., 1959, 68 стр. (Роман-газета, № 1.)

«Слово о Родине», пред. А. Костанова «О публицистике М. А. Шолохова», Ростов-на-Дону, 1951, 92 стр.

«Судьба человека». Рассказ, Детгиз, М., 1958, 48 стр.

III. Монографии и критические очерки о М. А. Шолохове

В. Гоффеншефер, Михаил Шолохов. Критический очерк, Гослитиздат, М., 1940, 200 стр.

И. Лежнев, Михаил Шолохов, изд. «Советский писатель», М., 1948, 518 стр.

«Михаил Шолохов». Сборник статей, Ростиздат, Ростов-на-Дону, 1940, 166 стр.

Ю. Лукнин, Михаил Шолохов. Критико-биографический очерк, изд. «Советский писатель», М., 1952, 172 стр.

«Михаил Шолохов». Сборник статей, изд. ЛГУ, Л., 1956, 376 стр.

И. Лежнев, Путь Шолохова. Творческая биография, изд. «Советский писатель», М., 1958, 428 стр.

Л. Якименко, «Тихий Дон» М. Шолохова. О мастерстве писателя, изд. 2, испр. и доп. изд. «Советский писатель», М., 1958, 556 стр.

Ф. А. Абрамов, В. В. Гура, М. А. Шолохов, Семинарий, Учпедгиз, Л., 1958, 319 стр.

IV. Из литературы в помощь учителю

К. Спасская, Из наблюдений над лексикой произведений М. А. Шолохова, «Русский язык в школе», 1947, № 6, стр. 15—23.

М. Соيفер, Язык «Поднятой целины» М. Шолохова, «Литература в школе», 1948, № 5, стр. 14—20.

О. Немчинова, Некоторые особенности языка романа М. А. Шолохова «Поднятая целина», «Русский язык в школе», 1952, № 6, стр. 21—26.

К. Спасская, Методические указания к преподаванию литературы в X классе, Учпедгиз, М., 1952, стр. 106—132.

Н. Молдавская, Об изучении языка романа М. Шолохова «Поднятая целина» в X классе, «Литература в школе», 1953, № 6, стр. 29—41. См. также в ее кн.: «Изучение языка художественных произведений в X классе», изд. 2, изд. АПН РСФСР, М., 1958, стр. 107—128.

Ф. Абрамов, Образы коммунистов в «Поднятой целине» М. А. Шолохова. В кн.: «Русская литература», изд. ЛГУ, Л., 1954, стр. 3—4С. («Ученые записки» ЛГУ, № 173. Серия филологических наук, вып. 20.)

Д. Благой, Кисть художника. «Литература и жизнь», 1958, 28 ноября, № 100, стр. 1—3.

С. А. Сергиевская, Изучение творчества М. А. Шолохова в X классе, изд. 2-е, Учпедгиз, Л., 1958, 122 стр.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. На подступах к «Тихому Дону»	12
1. Годы детства и юности	—
2. Путь в литературу	20
3. Донские рассказы	26
Глава II. «Тихий Дон»	41
1. Творческая история романа	—
2. Народ и революция	75
3. Трагедия Григория Мелехова	101
4. Коммунисты в романе	114
5. Характеры русских женщин	126
6. Народная эпопея	134
Глава III. «Поднятая целина»	142
1. Как создавался роман	—
2. Партия и народ	158
3. Партийное руководство коллективизацией	169
4. Рождение колхозного крестьянства	190
5. Лицо классовых врагов	199
6. Выдающееся произведение социалистического реализма	206
Глава IV. В сражениях за Родину	224
1. Публицистика военных лет	—
2. «Наука ненависти»	230
3. «Они сражались за Родину»	233
Глава V. На страже мира	241
1. Литература и жизнь	—
2. «Судьба человека»	251
3. В работе над второй книгой «Поднятой целины»	259
Краткая библиография	269

Виктор Васильевич Гура

Жизнь и творчество М. А. Шолохова

Редактор *Г. А. Голованова*

Художник *Ю. Н. Сигов*

Художественный редактор *М. Л. Фрам*

Технический редактор *М. С. Дранникова*

Корректор *О. М. Суздальова*

Сдано в набор 28/IV-1960 г. Подписано к печати 13/VII-1960 г.

84×108¹/₃₂. Печ. л. 17 (13,90). Уч.-изд. л. 14,30.

Тираж 72 тыс. экз. А06964.

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Полиграфический комбинат Саратовского совнархоза,

г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Заказ № 1491

Цена без переплета 3 р. 90 к, переплет 1 р. 50 к.

30

Цена Б р. 40 н.
3 1/1 1961 г. — 54 н.